Луч Фомальгаута

№ 8 · 2009

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ

Луч Фомальгаута

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ

№ 8 2009

Журнал создается силами людей с ограниченными возможностями здоровья в рамках проекта ЦСА «Одухотворение» при финансовой поддержке Департамента социальной защиты населения города Москвы.

ИЗДАТЕЛЬ

АНО «Центр социокультурной анимации Одухотворение»
(111398, Москва, ул.Лазо, д.12, ЦДиТМ «Россия»).

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ирина Позднякова: главный редактор
Татьяна Подгорная: корректор
Александр Ильин: комп. вёрстка, дизайн
Екатерина Зотова, Леонид Тарасов, Инна Тарасова: члены редколлегии

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Вероники Сосновской – с. 15, 24, 30, 41, 51, 52, 63
Надежды Государевой – с. 66, 68, 73, 77, 81
Ирины Поздняковой – с. 18, 85, 87
Сергея Царапкина – с. 53
Ольги Шафрановой – с. 89, 93, 99

На обложке:
1-я с. – картина **А.Степанова**
4-я с. – скульптура **А.Романова**

АДРЕСА ДЛЯ ПИСЕМ

390026, Рязань, ул. 4-я линия, д.1, Территориальная организация №3 РОО ВОИ.

E-mail: fomalhaut77@mail.ru
http://www.izdat-luch.ru

Фомальгаут – звезда в созвездии Южной Рыбы. В наших широтах она видна низко над горизонтом и кажется тусклым мерцающим огоньком. А ведь на самом деле это одна из двадцати ярчайших звёзд неба! Увидеть её во всём блеске нам мешают чисто внешние причины: пыль и копоть вблизи горизонта. Но если мы пойдём на юг, навстречу этой звезде, она поднимется вверх, и в южных широтах ничто не скроет от нас её истинного блеска.

Для того, чтобы изменить мнение об инвалидах, да и просто – о любом человеке, не нужно совершать далёкого путешествия вдоль земного меридиана. Мы сами готовы пойти навстречу – и делаем это. «Луч Фомальгаута» призван осветить нам дорогу.

© ЦСА «Одухотворение», 2009

Выражаем глубокую благодарносмть за участие в распространении журнала и работу с авторами Ольге Зайкиной (г.Москва) Владимиру Опоке (г. Рязань) Андрею Цыпляеву (г. Новомичуринск)

Здравствуйте, дорогие читатели!

Каждый раз, когда я пишу эти слова, невольно думаю о том, что вступительная статья к номеру – это своего рода итог ещё одного года жизни нашего журнала, да и просто – год, прошедший на нашей Земле. У нас не получается выходить чаще. В чём-то такая медлительность выигрывает перед торопливыми и спешащими за последними новостями ежемесячными, а тем более еженедельными и ежедневными изданиями. Наше время идет неспешно, но зато позволяет думать о вечных ценностях, которые всегда должны оставаться с людьми, несмотря на все превратности судьбы.

Вы вновь открываете страницы нашего журнала, который, надеемся, уже стал для вас любимым и родным.

В восьмом номере вас ждёт встреча с авторами – как уже знакомыми вам, так и новыми. «Миг Поэзии» и «Мозаика», «Вернисаж», «Мой путь» и «Уроки жизни» – наши рубрики вновь готовы к встрече с вами.

Нам радостно, что из номера в номер журнал удаётся делать всё более разнообразным и интересным. В частности, в этом номере представлена большая подборка разнообразной прозы, причём – от повести и рассказов до такого экзотического жанра дневниковой прозы, как джуйхицу. Есть и произведение, адресованное детям, – сказ-

ка Натальи Юрпаш «Маленький Жирафка» и юмористический рассказ Тамары Черемновой «Попугай Кеша».

Как обычно, присутствует в журнале и публицистика. Саша Ильин, знакомый вам по замечательным стихам и глубоким и искренним публицистическим статьям, поведает о виражах судьбы, которые могут подстерегать нас на жизненном пути, но которых не надо бояться... Наш журнал уже публиковал рассказ слепоглухого доктора наук Александра Васильевича Суворова «Дактильная азбука». А сейчас Екатерина Зотова более подробно расскажет о жизни и судьбе этого удивительного человека. В рубрике «Встречи с прекрасным» вы узнаете о творчестве рязанского художника Анатолия Степанова. А на нашем «Вернисаже» сможете посмотреть не только его картины, но и резные работы Александра Романова из подмосковного Клина.

Но это ещё не всё!

Мы рады сообщить об открытии сайта Издательства «Луч Фомальгаута».

Наш адрес в Интернете — http://www.izdat-luch.ru

На сайте вы найдёте вышедшие номера журнала и другие издания, выпущенные Центром «Одухотворение». Кроме того, там размещаются интернет-издания, выходящие без бумажной версии, так что у наших авторов появляются новые возможности для публикации. И, наконец, на сайте работают форумы, где посетители могут общаться на самые разнообразные темы.

Может быть, не всё задуманное удаётся осуществить сразу, но мы идём вперёд!

Жизнь продолжается, и «Луч Фомальгаута» снова светит для Вас.

ИринаПозднякова

ИринаПозднякова

АСТРОНОМИЯ для друзей

С детства я интересуюсь астрономией. Истоки этого увлечения лежат, наверное, в простой детской любознательности, которую, к счастью, поддерживали родители. Сначала были книги, которые мне покупали и приносили из библиотеки, потом – подаренная на день рождения подзорная труба.

Сейчас мой арсенал инструментов богаче: у меня есть ещё два небольших телескопа.

Любительские астрономические наблюдения могут иметь научную ценность, но чаще всё-таки проводятся для того, чтобы просто полюбоваться красотой Вселенной. Многими астрономами-любителями движет прежде всего чувство восхищения от созерцания звезд, планет и других небесных объектов. Они стремятся рассказать о своём увлечении друзьям и знакомым – и это вполне объяснимо, ведь каждому хочется иметь единомышленников. Но есть люди, которые пошли дальше в этом естественном стремлении – и объединились в движение так называемых тротуарных астрономов. У истоков его зарождения в 1968 году стоял американский популяризатор астрономии, телескопостроитель, автор оригинальной конструкции любительских телескопов Джон Добсон. Суть движения проста: хочешь, чтобы люди почаще смотрели на звезды, – вынеси свой телескоп на улицу и показывай им их! По всему миру тысячи астрономов-любителей следуют этому несложному девизу. В последние годы движение проникло и к нам, и многие российские любители-энтузиасты, а также астрономические клубы проводят

на улицах городов подобные акции. Для них уже есть особый жаргонизм: «тротуарки». Любой желающий может подойти к телескопу – и увидеть гористые пейзажи Луны, маленькие диски далёких планет, сверкающие россыпи звёздных скоплений…

Конечно, организовать такое мероприятие, как и любое другое, достаточно сложно. Нужно учесть многое: какие объекты показывать, что говорить, как информировать людей о том, что, собственно, происходит, – и заранее, через СМИ, и непосредственно во время проведения. (Порой прохожих приходится и успокаивать: даже небольшие телескопы могут иметь явное сходство с минометами, а солидные – непонятно на что похожи, но выглядят весьма внушительно, так что испугаться несведущему человеку не так уж сложно!) Часто выпускается специальный раздаточный информационный материал: буклеты, листовки… Конечно, в полном объёме это под силу только коллективу. Но и в одиночку при желании можно кое-что сделать. Например, пригласить на наблюдения друзей.

Вечером 9 апреля 2008 года астрономическая «обстановка» была спокойной (никаких редких явлений), но всё же достаточно интересной. На западе висел серпик молодой Луны, выше неё, в созвездии Близнецов, блестел красноватым огоньком Марс, а на юге, в созвездии Льва, находился Сатурн. И именно на них я и вытащила посмотреть в телескоп трех человек: приятеля Сергея, свою подругу Лену и её маму.

Сергей – тоже любитель астрономии, имеет бинокль, но наблюдает не очень активно и вообще предпочитает говорить в прошедшем времени: «я раньше увлекался». Что-то мне в это не очень верится. Посмотрим, что он скажет… С телескопами ему ещё не приходилось иметь дела!

Но я его попросила помочь ещё и чисто физически: штатив, труба, складная табуретка, сумка с окулярами – всё это у меня в руках не помещалось.

А Ленка... собственно говоря, именно ей мне больше всего хотелось показать небо. Лена передвигается на инвалидной коляске… Ещё осенью 2007 года возникла у нас такая идея, которую мы решили реализовать весной.

Запланировали мы всё это примерно за неделю. Накануне я полночи не спала, глядя в окно на моросящий дождик… Два дня подряд ежечасно лазала на метеосайты… Объясняла Ленке по телефону, что такое облачность 27% (такой был прогноз).

Ночью – дождь. Утром – пасмурно! В 4 часа дня – облачно! Договорились ждать 19 часов, а потом действовать по погоде.

После 18 часов – ни облачка!

В 20 часов мы с Сергеем идем к Ленкиному дому. Лена и тётя Таня уже там. Я предлагаю пройти немного вперёд, к детскому саду, откуда лучше обзор.

Из оптики я взяла небольшой телескоп, который про себя называю «китайцем» – по стране производства. Впрочем, он носит и другое прозвище – «почти «Хаббл» – не стоит забывать, что «как вы яхту назовёте, так она и поплывёт». При всех недостатках оптики у этого дёшевого приборчика есть два несомненных преимущества: лёгкий вес и простота в обращении. А это для меня было главное, ведь наводить телескоп на объекты – не такое простое дело, а тут ещё волнуешься, чувствуешь перед друзьями ответственность…

Кроме того, до последнего момента было не вполне понятно, как именно настроить телескоп и штатив, чтобы в него мог посмотреть человек с коляски, и получится ли вообще это сделать. Проблема ещё и в том, что парализованы не только ноги этого человека, но и всё остальное тело тоже не очень его слушается (у Лены ДЦП)…

Но в итоге всё получилось отладить.

Наблюдали только Луну и Сатурн. Марс я показала на небе, но в телескоп решили не смотреть, потому что всё равно на нём ничего не видно – диск в тот момент был очень маленький. Другие объекты не получилось захватить по причине светлого неба, фонарей и нехватки времени – до полуночи мы сидеть не собирались, разошлись около 10 вечера…

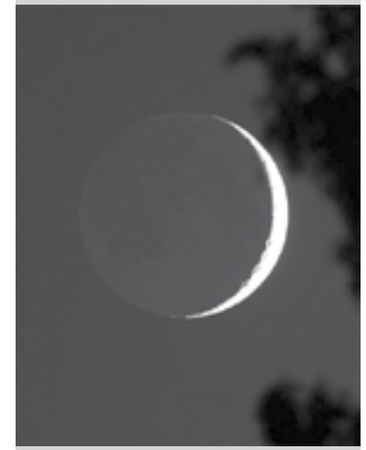
Луну смотрели с полным комплектом окуляров – увеличение 9, 15, 30 и 60 крат. Впечатление даже у меня потрясающее – наверное, соскучилась по наблюдениям за долгую зиму! Тем более, фаза Луны небольшая, тени чёткие, кратеры хорошо видны и пепельный свет заметен (это когда светится слабым светом тёмная сторона Луны – потому что её освещает Земля). Мне особенное удовольствие доставляет именно это явление.

Сатурн смотрели с двумя увеличениями – 30 и 60 крат. Впрочем, в 60 крат нам с Сергеем почти не удалось поглядеть Сатурн – он быстро убегал из поля зрения, и его «отдали» Ленке (пока они с мамой «подрулят» коляску к телескопу, а голову – к окуляру)... Но мы с Серёжкой уже видели и эту планету, и её знаменитые кольца. Нам хватит. А Ленка – впервые.

Я боялась, что нам будет неудобно смотреть в телескоп, отрегулированный для Лены, – мы выдвинули «ноги» штатива всего на полтора колена из трёх. Но всё оказалось нормально. Складная табуретка тоже низкая, сидеть можно даже долговязому Сергею. Кстати, он вскоре освоился со штативом и перехватил у меня «рычаг наведения». Все, думаю, остались довольны. Ленка очень удивилась маленьким размерам «китайчонка» («Я думала, это такая большая труба!») а затем – тому, что Луна в 60 крат «ТАКАЯ!!!!!» Живой интерес проявила и тётя Таня. Все вместе пошутили насчет «зелёных человечков», поспорили по поводу того, были ли американцы на Луне.

А на следующий вечер на том же самом месте снова были мы с Серёжей и ещё трое наших знакомых: Андрей, Юра и Володя. Андрей тоже давно хотел посмотреть

Луна и Альнат.
Фото И. Поздняковой



Луна с пепельным светом на фоне листвы.
Фото В. Буслова

в мою оптику – однажды он, как и мы с Серёжей, был на экскурсии в обсерватории, и ему очень понравилось. Юру и Володю пригласили за компанию…

На сей раз я рискнула размахнуться побольше и взяла на один день у знакомых ещё один фотоштатив – меньше моего и довольно хлипкий, но «китайца» на него поставили нормально – для Луны сошло. А на моём сначала стояла зрительная труба «Турист-3», потом фотоаппарат, а потом, для поисков Сатурна, – и «китаец».

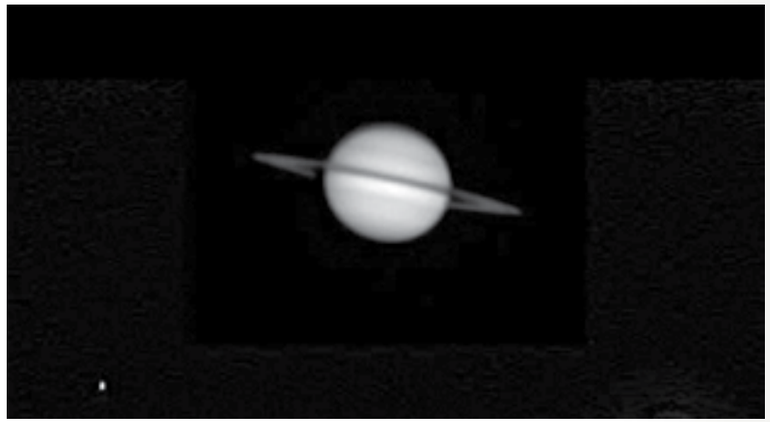
С объектами – всё то же самое. Только Сатурна остался ждать один Андрей (ну и мы с Сергеем). Юре и Володе хватило Луны на светлом небе. Андрей ушел довольный. Засыпал нас с Серёжкой вопросами – за двоих! Только Сатурн почему-то на этот раз гораздо труднее «ловился» (наверное, мы с Сергеем больше волновались – взяли ведь на себя ещё большую ответственность… но внешне было похоже, что «китаец» закапризничал – мол, для Ленки я поработал, а вы как хотите!) А может, атмосфера подвела …

Хотели из спортивного интереса посмотреть Марс – тоже не вышло... Но это было под конец, и мы с Сергеем просто уже устали. Ведь одно дело – спокойно сидеть и наблюдать в своё удовольствие у себя на балконе или огороде в деревне, а другое – наводить, показывать, объяснять, отвечать на вопросы...

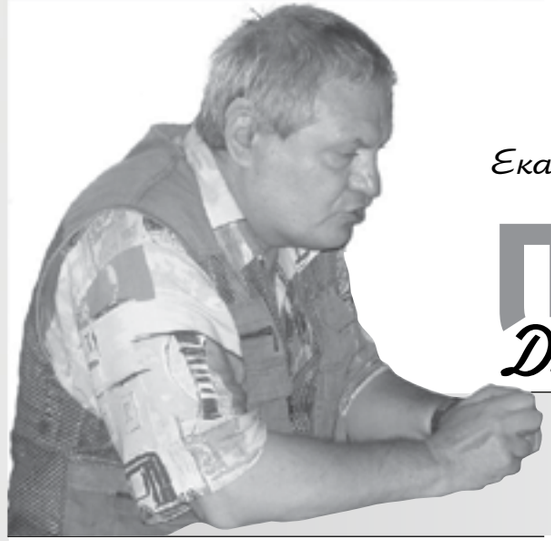
Зато у меня получилось сфотографировать Луну – яркий серп и остальная часть, залитая слабым пепельным светом, – а рядом с ней звезду Бету Тельца, или Альнат.

Между прочим, были и черты настоящей «тротуарки»: к нам подошёл мужчина с мальчиком лет шести и попросил: «Можно ребёнку поглядеть?» «Китаец» как раз был наведён на Луну с увеличением 60 крат. И папа, и сын посмотрели в окуляр, а я на память им дала карту Луны – распечатала её на принтере для наблюдений…

Кстати, с 2007 года проходит Международная ночь тротуарной астрономии. Дата её непостоянна, приурочивается она к выходному дню и Луне, близкой к фазе первой четверти. В этом году она приходилась на 12 апреля, так что мы почти попали!



Сатурн
Фото В. Буслова



Екатерина Зотова

ПОДВИГ Детской Вешалки

Я из повиновения вышел…
Владимир Высоцкий

В обыденном понимании герой – это человек, совершивший то, что другие либо не могут, либо не очень-то хотят делать. (Например, далеко не каждый готов стать родоначальником большой семьи, сколько бы ни призывали к этому власти и общественность.) Героев принято уважать, глядя на них снизу вверх, – такая позиция особенно активно насаждается в школах. В результате часто уже при жизни человек перестаёт быть личностью (пусть и героической), превращаясь в ходячий памятник самому себе.

Доктора психологических наук, действительного члена Международной академии информатизации при ООН, кавалера Почётной Золотой медали имени Льва Толстого Александра Васильевича Суворова такая чаша миновала. Хотя клеить ярлык «героя» Саше начали ещё в отрочестве – во время учёбы в Загорском детском доме для слепоглухих. Да-да, здесь нет опечатки: этот доктор, профессор и т.д. с детства не видит и не слышит.

Согласно исследованиям, 90% информации человек получает с помощью зрения. Ещё 8–9% – посредством слуха. На вкус, обоняние и осязание остаётся всего 1–2%. Именно эти 2% напрямую связывают Суворова с окружающим миром. Плюс – книги, набранные брайлевским шрифтом (выпуклыми точками), плюс – дактильный алфавит (способ разговаривать «ладонь в ладонь», когда каждая буква обозначается на ладони собеседника определённой комбинацией пальцев). К этому, прямо скажем, небогатому набору в последние 12 лет прибавился компьютер со специальным брайлевским дисплеем, переводящим в точечный шрифт любые текстовые файлы.

Александр Суворов, безусловно, личность героическая – спорить с этим было бы глупо. Однако, познакомившись с ним,

я поняла: его героизм заключается вовсе не в победе над слепоглухотой, преодолеть которую, увы, невозможно. В чём же тогда? На этот вопрос я и попытаюсь ответить.

Как-то ещё в детдоме журналисты, решившие написать про последнее достижение советской педагогики, спросили Сашу, не тяжело ли ему учиться. До сих пор доктор наук не может забыть своего изумления: он попросту не понял вопроса. И тогда, и теперь он убеждён: учиться может быть «либо интересно, либо скучно. Если интересно – трудностей не замечаешь, а если скучно – то и лёгкое трудно».

Саша учился хорошо. Во-первых, потому, что поглощение знаний всегда было его любимым занятием. Во-вторых, суровая судьба сделала ему скромный, но, как потом выяснится, бесценный подарок. Мальчик ослеп на четвёртом году жизни, а в девять лет почти полностью потерял слух. За это немногое, по нашим меркам, время малыш успел стать человеком и даже окончить начальную школу для слепых. Он умел говорить, запоем читал книги, написанные брайлевским шрифтом, понимал, в чём отличие буквы от слова, и потому, оглохнув, без особых проблем перешёл на дактильный алфавит. (Детей, потерявших слух в раннем детстве, этому учат долгие годы.)

Словом, до поры до времени мальчишка просто жил, полностью отдаваясь любимым занятиям. Благо, рядом были любящие и заботливые родители, а позже, в детдоме, – педагоги, готовые создать для развития слепоглухих детей все мыслимые условия. (Саша никогда не был сиротой. Просто Загорский детдом, созданный в 1963 году, был единственным местом в Советском Союзе, где слепоглухой ребенок мог получить образование.)

Решающим днём в жизни 17-летнего Саши Суворова стало 9 февраля 1971 года, когда он и ещё три воспитанника (Наталья Корнеева, Юрий Лернер и Сергей Сироткин) были переведены в Москву, в экспериментальную группу лаборатории обучения и изучения слепоглухонемых детей НИИ дефектологии Академии педагогических наук СССР для подготовки к обучению в университете. Он до сих пор с нежностью и благодарностью вспоминает руководителей и идейных вдохновителей этого эксперимента – доктора психологических наук Александра Ивановича Мещерякова, доктора философских наук Эвальда Васильевича Ильенкова и академика Алексея Николаевича Леонтьева. Благодаря усилиям Мещерякова открылся Загорский детдом, а его лучшим ученикам была дана возможность продолжить образование. Учёные знали, что при правильном подходе слепоглухие могут научиться не только обслуживать себя, общаться и собирать на ощупь простейшие изделия. Первый слепоглухой доктор философии появился в США в начале XX века (им стала Элен Келлер), а в 1961 году в Советском Союзе степень кандидата педагогических наук получила воспитанница харьковского педагога-новатора И.А. Соколянского Ольга Скороходова.

Эксперимент был поддержан на самом высоком уровне – молодых людей зачислили в МГУ вне конкурса и даже без аттестатов. (Впрочем, тут Суворов, пожалуй, впервые проявил характер и одновременно с первой летней сессией в университете попытался сдать экзамены за курс средней школы. Попытка не удалась, ведь в детдоме не преподавали ряд предметов, в том числе иностранный язык.) Сначала экспериментаторы хотели дать своим подопечным свободу выбора факультета. Но вскоре оказалось, что обучение слепоглухих – дело крайне трудоемкое, и четвёрка собралась на факультете психологии – там, где сходились интересы и преподавателей, и большинства подопечных.

Учились слепоглухие студенты отдельно от остальных – воспринимать лекции в устном переводе оказалось слишком сложно (на Суворова, к примеру, они нагоняли сон). Всю необходимую литературу и расшифровки лекций, которые читали обычным студентам, приходилось переводить на брайлевский шрифт. Связь с большинством преподавателей, а порой и друг с другом осуществлялась благодаря уникальному прибору – телетактору. Он переводил текст, набранный на клавиатуре (обычной или брайлевской), в брайлевскую строку, позволяя вести диалог в режиме, напоминающем компьютерную «аську». Впрочем, все эти сложности улаживали организаторы эксперимента, давая своим подопечным возможность без помех впитывать знания. И они впитывали…

Но едва юный Суворов успел освоиться в МГУ, как навалились непростые вопросы. До сих пор он покорно шёл туда, куда его вели. Даже выбор вуза был сделан за него. Ему по-прежнему нравилось учиться, но чем дальше, чем настойчивей в мозгу стучало: «Зачем?..» Раздумья отливались не в психологические трактаты, а в жёсткие, беспощадные к себе самому стихи. Впрочем, это не удивительно – поэзия привлекала Александра ещё в детстве, он даже мечтал о Литинституте.

* * *

Ничего не умею руками,
Только двигать умею мозгами.
Никуда я не годен такой, –
Косорукий, с прямой головой.

1 мая 1974

«Детский сад! Ничего себе “только”!» – прокомментировал это откровение сам автор четверть века спустя. Но тогда ранимому, не уверенному в себе юноше было не до смеха…

Под каждым стихотворением – точная дата как фиксация очередного этапа наблюдений. Ведь с начала 70-х годов стихи и дневниковые записи станут для Суворова основной формой сбора экспериментального материала о жизни странного, малопонятного субъекта – самого себя. Его раздражает мелочная опека – и страшит одиночество; он готов к борьбе, но не видит цели, мечтает, как о чуде, о возможности одному пройтись по городу – и полушутя примеряет петлю, сознавая, что добровольный уход из жизни – один из немногих поступков, который он может совершить сам, без посторонней помощи…

* * *

Кто я? –
Неполноценный человек.
Я – идиот, себя талантом мнящий.
И чувства все мои, весь интеллект –
Слабее, чем у слышащих и зрячих.
С кем наравне задумал быть, балда?!
Я – лилипут, задравший нос без меры.
Со мною снисходительны всегда,
И не лишат в себя счастливой веры.
Я нужен великанам, как объект
Тщеславной жажды проявлять гуманность.
Я – экспонат в музее «Человек»,
В разделе редкостей «Курьёз и Странность»...

17 марта 1977

Разумеется, эти стихи – не более (но и не менее) чем отзвук боли, вызванной унынием и разочарованием. Длительным такое настроение быть не могло, иначе не было бы успешной учёбы. Но оно БЫЛО – и, преодолев слабость, Суворов не может делать вид, что её не было.

А время шло. В 1974 году не стало А.И. Мещерякова, и эксперимент возглавил духовный наставник Александра Э.В. Ильенков. В 1977 году Суворов с товарищами окончили факультет психологии МГУ и были приняты на должности младших научных сотрудников в лабораторию теоретических проблем психологии деятельности НИИ общих и педагогических проблем Академии педагогических наук СССР. Но сотрудничество оказалось недолгим – в марте 1979 года Ильенкова не стало. К тому времени Александр Суворов понял, что путь психолога-теоретика для него закрыт: чтобы двигаться вперёд, надо быть в курсе современных исследований, однако читать в библиотеке обычные книги и журналы он не мог. Не мог он и работать с пациентами, следовательно, экспериментальная стезя тоже не для него.

Оставался путь самопознания и самоанализа. Эта тропа была уже изрядно утоптана – по ней в своё время прошли и Элен Келлер, и Ольга Скороходова, написавшая книгу «Как я представляю, воспринимаю и понимаю окружающий мир». Именно на неё вела слепоглухих выпускников логика эксперимента. Его инициаторы надеялись, что эти дипломированные специалисты помогут коллегам-психологам глубже проникнуть в тёмный и безмолвный мир слепоглухоты, нащупать в нём новые путеводные нити. Их обеспечили не только рабочими местами, но и жильём в Москве, а также неплохими (по тогдашним меркам) стартовыми зарплатами…

Возможно, Суворов ничего бы не потерял в плане званий и регалий, пойди он по этому пути. Вот только быть вечно ведомым молодому, критически мыслящему учёному не хотелось. Слишком остро чувствовал он фальшь в отношении сотрудников института к слепоглухим коллегам. В 1985 году в стихотворении «На перепутье» Александр вынесет себе и своим товарищам беспощадный приговор от лица «мужей науки»:

Слепы, глухи... Я терплю –
Никуда не денешься!
Лишь народные в трубу
Вылетают денежки.
Всё ж не богадельня здесь,
Чтобы мы им трафили!
В их работах только есть
Факты биографии.
……
Не наука их судьба –
Около науки только.
Их придётся призревать
(Тайно презирать, конечно).
Мы гуманны. В шею гнать –
Было бы бесчеловечно.

Терпеть такое отношение Суворов не хотел и потому, не бросая института, стал искать иную сферу приложения своих знаний и возможностей. В 1981 году он возвращается в родной детдом, чтобы попытаться помочь его нынешним воспитанникам.

Конечно, наивно предположить, что слепоглухому доверят жизнь и здоровье детей. За ними и здоровые-то воспитатели порой не могли усмотреть… Но и плакатным примером «правильного» ученика Александр тоже становиться не собирался. Отныне он станет для детей чем-то вроде старшего брата, друга, не связанного внутришкольной субординацией и потому более близкого, чем другие взрослые. (Позже в одном из обычных детских лагерей ребята дадут ему забавное, но точное прозвище – «Детская Вешалка».)

Чтобы быть полезным детям, Александру пришлось немало поработать над собой – побороть свою нелюдимость, закомплексованность, научиться говорить на одном языке с детворой. Последнее было особенно сложно, ведь даже в детском саду у Саши не было друзей. Решать педагогические проблемы Суворову помогал еще один старший друг – историк педагогики, ныне академик РАО, Борис Михайлович Бим-Бад. Он советовал идти от ребёнка, изучать его интересы и помогать в решении проблем, а не торопиться «впихивать» в него своё.

Освоившись в детской среде, Суворов понял, что главный «тормоз» в развитии слепоглухих ребят – дефицит общения. И – начал искать пути преодоления этой проблемы. Летом 1987 года он поставил на себе эксперимент по выживанию в среде зрячеслышащих людей: целый месяц прожил без сопровождающих-переводчиков в пионерском лагере «Салют», где работали вожатыми его знакомые из Ленинградского пединститута имени А.И. Герцена. Конечно, потеряться или умереть с голоду ему бы там не дали в любом случае. Однако каждый день он должен был десятки раз устанавливать и поддерживать контакты со взрослыми и детьми, не умеющими говорить «на пальцах». Опыт оказался успешным, и на следующий год Суворов появился в лагере уже не один, а с четырьмя слепоглухими подростками из Загорска. С тех пор такие поездки детдомовцев в различные лагеря стали регулярными.

Эксперимент определил одну из основных тем научной работы Александра Суворова – «Слепоглухой в мире зрячеслышащих». Отказавшись от простого описания того, как он воспринимает окружающее, молодой ученый – пожалуй, впервые в мире – громко и внятно заговорил о том, как построить продуктивное взаимодействие слепоглухого человека и его окружения. В основе разработки темы лежал собственный многолетний опыт общения с самыми разными людьми – от случайных попутчиков и прохожих на улице до коллег-единомышленников. (Невероятно, но факт: не раз и не два Александр отваживался в одиночку передвигаться по московским улицам. Впрочем, вынуждала его к этому отнюдь не склонность к экстриму, а элементарная жизненная необходимость – отсутствие в нужный момент персонального помощника.)

Другой, первичной для него темой стала проблема развития и сохранения личности в условиях слепоглухоты. Ей посвящен и единственный в своём роде сборник стихов «Достоинство в склепе». Названия многих его разделов говорят сами за себя: «Склеп», «Израненная душа», «Траурная сюита», «Самоанализ», «Живая совесть», «Ангел-хранитель» (стихи о маме)… Сам автор так определяет принцип отбора: «При составлении стихотворного тома я руководствовался не столько эстетическими, сколько исследовательскими критериями отбора. То, что с чисто эстетических позиций не надо бы включать, мне казалось целесообразным всё же включить – по соображениям

исследовательским». Первоначально он хотел сопровождать стихотворные разделы психологическим комментарием, но потом отказался от этой идеи: «…Проблема человеческого достоинства, во-первых, и так исследуется практически во всех моих научных работах; во-вторых, подытожить это исследование лучше в особой монографии».

О чём эта книга, которая периодически дополняется новыми страницами? О том, как жутко живому оказаться пожизненно замурованным в вечном мраке и тишине слепоглухоты. О том, что и в этом склепе человек остаётся человеком, продолжая надеяться, страдать, верить, любить и ненавидеть. О том, как больно ранят мелочные уколы окружающих, которые за физическими недостатками упорно не видят человеческую личность… Прочитать этот сборник и другие работы Александра Суворова можно на его сайте http://www.avsuvorov.ru. Пока же – ещё одно стихотворение из него, снабжённое авторским комментарием:

* * *

Инвалиды всех стран, умирайте!
Добровольно. Житуха пуста.
Ни малейших надежд не питайте,
Будто сбудется ваша мечта.
Жить не стоит. Да вот же качели:
Чуть пригреют – и хочется жить...
У ближайшей, реальнейшей цели –
Только слёзы в песок уронить.
О духовности – и не мечтайте.
Вы беспомощны. Дух – на замок.
Инвалиды всех стран, умирайте!
Подлой жизни – хоть в морду плевок.

14 августа 1995

«Мне не с кем было поехать в компьютерный центр для работы над докторской диссертацией, – поясняет Суворов. – И я опасался, что и вообще будет не с кем.

Я не раскаиваюсь в этих и подобных чудовищных строчках. Так было, так бывает, и пусть об этом знают все, потому что надо же что-то делать, – ТАК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ!

А пока так есть, – ЧЕСТНЕЕ об этом кричать, чем молчать.

И я давным-давно разрешил себе кричать, перестал стесняться крика – и в стихах, и в прозе. И считаю, что разрешить себе кричать – это проявление силы, а не слабости. Крик – подчёркиваю, ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНЫЙ, а не просто вопль, – форма борьбы с тем, чего нельзя терпеть, а значит, не надо и «стесняться» кричать об этом».

А жизнь тем временем шла своим чередом, поворачиваясь к моему герою отнюдь не худшей стороной. После 1991 года пионерская структура развалилась, однако Суворов ещё до этого, в 1989 году, активно включился в работу всероссийского Детского ордена милосердия (ДОМа). Учёный признаётся: «Эта организация является одной из главных моих экспериментальных площадок». С 1994 года в ДОМе реализуется разработанная Александром программа, которая чуть позже получила название «Школа взаимной человечности». На занятия, проходящие во время каникул, съезжаются ребятишки со всей России – как здоровые, так и дети-инвалиды. Цель же необычной школы – научить детей и взрослых взаимопониманию и чуткости, уважительному отношению к особенностям других.

В процессе учёбы её неизменный участник, Александр Васильевич Суворов, давно стал самым лучшим тренажёром. Он не только выступает с лекциями и беседами, но и активно общается с ребятами: сам говорит, а собеседник в ответ пишет буквы на его ладони. Разговаривать таким способом непросто, особенно поначалу. Зато как интересно – без посредника беседовать с человеком, который не видит и не слышит! Тем более, когда этот необычный взрослый оказывается чутким и понимающим другом.

Удачно сложилась и научная карьера. В 1994 году Суворов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Саморазвитие личности в экстремальной ситуации слепоглухоты», а через два года – докторскую, «Человечность как фактор саморазвития личности». Такой быстрый скачок был бы невозможен, если бы в начале 1995 года в Республиканском центре компьютерных технологий Всероссийского общества слепых Суворов не освоил компьютер со специальной приставкой, который буквально произвёл революцию в его научном и литературном творчестве. (Благодаря друзьям собственный компьютер появится у него только в октябре 1996 года.) После защиты докторской диссертации он читает циклы лекций студентам Московского педагогического государственного университета имени Ленина и Университета Российской академии образования, является ведущим научным сотрудником Лаборатории психолого-педагогических проблем непрерывного образования детей и молодёжи с особенностями развития и инвалидностью Института гуманитарных технологий Московского городского психолого-педагогического университета.

Несмотря на тяжёлые заболевания (диабет, гипертония), одолевающие в последние годы, продолжается и активная «детско-лагерная» деятельность Суворова. Да и как не тянуться к этой жизни, если именно там в 2002 году он неожиданно обрел свое личное счастье – названого сына Олега? С самого начала доверие было настолько полным, что Александр за руку с ним, тогда ещё школьником, рискнул не только подняться в горы (дело было на Кавказе), но и перейти вброд по камням горную речку. А позже, после смерти сестры Суворова, студент московского вуза Олег поселился вместе с приемным отцом и, по сути, стал его главным помощником. (Мама юноши этому не препятствует.)

Так в чём же подвиг Александра Суворова? В том, что он, приговорённый судьбой к пожизненной опеке окружающих, к роли вечного «подопытного кролика» в науке, сумел отстоять для себя свободу принятия решений, свободу выбора пути. (Мало ли на свете совершенно здоровых людей, которые безропотно передают её родным, начальству, властям – кому угодно! – лишь бы не отвечать за последствия выбора.) И не просто смог отстоять, а эффективно ею воспользовался – мог бы ведь «свободно» спиться или попросту свести счёты с жизнью. Результат – налицо: в крайне непростое для всех нас время слепоглухой инвалид Александр Васильевич Суворов ухитрился не просто выжить, а развить продуктивную НЕкоммерческую деятельность. Более того, стать нужным десяткам ребятишек. (Поверьте опыту учителя – дети на первом встречном не повиснут!) Это действительно дорогого стоит.

Александр Георгиевич Тиунов родился 6 марта 1954 года в городе Карпинске Свердловской области.

С 1972 по 1975 годы служил в Хабаровском крае, в морских частях пограничных войск на советско-китайской границе. После окончания службы стал работать водителем лесовоза в Карпинском леспромхозе. Через пять месяцев на производстве получил тяжёлую травму позвоночника.

Александр Тиунов

Литературным творчеством стал увлекаться с 1986 года. Автор многочисленных рассказов и стихотворений, многие из которых опубликованы в газетах и журналах, выходящих в городах Свердловской области. Внештатный корреспондент газеты «Карпинский рабочий». Один из авторов коллективного сборника «Восхождение», вышедшего в 1998 году в городе Свердловске, в честь десятилетия Всероссийского общества инвалидов. Автор личного сборника стихов и рассказов – «Богословский родник», вышедшего в 2000 году в г. Карпинске, один из авторов коллективного сборника «Хрупкий мир радуги», вышедший в 2001 году при редакции газеты «Карпинский рабочий». Публиковался во Всероссийском журнале инвалидов «Голос», а также в газете Всероссийского общества инвалидов «Надежда».

* * *

На родимой стороне
Опьянит меня багульник
На родимой стороне.
Там, где ветер прёт загульный
И всего семнадцать мне.

Бег весёлый жеребёнка
Краем сопки той большой,
Где зовёт меня сестрёнка
За колодезной водой.

В огороде между грядок
Мамы беленький платок.
До чего же воздух сладок!
Как манит родной порог!

Льётся жаворонка песня
Над берёзовой семьёй.
Голос прожитого детства
И судьбы — всегда со мной.

Воздух сладок. Пьян багульник
На родимой стороне.
Ветерок шумит загульный,
И всего семнадцать мне.

Сон белой голубки

Потерялся сизокрылый
И не хочет весть подать.
У голубки вид тоскливый,
Ей не хочется летать.

Не затронута водица,
Не поклёвано пшено.
Ей одно и то же снится –
Счастье нежное прошло.

Неужель с другой любимый
Соизволил ворковать?!
В жизни чистой голубиной
Есть уменье ожидать.

Всё не тронута водица,
Не обласкано перо.
Над чужой бедой глумится
Злое ястреба крыло.

Помнишь, мама

Помнишь, мама, наш домик за речкой,
Там где сосны к берёзонькам льнут.
Три окошка со старенькой печкой,
Те рябины, что гроздья плетут?

Светлый дворик с поникшей скворечней,
Полушубок отца на стене.
В тишине сеновала под дверцей
Два котёнка свернулись во сне.

Вспомни, мама, сентябрьские зори,
Сыновей у родного крыльца.
Отпылают рябиною хвори,
Заблестят голубые глаза.

Помнишь, мама, наш домик за речкой,
Там, где утро сверкает росой.
Ты стоишь у растопленной печки
С заплетённою русой косой.

Дорогие читатели! Мы продолжаем открытую в прошлом номере рубрику «Как слово наше отзовётся» и представляем в этот раз школьные сочинения по стихотворению Ирины Поздняковой «Дневники». Как и прежде, обсуждение стихотворения с ребятами проводила Татьяна Подгорная.

Ирина Позднякова

Дневники

Казалось бы, мелочь – случайная встреча.
Короткий, как миг, телефонный звонок…
Но смыслом наполнится сумрачный вечер
И выглянет радость из сдержанных строк.

Казалось бы, мелочь – небрежное слово
В случайной беседе слетит с языка…
А сердце от боли заплакать готово,
И буквы дрожат – непослушна рука…

О люди! Бумага все стерпит, я знаю.
Но ей с каждой строчкой больней и больней.
Нам надо бы, душу в словах изливая,
Прощенья просить у тетради своей!

Мы стали жестоки, черствы, равнодушны,
Чужую беду принимаем в штыки…
Когда же друг друга научимся слушать?
Когда перестанут страдать дневники?

«Мы стали жестоки, черствы, равнодушны, Чужую беду принимаем в штыки»

Я считаю, что у многих людей, живущих на нашей планете, даже, можно сказать, у всех, – есть проблемы. Но они не могут ими поделиться: просто не с кем. Люди не в состоянии держать это в себе, им надо кому-то излить душу.

Мы стали черствы к проблемам других, нам всё равно, что у них творится в душе. Мы ведь им даже не сочувствуем, отмахиваемся от них, как от назойливых мух. «Нам своих проблем хватает, так ещё и чужими душу загружать», – говорят некоторые. Значит, и вам нужно излить душу, у вас тоже много проблем. Но и вам не удастся это сделать. Как вы не захотели слушать других, так и вам никто не поможет.

Даже к чужому горю, к чужим бедам мы стали равнодушны. Например, у человека случилась беда: родственника сбила машина. Он бежит к соседу за помощью, а у того сломался телевизор. Вы вбегаете к нему в квартиру и рассказываете, что у вас произошло. А соседу всё равно, он говорит:

– Не мешай! Видишь, у меня телевизор не работает, а я хочу посмотреть футбол. Помог бы лучше, а то встал, как столб!

У соседа же проблема поважнее: скоро матч, который он не увидит. Ему не до проблем этого человека. Может быть, потом он извинится, но факт остаётся фактом: на тот момент ему был важнее телевизор и футбол, чем кто-то, погибший на дороге.

И после этого мы говорим, что умеем сочувствовать другим людям?!.

Константин У., 7-й класс

«Мы стали жестоки, черствы, равнодушны…»

Я полностью согласен с этой мыслью. Чуть ли не с самого появления человека наш мир медленно, но верно покатился в бездну.

В мире во все времена существовали великие учёные, но, к сожалению, их открытия стали использоваться не по назначению. Человек всегда стремился быть сильнее и не жалел никого. Конечно, встречались единицы – те, кто был против, – но их уничтожали. Сколько замечательных людей мы потеряли в многочисленных войнах!

В наши дни ситуация не улучшилась. В мегаполисах поселился хаос. Если не знать, как вести себя при большом скоплении людей, затопчут и не заметят. Недавно в новостях я услышал, как человек упал в толпе, – хоть кто-нибудь предложил ему помощь? Нет! Ничего не изменилось: люди продолжали идти по своим делам, и пожилого человека затоптали.

Ещё один страшный случай происходил прямо на моих глазах. Я спокойно вошёл во двор школы и увидел такое, что сразу перевернуло моё сознание: пожилая женщина упала посреди дороги, и никто даже не помог ей, все только ругались. Такого безразличия я не видел никогда.

Страшно становится, когда понимаешь, что это не предел. Люди как будто рассвирепели. Всем надо только толкаться и пихаться, а ещё говорят, что человек – венец творения…

Михаил К., 10-й класс

Саша Ильин

ВИРАЖИ СУДЬБЫ

ДЦП… Это слово преследует меня с самого раннего детства. Непонятное, страшное слово, которое шептали люди, с жалостью смотря на меня, которое произносили врачи в бесконечных больничных коридорах и палатах, ставших для меня почти вторым домом. Слово, от которого веет безысходной тоской и безнадёжностью… Но я привык к этому слову. Привык к больницам, привык к нескончаемым дорогам, бессонным вокзалам, прокуренным вагонам, чужим городам, где снова ждали больницы, снова врачи, снова тоска одиноких палат. Всё это стало частью моего детства, моего раннего невесёлого детства. И что меня ждало впереди, какая судьба ждала меня в этой столь болезненно начавшейся жизни, тогда ещё никто не знал. Не знал и я. Я тогда вообще не думал об этом. Может, потому, что не видел этого будущего для себя, боялся этого будущего. А может, потому, что был просто ребёнком.

Да, я тогда был ещё совсем ребёнком, больным и беспомощным. Ребёнком, на которого все смотрели с жалостью. Но я уже тогда почти не плакал; даже когда оставался совсем один среди чужих людей в больничной палате, даже когда было очень тоскливо и больно. Я уже тогда любил смотреть на звёзды, манившие за собой в неведомые загадочные дали. И уже тогда я как будто что-то решил для себя, как будто чего-то ждал и на что-то надеялся. Ведь мне не нужно было слишком много, я хотел быть просто таким же, как все, хотел играть с мальчишками, дружить с девчонками. Хотел, чтобы никто не смотрел на меня с жалостью.

Но к этой мечте лежал долгий и трудный путь. После многих лет непрерывных лечений, после нескольких операций я стал по чуть-чуть вставать на ноги и передвигаться на костылях. Мне уже было 8 лет, пора было идти в школу. И с этого момента начался новый период моей жизни: меня ждал интернат…

Обычно к этому слову относятся как-то настороженно и неодобрительно. Отдать своего ребёнка в интернат – сейчас это даже звучит как-то нехорошо. Но тогда, в те далёкие (почему-то кажется, что очень далёкие) годы всё было иначе, и именно интернат подарил мне то, о чём я мечтал.

Это был особый мир, своеобразный островок детства в бушующем море действительности – островок, где не было больных, не было лишних и ненужных. Были просто дети. Может быть, внешне немного отличающиеся от других: на костылях или колясках, без рук или без ног. Но это было не важно. Там все были такими, поэтому все были самые обычные, все были «свои». И я тоже стал своим в этом маленьком мире, он меня принял, обогрел, приласкал. Это были самые счастливые годы моего детства! Обычная детская жизнь, со своими радостями и горестями. Школа, увлечения, друзья. Много друзей – таких, о которых я мечтал. О, как мы жили, как дружили, как целым классом, сбегая с уроков, встречали друг друга после каникул! Как были юны, дерзки и наивны, как спорили с учителями и в то же время могли им доверять самое сокровенное, зная, что они поймут, поддержат, подскажут. Наверное, мне просто повезло, что я попал именно в такой интернат и именно в такой класс. Легендарный был класс, яркий.

Именно там, в интернате, я впервые перестал чувствовать себя больным и беспомощным, начал верить в себя, мечтать, строить планы на будущее. И когда однажды моё детское увлечение звёздами переросло в серьёзный интерес к точным наукам, когда я стал самостоятельно заниматься физикой и математикой, опережая школьную программу, интернат тоже понял и поддержал меня. Учителя помогали во всём, доставали учебники для старших классов, а затем и техникумов, разбирали выводимые мной формулы и уравнения. Мой интерес к тайнам Мироздания, мой беспокойный ум и способности были замечены; мной удивлялись, мне помогали, мне делали поблажки. Я мог все каникулы напролёт просидеть за учебниками по квантовой механике (уже в 8-м классе!), выводя какие-то формулы и уравнения, в которых не всегда могли разобраться даже преподаватели. Я хотел что-то понять, докопаться до какой-то важной тайны. И мне казалось, что разгадка близка, что я смогу найти её! Никто уже не сомневался, что моя жизнь будет посвящена науке, и моей ближайшей целью в жизни стал университет.

Наверное, я бы вполне смог стать учёным, и может быть, даже что-то открыл бы. Но судьба… у неё, кажется, были свои планы, и она оказалась ещё ещё удивительнее, чем я мог себе представить.

После интерната, где я прожил 9 лет и с отличием закончил неполную среднюю школу, где осталось моё детство и мои друзья, я вновь оказался в этом большом суровом мире, вновь один, вновь жалкий и беспомощный, никому не интересный и не нужный. Я не готов был к этому, я слишком

привык к тому шумному, весёлому и дружному интернатскому миру, моему маленькому островку, где все всегда были своими, все были нужными, где всегда рядом были друзья. Я не знал, как мне жить в этом городе, одному, что делать? Лишь мечта об университете как-то ещё утешала и подталкивала к каким-то действиям, но и она была слишком нереальной.

И вот тогда, именно тогда случилось нечто совершенно неожиданное: не любивший в школе литературу и интересовавшийся лишь точными науками, я вдруг начал писать стихи! Робкие, неумелые, мои первые стихи показались мне поначалу даже как будто и не моими, словно случайно залетевшими откуда-то в мою душу, сознание. И всё же в них были именно мои мысли и чувства. И эти чувства казались мне слишком сокровенными, чтобы их кому-то показывать. Я безумно удивлялся и радовался своим первым стихам, я их лелеял и хранил, не решаясь никому доверить. Но их всё равно увидели.

Как ни странно, но моё возвращение из интерната не оказалось незамеченным: вскоре нас с мамой начали приглашать в детско-подростковый клуб «Добродеи», собиравший детей-инвалидов района. Начались поездки на природу, встречи и праздники в уютном добром клубе. Именно там моя мама и показала мои первые стихи – директору «Добродеев» Галине Дмитриевой. Та их почему-то сразу понесла в газету, где их сразу же и опубликовали. Я был просто шокирован, не мог поверить в случившееся: стихи, которые я стеснялся показать даже маме, – в газете! Но вскоре я понял, что с этого момента открылась какая-то совершенно новая страница моей судьбы…

Поэзия, так нежданно ворвавшаяся в мою жизнь, подарила мне нечто новое, доселе неведомое, невыразимо высокое и прекрасное. Я с жадностью начинал открывать для себя великих русских поэтов, читал взахлёб Лермонтова, Тютчева, Блока, Цветаеву, Пастернака, писал сам, – буквально жил стихами! В моей душе словно что-то проснулось после долгого сна – и она задышала по-новому, начала раскрываться с новой силой, открывая мне новые грани чувств и переживаний. И если вначале мне всё это казалось лишь чем-то случайным, мимолётным, несерьезным, то теперь я всё острее начинал чувствовать себя именно поэтом! Чувствовать, что я хочу, могу и должен писать. Даже если бы мои стихи никто не читал, даже если бы они были только для меня, я всё равно бы не мог не писать, потому что именно творчество начинало давать мне ту радость и ощущение полноты жизни, ощущение самореализации, которой мне не хватало.

Но мои стихи оказались нужны не только мне, их читали! Им удивлялись, их хвалили, иногда не понимали, иногда – плакали. Начиная с «Добродеев» и первой газетной публикации в 1994 году, мои стихи словно начали жить своей жизнью: их читали и передавали другим, но зачастую я сам не знал, какими путями они попадали к тому или иному человеку. Стихи словно сами находили себе дорогу: от Галины Дмитриевой – к журналисту и писателю Галине Зиминой, от Зиминой – к известной писательнице Розе Шевлеби, от них – к другим людям, в другие клубы, объединения и организации. Именно Зимина и Шевлеби очень многое сделали для меня в самом начале: благодаря им было и знакомство с Союзом писателей Чувашии, и первая серьёзная публикация в сборнике «Голос души», и первая литературная премия, и первые творческие вечера, и первый незабываемый выход на сцену: большой зал, мои стихи, аплодисменты…

Это была словно новая жизнь! Новые друзья, новые идеи, планы, надежды. Я уже не был одиноким и беспомощным – даже здесь, в городе. Я был равным среди здоровых, умных, одарённых! И для меня это стало намного важнее, чем формулы и уравнения. Я хотел писать, писать всё лучше, интереснее, ярче, и не только стихи, но и прозу, статьи, даже музыку. Я хотел творить!

А между тем, события разворачивались всё интереснее и неожиданнее. За первую же большую подборку стихов, опубликованных в совместном сборнике юных авторов Чувашии «Голос души» в 1998 г., мне вручили национальную литературную премию им. Альберта Каная. Затем были другие сборники, другие дипломы и премии, дважды мне присуждалась Президентская стипендия «За особую творческую устремлённость». А в 2002 г. – членский билет Союза писателей России.

Ну а как же наука? Её я тоже не мог бросить, не мог изменить своей прежней мечте. И в 1996 г. я пошёл на отчаянный шаг и наравне со всеми поступил на очное отделение физтеха ЧГУ, самого большого в нашей республике вуза. Поступил легко, почти играючи. Но вот как мне учиться дальше в этом вузе, наравне со здоровыми – этого никто не знал! Ведь посещать университет я не мог (каждый день ездить на коляске в другой конец города, на автобусах с двумя пересадками – это было совершенно нереально). Весь вуз был в полнейшем недоумении: как можно учиться на очном отделении, не имея возможности посещать лекции и занятия? Но потом всё как-то успокоилось: ладно, пусть попробует, всё равно этот колясочник провалится на первых же экзаменах…

Но нет, не тут-то было: первые же экзамены я сдал на отлично! Это было что-то невероятное: инвалид 1-й группы, опрометчиво поступивший на очное отделение физтеха и полностью самостоятельно, в одиночку проходивший весь курс, ни разу не посещая лекций и занятий, сдавал все экзамены, один за другим, на отлично! После этого на меня уже смотрели по-другому. Это была ещё одна победа, ещё один гол в ворота непокорной судьбы… Но впереди было ещё несколько лет интересной и очень непростой учёбы, где по-прежнему приходилось всё проходить самостоятельно и до всего доходить своим умом, где порой всего лишь за неделю до экзаменов приходилось брать лекции, переписывать их ночами и затем проходить весь курс за целый семестр сразу по нескольким предметам в течение всего лишь нескольких дней; где нужно было на громоздкой неудобной коляске через весь город на автобусах с пересадками вдвоём с мамой добираться до вуза, чтобы сдать очередной экзамен и получить очередное «отлично».

Не знаю, к чему бы привела эта дорога, дорога моей давней полудетской мечты. Диплом с отличием? Аспирантура? А дальше? Работать преподавателем физики, как другие выпускники факультета, я не мог. О научно-исследовательской работе где-то в НИИ в моем положении даже думать было смешно. Заниматься наукой в одиночку? Но и такая перспектива меня не радовала: что сейчас можно сделать в науке одному? Увы, время учёных-одиночек, наверное, уже прошло… Конечно, у меня оставались мои стихи, я мог более серьёзно заняться литературой, перевестись на филфак. Но…

Но судьба сама вмешалась в мои раздумья и вновь привела к совершенно неожиданному повороту. Причем вновь здесь сыграли роль именно мои стихи: как раз благодаря им произошло наше знакомство с директором Центра социальной терапии Владимиром Емельяновым, который предложил мне с друзьями выпускать свой журнал, предоставив всё необходимое для этого (оргтехнику, финансирование) и полную творческую свободу! Предложение оказалось настолько заманчивым, что отказаться от него было просто невозможно, даже несмотря на то, что у меня тогда не было совершенно никакого опыта в издательской сфере. Намечалась большая, серьезная работа, и я понимал, что не смогу совмещать её с уже терявшей смысл учёбой в университете.

И тогда я ушёл из университета. Ушёл на третьем курсе, на самом пике успешной учёбы! Для многих это был странный, непонятный поступок, да и мне самому было немного жаль. Но я уже не мог больше цепляться за прежние мечты, не приносившие удовлетворения. Меня звало новое! Новые мечты, надежды, стремления. Идея журнала быстро росла и развивалась, нашла поддержку среди моих друзей. Собрался творческий коллектив: поэт Андрей Казак, журналист Дима Николаев, художник Виктор Ильин, корреспондент Владимир Сурков, – и мы шагнули навстречу неизвестности…

Это была новая и совершенно неожиданная страница в моей жизни: журнал «Поле надежды». Очередной вираж! Сейчас даже смешно вспоминать, с чего всё начиналось, как мы мечтали, как рвались, ничего не зная, ничего не умея, вслепую, на одной лишь наивной мечте! Мы хотели создать журнал, который стал бы самым добрым, самым искренним, самым человечным журналом на свете…

Целый год непрерывной работы всего лишь над одним, самым первым номером, целый год постоянных экспериментов с оформлением и содержанием, поисков своего стиля, отшлифовки идеи журнала, каких-то новых находок, постоянных споров, неудач и огорчений – и снова находок, и снова побед…

Журнал всё-таки вышел в начале весны 2001 г. – первой весны нового века и тысячелетия. Тощенький, в невзрачной обложке, с крохотным тиражом и множеством недочётов, он, словно маленький ребёнок, делал свои первые робкие шаги навстречу миру.

И город как будто встрепенулся! Почти все, кто прикасался к журналу, не могли остаться равнодушными: кто-то удивлялся, кто-то восторгался, кто-то плакал. Журнал путешествовал из рук в руки, от сердца к сердцу, его читали самые разные люди – и здоровые, и больные, его читали в больницах и даже в школах! Он доходил до других городов и стран, дошёл даже до Америки – сам, путешествуя по рукам. И для нас это было самое ценное – то, ради чего мы и делали этот журнал. Ради этого стоило проделать весь этот сложный путь, целыми днями и даже ночами корпеть над каждой страничкой, над каждой непокорной строчкой. Ради этого стоило продолжить начатое. И мы продолжали…

И продолжаем до сих пор. Продолжаем, как можем, как умеем, несмотря на все трудности и проблемы. И пусть судьба преподносит всё новые неожиданности и повороты, и нет уже больше журнала «Поле надежды», и разъехались многие старые друзья. Но год от года появляются новые друзья, и мы снова берёмся за новые проекты, выпускаем новые издания, открываем новые сайты, общаемся и дружим, несмотря на разделяющие нас расстояния и ограниченные физические возможности. Потому что без этого – нельзя, потому что в этом – жизнь!

Я многое понял за эти годы, многое переосмыслил, осознал. Жизнь может столкнуть нас с самыми разными обстоятельствами и лишениями, которые не зависят от нас, которые мы не можем изменить. Но в какие бы сложные ситуации мы ни попадали и какие бы лишения ни испытывали, нам всегда дано одно право и одна возможность: оставаться настоящим человеком и прожить свою жизнь ярко и красиво, даря людям, встречающимся на нашем жизненном пути, что-то светлое и доброе. Никакие костыли, никакие коляски, никакие ограничения в движении и общении не в состоянии лишить нас такой возможности – это может каждый. Мы не можем изменить многие обстоятельства, но свою жизнь, свою судьбу мы всё же можем творить сами: своими мечтами, своими стремлениями, своим внутренним духом. Ведь ничто в жизни не бывает случайным, все происходящие события так или иначе связаны прежде всего с самим человеком, с тем невидимым, что составляет жизнь его внутреннего «я». И все неожиданные повороты в моей жизни, все виражи моей судьбы тоже не были случайными, несмотря на всю их внешнюю неожиданность: они всегда возникали именно тогда, когда они мне были нужны более всего, когда я внутренне уже не хотел идти по прежнему пути, но хотел (пусть неосознанно) чего-то другого в своей жизни, и был готов к чему-то другому…

Те далёкие грустные годы моего раннего детства, та безысходная тоска больничных палат, то ощущение отчаянной беспомощности и страха перед неведомым будущим я вспоминаю теперь как какой-то полузабытый страшный сон, как всполохи какой-то иной, прошлой, очень далёкой жизни. Теперь у меня совсем другая жизнь. Полная интересных встреч и знакомств, нескончаемых дел, идей, планов и проектов. Я вижу, что жизнь прекрасна, несмотря на все трудности и проблемы; что в жизни очень многое зависит именно от тебя самого, даже если ты так мало, казалось бы, можешь. Но если ты сможешь хотя бы побороть чувство своей малости и никчемности, если сможешь поверить в себя и почувствовать, что от тебя что-то в этой жизни зависит, что ты отвечаешь за что-то или за кого-то – хотя бы за бездомного котенка во дворе, хотя бы за свой дом, за своих родителей, – то это уже большая победа, это уже шаг к тому, чтобы быть не просто беспомощным инвалидом, а нужным кому-то. И чем больше ты видишь вокруг себя тех, кому хочешь помочь, чем больше видишь интересных сфер деятельности, в которых хочешь участвовать, чем больше ответственности чувствуешь за свою собственную жизнь и за всё происходящее рядом, тем больше у тебя дел и друзей, тем ярче, полнее и интереснее жизнь.

Ну а когда ты весь в делах и друзьях, когда тебе не хватает целой жизни, чтобы насладиться этим удивительным праздником каждого дня и успеть сделать всё, что хочешь, тогда все твои костыли и коляски отступают не то что на пятый, а вообще на двадцать пятый план! Ведь, по большому счёту, какая разница, как ты говоришь и ходишь, если ты живёшь для того, чтобы быть нужным кому-то, чтобы дарить кому-то свет своей души? И у тебя есть что дарить, в любом случае есть.

Валерий Белоножко

МАРГИНАЛ

Нам с судьбой приходится играть бескозырно.

У безногого мускулы – еще те! Но с моими им не сравниться. На мои бицепсы и брюшной пресс приходится дополнительный – 18 килограммов – ног. Ноги мои – предмет особой гордости, горя и заботы. Врачи обнадёживают: мол, если тренировать их, то можно «встать на ноги». Вот я и тренируюсь. Для того чтобы просто ВСТАТЬ НА НОГИ, над кроватью приспособлена полированная стальная труба, на которой захлёстнут кольцом армейский ремень. Чтобы подняться над коляской, я хватаюсь за него левой рукой, подбрасываю себя в воздухе и правой цепляюсь за полированную штангу. Итак, бесчувственные мои ступни – на полу. Теперь предстоит долгий путь – полных три километра. Правда, шажки у меня маленькие. Одна рука держит вес тела, другая помогает переставлять ноги. Правую… левую… правую… левую… А теперь – поворот на сто восемьдесят градусов, и всё начинается «аб ово» (это шутка – для передышки). Длина кровати – два метра, значит, путь мне предстоит – 1500 кроватей. Одна тренировка – тридцать тысяч шажков. Зимой – ещё ничего: холодно. А вот в теплынь пот одолевает. Большое махровое полотенце к концу пути можно выжимать. Немногочисленные знакомые знают, что с утра у меня – физзарядка, тренировка, но это не так. Каждый день начинается с мучений бесплатного бесполезного труда. Хотя одновременно это – Вера, Надежда и Любовь. Кто ещё будет любить моё бедное тело…

Собственно, тело у меня нормальное. Вот только в позвоночнике маленькая неполадка. Поэтому и ноги бездвижны. Я – обыкновенный спинальник, участь моя – инвалидная коляска и инвалидная пенсия. Первая группа. Больше не бывает. Нулевая, должно быть, – у покойника.

После тренировки – холодный душ (в нашем доме с горячей водой напряг), старательное бритьё и – к окошку: не готовы ли в доме напротив, через улицу. Домишко старенький, без мужика недоглядный, проживают в нём бабка Онисья и десятиклассница Неля – чьё-то юное счастье и моя твёрдая мука. Сестра приносит мне жареной картошки с мясом, и я старательно ем, не отрывая взгляда от частного сектора. Мне нужно много сил: на той неделе приятели с лесозавода привезли по моей просьбе и свалили у домишка чуть ли не полный лесовоз долготья, после аварии целый год пролежавшего бесполезно у речки Горновой. Берёза – для жаркого уголья, осина – для прожига печно-трубной сажи, кедр – для духовитости и весёлого огня. Пенсия у меня, как говорится, хорошая, но маленькая, однако пару литров парням я всё одно выставил.

Вернувшиеся из школы ребята сносят меня вместе с коляской со второго этажа. Они добрые, только вот пьют пиво и курят «травку», не подозревая, что судьба и без того готовит им обязательный «спотыкач».

И вот я качу на вторую смену в заветному домику. Сейчас Неля прилетит из школы, и я встречу взглядом её стрекозиный полёт, ловкие ножки. Кинематографическую, с озорцой улыбку. Я долго приучал девушку к себе, пока эта улыбка не выплеснулась мне навстречу. Пока Неля переодевается и обедает, я обихаживаю и без того наточенную и разведённую пилу, провожу по ней твёрдым ногтём – она поёт и звенит. Вот так же поёт и звенит на ходу девичья фигурка. Она у меня – блондинка: волосы долгие, тонкие и запашистые даже в мареве апрельских запахов. Я очень рад, что дров много: значит, долго ещё мне и девушке тянуть на себя трудолюбивую пилу: у нас – эстафета возвратно-поступательных движений. Неля, наверное, и не замечает, что, помогая ей, я тяну и отталкиваю от себя острозубый инструмент, а если и замечает, то это – двойная радость: значит, она оценит мои усилия, мою заботу о ней. И она ведь своей красотой и юностью обо мне, сорокалетнем, заботится: эти два часа рядом с ней – толика счастья. И ещё двадцать два часа в сутки окошко моей комнаты смотрит в её сторону – я и шторы-то редко закрываю. Полусидя в потёмках, всё смотрю, смотрю на голубой огонек маленького телевизора и сноп искр, эмигрирующих из трубы в звёздное небо… Если бы и моя Нелечка обнажённая вылетела из неё на помеле, уселась на закраешке месяца, поболтала недоступными ножками. Каждая грудка её – пол-антоновского яблока, только попробуй дотянись, укуси, залейся сладким соком… Мы живём с ней не только через дорогу: ещё – через 23 года, ещё – через моё уродство. Я даже завидую Квазимодо и жду – не дождусь тепла, чтобы сбросить бушлат и явить миру и Неле обтянутый тельником справный торс.

Хотя в моём положении зависть – большое несчастье, лучше повеситься! Мыслей у инвалида вообще много – дохнуть некогда. Вот я и стараюсь не отдыхать – себе дороже. Жалеть себя можно в четыре

годика, ну – в восемь, ну – в двенадцать. А я – здоровенный мужчина, мне давно пора уже иметь свою бабу, семью, деток… Были както две приходящие: навещали, жалеючи, ловко эксплуатировали мой мужественный орган – спасибо им, конечно, и на этом. Они – добрые, мягкие, даже чересчур: почти дряблые. Организм организмом, а вот сердцем я, как говорят, «запал» на Нелю. От большого отчаяния я представляю себе её появление в моей комнате и мысленно возвращаю давным-давно выселенное зеркало – хотелось бы разглядеть девушку одновременно со всех сторон. Понятное дело, лучше бы обнять – у моего тела тогда тоже появилось бы зеркальное отражение. Вот так я обнаружил, что мечты – тоже счастье…

За 14 лет я отшагал пятнадцать тысяч километров. Нет, я солгал: мог бы отшагать, если бы не два запойных года. Ещё в советское время моё несчастье пытались компенсировать путёвкой в Крым, в Саки, что рядом с Евпаторией. Лучше бы я не соглашался на эту пытку. Спинальников свезли в санаторий со всего Союза. Всем нам немного повезло – был бархатный сезон на сладкое. Меня поселили в комнате с Мальчишом – Мишей Битовым, цирковым гимнастом, однажды в первый и последний раз оказавшимся без лонжи. Устав в нашем лечебном учреждении строгий – запрет на алкоголь свирепствовал, словно бы отменяя законы психотерапии. Опытный Миша учил: «Днём станем любоваться чужой жизнью, а по ночам справлять поминки по собственной…» Ну, и поминали, иной раз глотая слёзы заодно с винищем.

После процедур часто увозили на море – побарахтаться в волнах. Что замечательно – в воде ног не видно, только они мёртвым грузом на дно тянут. Нас спасали надувные матрасы. Только не всем приходится болтаться на волнах в спаскруге.

Не будь моря, пляжных сказок и тихого ночного вина, можно бы и не выдержать стократного умножения собственной скорби. Врачи делали, что могли-умели. Иной раз рекомендовали профессоров и операцию. Вместе с нянечками по палатам бродили легенды о ВСТАВШИХ НА НОГИ, назывались даже фамилии – ну, не так уж много. Правда, скажем, Дикуль – я сам читал о нём в «Комсомольской правде». В первую санаторную пору был я даже обуреваем Надеждой. Потом две операции эту Надежду убили, и вторично я приехал в Саки уже под руку с пессимизмом. Всё – то же самое: обложат тебе ноги лечебной грязью, и лежи крокодил крокодилом. Вечером от французских кинокомедий плакать хочется. Бог – опять же – крупными звездами замаскировался. Любить есть чем, но некого. А в книжках – всё про неё, проклятую. Иной раз возмечтаешь, как Рома Тагильцев, уплыть в море навстречу закату безвозвратно, потом перекрестишься наискось и живешь дальше. Церковь в Евпатории прямо на пляже стоит – молись, пока Бог знак не даст. Нашего брата там много – не убывает; значит, – не в помогу. На белом теплоходе катали – чуть не в самую Турцию: музыка гавайская из репродукторов, пивом залейся, только вот рейс – инвалидный, от людей отдельный. Мы всегда отдельно – как чёрные зёрна в жёлтом пшене.

Второй раз запойное заделье случилось о прошлом годе. Из Североуральска в Серов через наш город мчалась на колясках команда спинальников-спортсменов. А это – сто километров, мы же – как раз посерёдке. Наше инвалидное общество решило культурную программу новоприбывших с местными организовать в городском музее. Ребята техникумовские доставили наших на автобусе, у тех же – свой транспорт и своё сопровождение: врач, начальник команды, трое солдатушек из УралВО как тягловая сила. Ну, ясно, сравнивать нечего: мы – на чёрных мастодонтах, они – на юрких ярких колясочках. И сами – загорелые, мускулистые, деловые… Шныряют по музею от экспоната к экспонату, что тебе жуки-плавунцы. И все – на скоростях, на бегу, сразу видно – не об том забота. Когда в зале вокруг готового стола разместились, сразу всё и объяснилось: у них первая забота – для дальнейшего пути своих мустангов напоить-обиходить, железный рычаг тебе не рука – снашивается в работе. Ребята больше молодые, двое из Чечни крошеными приехали, один – из самого Афгана. Он-то – самый старший, на четыре годика я его только опередил. Мы всё жмемся-куксимся, а они чуть ли не в хозяевах сидят. Оно и понятно: профессионалы! Два члена сборной России, один – даже участник Паралимпийских игр, их сразу после Олимпиады устраивают, чтобы показать, что инвалид – не изгой, а… кто? Чтобы на этот вопрос ответить, нужно, кроме поломанного позвоночника, ещё дополнительный стержень иметь, пусть невидимый. Им мои три километра – нипочём. Маечки-безрукавочки, мускулатура – как у культуристов. Жалко: я покровно оделся; даже что имею, не выставил.

Первый раз увидел и женщин из своего племени. Раньше общались только по телефону всяко-разно. Ну, что тут скажешь: вдесятеро тяжелее им, безмужним-бездетным. Уж не знаю, что они после этой пресс-конференции делали, а я напился. А иначе бы – бессонница, сердце – лягушей, душа – голубем.

Сеструха меня фуражом снабжает, а хлебной водки у неё не допросишься. Пацанов соседских посылать – глаза выпучат: «Ты чо, дядь Толь, пример с нас, негодных, берешь?» Приходится ждать, когда сосед Рашид Закирзянов с работы явится-пожалует. Спросил только: «Об чем пьем?» Я ему про бегунов-колясочников всё выложил, а он: «Видал: Катька Ламеева по городу на этакой выруливает, что твой Шумахер. Давай я выкройку с неё сделаю – на твою пропорцию…!» Рашид слесарит на машзаводе по большому разряду, в купроле у него не гайки с болтами звякают. Смотал в наш детский дом инвалидный, все сараи перерыл, все залежи хлама перебрал, натаскал себе в гаражик. Я больше железным напилком да ножовкой цвиркал, остальное – на Рашиде: что здесь скумекает, то на заводе выточит, Титана раздобыл – лёгок-крепок металл, ажурная получилась конструкция. Про водку на то время забыли, а когда коляску на асфальт спустили, Рашид и вовсе объявил: «На транспорте – сухой закон, иначе прав лишат».

И жизнь совсем с другим оттенком настала. Днем простору нету, так я стал после десяти вечера променады делать. Молодец, кто решил мимо нас на газокомпрессорную станцию бетон положить, а вот кто клал – тому руки обломать бы не лишнее. На стыках всю душу вымотать можно, но это я так, из человеческой привередливости.

Славно гнать на остыве августовского вечера – мимо овсяных полей, где по стерне дюжина коников бродит, хотя как и я – со спутанными ногами; через мостик ручейный, где уже скапливается холод

для контраста с жарким днём; мимо горелого сосняка – безобидный лес больше всех и страдает; вот и отворотка аэродромная меж отвалов кукожится. На отвалах – почти что садовно: мелкий ещё ельник-сосняк с просветлынью, а её-то мне и надо: по дорожкам хоженым езжу, присматриваюсь – вот и ножик самочинный доставать пора. Маслёнок у нас коли пойдет – так ордой несчётной. И успевать следует, пока червь не въелся. Темновато, но глаз-алмаз не то что грибец с пятак высмотрит, но и пуговицу пиджачную. Вообще-то нарыск иметь требуется да опытность. Особенно хороша добыча, что под хвойной иголкой прячется, – чиста да подкладиста! Еще что хорошо – дождя нет: верхняя масляная плёнка суховата и кожей к коже не липнет. А уж россыпь рыжиков попадёт, – что твои червонцы!

До рези в глазах наищешься, а поднимешь их к небу – маты моя! Месяц с гулькин нос качается, у звезды зуб на зуб не попадает. Ан нет, – это у меня: августовская ночь часам к трём и заморозком воздух выхлестнет. Да мне грибца и на пол-лукошка хватит – не на продажу. Качу домой и вовсе беспрепятственно – в дуэте с эхом. Темно, а ладно: крейсерское, считай, плаванье в вольном ветре. Левое колесо, вроде бы, спускать стало – ничего, до дома дотяну, утром подкачаю.

Ребята у подъезда: «Запоздался, дядь Толь… Ого, с уловом вас!» Без меня по квартирам они не разойдутся – заделье имеется: меня на второй этаж доставить. Сестра «неугомоном» дразнит, грибки нюхнёт домашней ноздрёй; с детства была жадна на сбор их и с картохой жарку, и теперь за косищу не оттянешь от сковородки. Ещё она рада, что я безводочно теперь живу, не трачу деньги на нездоровье. Сейчас не ляжет, пока не вычистит грибы, а то и не выдержит: «А что, Толян, давай заделаем грибовницу!» Мне что – пусть: мало у неё душевных минут со мной рядом-то; составлю компанию, посижу рядом, расскажу, как роса на траву бедово пала, пообещаю назавтра пижмы привезти златопуговичной, крупную ладонь – словно невзначай! – трону: сеструха ведь! Мы с ней – один в поле воин, не разлей вода…

Весна у нас, на Урале, – не девушка, а вдова, к тому же христарадничает, сколько ей заблагорассудится. А у самой теплого отношения не выпросишь: на Первомай только с утречка человек в костюм выйдет на прогулку, мать-мачехой полюбуется, мороженым полакомится, а к обеду с северо-востока задует снегом, посыплет крупкой, где-то наверху ангелы почнут перебирать свои перины – и нет отбоя от хлопьев. Не успеешь чаю попить – глядь, зимушка во двор пожаловала, и уже приготовившиеся было к высадке на волю вольную рассады понуро смотрят на неожиданное окошко. Казалось бы, за столетия и привыкнуть к этому надобно, ан нет – распахнувшаяся душа не верит, что всё – как обычно, что к лету лишь сквозь препоны можно прорваться, удивляется, что так и не удаётся оскоромиться теплынью.

И нынче такая распутица-сумятица, что чёрт бы её побрал! Подсыпает и тает, тает и подмерзает, автомобильные колеи – чуть ли не как у Высоцкого. Коляска же – что твоя собака – выгула требует. Руки даже во сне суетятся. Переждать бы, перебередить бы эту тягу дома, да, видать, не судьба…

От Почтамтской до улицы Мира уклон не велик, а скорость – еле в коляске удержишься. Встречной бы машине «Хлеб» остановиться, шофёр же решил из своей колеи на всякий случай вывернуть, и правое переднее заскользило по льдистому бордюру. У меня тормозок – аховый, как и вся колясочка, и бордюры у меня, – что тебе надолбы: развернуло меня, кинуло-опрокинуло в ременной упряжи предохранительной – даже выброситься из транспорта нет никакой возможности…

…Сначала – ещё до одушевления жизни – знакомый запах лекарств и беды. Первая мысль: «А что же с шофёром “хлебной” машины?» Хотя по сравнению со мной он, считай, бронированный. Серая от морщин стена. На потолке – порванная паутина трещин. Холод клеёнки, нервный холодок.

Оперировал меня веселый великан доктор Гук. «Это – моя лебединая песня, – объяснил он мне. – В пятницу уезжаю на историческую родину…» Он же меня из реанимации в палату доставил на руках.

– Хорошо, хоть ступни-то не отрезал, доктор…

– Считай, Анатолий, что остался в комплекте.

С тем и отбыл. Будет теперь германцев спасать от травм, если ему, конечно, позволят.

В палате нас – восьмеро. Я – самый последний в этой шеренге, поскольку самостоятельно не транспортабелен и вынужден «дружить» с «уткой». Но она – тоже несамостоятельна, ей нужны руки и ноги, а с нянечками – «зарез». Давно я не посещал обители скорби и теперь убедился, что радио и телевидение не врало: в больнице «зарез» абсолютно во всём. Постельное бельё и нательное сестра мне доставила, в тапках нет надобности. На лекарства она, оказывается, угрохала прошлую и нынешнюю, что ещё только будет, пенсии. Кормовая база, по-видимому, выметена почти дочиста. Из-за всего этого в палате была посетительская толкотня – словно смотришь сериал какой-то.

Обслуживать меня вызвался доброхот Леопольд Оскарович, сам перемогающийся с мочеотводящей трубочкой. Он согласился на вспомогательную операцию, но анализы крови показывали всё время что-то не то… Вообще-то он – бухгалтер в отставке, пенсионер и комментатор последних московских известий. На тумбочке у него – стопа очень толстых и очень «скучных» книг.

У меня тоже есть книга – первый том Оскара Уайльда. Его принесла мне Неля в первое и единственное своё посещение; должно быть, слишком тягостно это для неё – быть лучом света в тёмном царстве. А у меня и счастья – что о ней думать; книжку открою, а вместо строчек её вижу: наваждение, болезнь дополнительная…

Леопольд Оскарович подошел, глянул на обложку: «Ноль к единице – десятка, маргинал к маргиналу – сладкая парочка…»

Лепольд-то говорить говорит, а зря не скажет. По вечерам сотоварищи наши перебираются в соседнюю двуместку: нашему городскому «крутому» принесли видеодвойку, и все, кому не лень, собираются к нему на сеансы детективные и порнушные. Дождался я, как весь народ вышел «в люди», и спрашиваю Леопольда: «А что, уважаемый, вы нас с Оскаром Уайльдом бранным словом “маргинал” возвеличили?»

Тот рассмеялся:

– Извини, Анатолий, за лихое остроумие… хотя и не совсем. Термин, конечно, нынче модный, вот только применяется он вполсилы,

если не в десятую часть. С Уайльдом все ясно-понятно: «голубой», гомосексуалист и т.д. Твоя же и прочих инвалидность маргинальна… как бы это сказать? Термин-то – социологический, его на нашу голову американец Парк выдумал. По латыни МАРГО – край, граница, предел, так что МАРГИНАЛ – находящийся в пограничном состоянии, между, в промежутке. Вот раньше скоморохи были маргиналами, актёры, поэты, знахари, конокрады и вообще воры, проститутки. Политики – все, в том числе и члены Думы – Марычев или Владимир Вольфович, да и другие – не лучше. Среди россиян – чукчи, а нынче – чеченцы. Эмигранты и мигранты. Алкоголики и наркоманы. Свидетели Иеговы и католики. Альтруисты и вообще честные люди. Рыжие и крашеные блондинки. Кривоногие женщины. Матерщинники… нет, нынче нематюгающиеся стали маргиналами. Вегетарианцы и дзен-буддисты. Постмодернисты и сатанисты. Негры и евреи. Читатели классики. Альпинисты…

– Постойте, Леопольд Оскарович, выходит, что все до единого – маргиналы, все по краю ходим?

– Вот-вот, друг мой, мы уловили мировую тенденцию: всё население земшара – маргиналы. Уж на что, кажется, мещанское, обывательское общество гордится собой из последних сил, а в среде своей обязательно, тем не менее, содержит безобидного коллекционера спичечных этикеток или мичуринца, выращивающего редиску на берегу Ледовитого океана, вышивающего болгарским крестиком иконы или пишущего стихи «под Есенина». Даже тот, кто собирается клонировать человека, хочет выделиться из массы безликих учёных, реставраторов Божественной потенции. Все – маргиналы явные или тайные. Все поднимаются на ступеньки, чтобы стать выше – не себя, разумеется, а – других…

– А инвалиды?

– Инвалиды часто себя называют «инопланетянами», так ведь? Значит, есть в них что-то такое-этакое.

– Так если мы все по маргинальной линейке скроены, зачем осуждаем друг друга?

– И даже на этой линейке не все равны. Представь себе, Анатолий, что ты, кроме инвалидности, прихватил себе амплуа рыжего еврея-выкреста без высшего образования. Станешь ты маргиналом среди маргиналов и, естественно, страданий не оберёшься.

– Мне и своего-то – по макушку, Леопольд Оскарович.

– Верю, друг мой, верю. Просто я хотел сказать, что всегда есть возможность худшего.

– А лучшего?

– …А это такие дебри, что из них редко кто выпутывается. Вот ты, к примеру, не пьёшь – не куришь – как же не хорошо? С коляской своей горизонты квартирные расширял – разве плохо? Авария, думаю, не в счёт, и в квартире можно об угол ванны тарзыкнуться – не дай Боже! Мускулы тренируешь, а мозг, по-моему, в небрежении. Мало ведь читаешь?

– Очень мало.

– Что ж, ты не одинок на этом поприще…

Перед самой моей выпиской у нас случился покойник – Генаша Залесский не вернулся из операционной: трое внуков остались без дедушки.

– Ну, вот, – сказал я вечером, – Генаша теперь уж точно не маргинал.

– Да, – подтвердил Леопольд Оскарович, – он свой край перешёл…

Оставил я свою десятиклассницу без присмотра и теперь совсем иное кино вижу в кинокадре оконном. Мальчонка длинный, хлипкий, в джинсах, ножки тоненькие, как у меня, кривенькие, но землю топчут исправно. Вместо меня её «кралей» зовёт, целует за ушком и в другие места, обволакивает юностью её молоденькое сердечко. Глаза бы мои не глядели, а глядят; глаза бы мои не плакали, а плачут. Утрусь занавеской, высморкаюсь в неё и гляжу дальше. Такое вот моё настоящее маргинальство – несчастная любовь, безнадёжно несчастная любовь. Книжки ею переполнены, песни о ней базлают, только всё это – сладкая наливочка, не сравнить её с настоящей, отчаянной «перцовкой». Штанга стальная над моей кроватью погнулась, Венера-звезда в фортку заглядывать перестала, комната – камера два метра на три, бумажная иконка молитву не слушает. Одна надежда и спасение – двуствольный обрез, ещё перед армией выпиленный. Положу на стол: два глаза – против двух. Он молчит, и я молчу. И кто кого, неизвестно. И харкнул бы он в меня свинцом и пороховой гарью, только ясочка всё ещё стоит промеж нами. Заслонница, душегубица… Сердце – оно, понятно, мясной кусок, а душа – и того пуще: кусок измусоленный. Днём-ночью, в погодь-непогодь. На закате облака кровью облиты, на востоке – сукровицей. Зазеленела округа, а мне только жёлтая желчь видится: именная мать-мачеха, куриная слепота, пижма пуговичная. Хоть бы заворот кишок подвернулся либо перитонит – хуже не будет. Сеструху вот только жалко, ей и так не сладко – на меня свою жизнь потратила, племяшей не народила. Прав Леопольд Оскарович: жизнь – философия суровая, каждая страница в ней – наждачная, отпечатки пальцев стереть можно, переворачивая, а послюни кончики пальцев – ещё больнее, ещё кровавее…

Дню, кажется, износу нету, а месяцы упрыгивают, – что твои зайцы. Мальчонка куда-то делся, вместо него печаль-горе под руку с моей кралей ходит. И походка у неё изменилась – оплавнела, заосторожничала, а затем и вовсе – топ да топ. Бабке Онисье и вовсе по дому справляться трудно, и я из помощников отбыл – со своим эгоизмом на пару.

Когда коляску женщины подкатили к домику, понял: свершилось! Народился новый человек, считай – наполовину чужой. А как теплынь-май после черемуховых подморозков, на улицу вышел, всё во мне на волю вольную просится. Сеструха сказывала: Неля сыночка Толиком кличет – даже не верится.

Коляску его бабка Онисья с утречка под яблоню палисадную выкатывает – на свежак и солнышко. Подловчился и я: перейду через дорогу, пришвартуюсь своей коляской к мальчуковой: гулим, курлычем, соловьями заливаемся – как не сладкая парочка!

Вот только не услышать мне зазывного: «Горько!»

Уже в течение довольно длительного времени группа молодых инвалидов из рязанского филиала Центра «Одухотворение» посещает экспозиции галереи «Виктор Иванов и земля Рязанская».

В ноябре 2008 года в галерее открылась персональная выставка художника Анатолия Степанова, приуроченная к 70-летию мастера. Наша группа получила возможность увидеть и её.

Ирина Позднякова

КОСМОС
Анатолия Степанова

Меня заинтересовал уже анонс: «Космос. Выставка художника-фантаста». Желание посмотреть возникло сразу же: мне самой очень близка тема Космоса, в своём творчестве я не раз обращалась к теме звёзд и планет, астрономии.

Было и любопытство: что же я увижу? Фантазиями на тему иных миров современного зрителя не удивишь. От научной фантастики советских времён художники сейчас перешли к фэнтези, красочные пейзажи нереальных миров и портреты причудливых существ пестрят повсюду… И всё же, какой он – Космос – в видении Анатолия Степанова?

Придя на выставку, я оценила её своеобразную атмосферу – но ощущение внутреннего приятия и понимания пришло не сразу. Сначала, казалось, было даже разочарование: во многих работах – сдержанность тонов, вместо причудливых образов – лаконизм… Но постепенно, вглядываясь в работы, я понимала, что такая художественная трактовка – не только имеет право на существование, но и во многом – более правдива при всей фантастичности сюжета. Вот как сказал о ней летчик-космонавт А.Леонов (кстати, сам талантливый художник): «Фантастические представления слиты с абсолютно реальными ощущениями, рождающимися от подлинно увиденного космического пространства».

Наверное, обращение Анатолия Степанова к этой теме – не случайность, а вполне закономерное явление. Молодость художника пришлась на начало эпохи освоения космоса. Первый спутник, полёт Гагарина, высадка на Луну… Фантастическая тема в живописи и графике тогда переживала расцвет. Тем более что в это время жили и творили замечательные писатели-фантасты: Станислав Лем, Иван Ефремов, братья Стругацкие… Не избежал любви к этой теме и молодой автор, закончивший в 1967 году Рязанское художественное училище. Первые его картины были были созданы под впечатлением от любимых фантастических романов.

Однако в дальнейшем художник отошёл от чисто иллюстративных работ. В его темперных листах (именно темпера – любимый материал Степанова) стало больше проявляться философское начало. С первых работ Степанов зарекомендовал себя новатором, начав использовать новые материалы, технологии, формы. Лаконизм картин часто был вынужденным – работая художником-оформителем, он выполнял производственные заказы. Но способность выразить себя даже в рамках жёстко поставленных условий – признак настоящего мастерства.

Достойна уважения и верность художника избранной теме. На протяжении почти 40 лет работы из серии «Космос» появляются на выставках всех уровней: областных, региональных, зональных, республиканских и всесоюзных… Персональные выставки художника проходили в городе Рязани в школах и театрах, в посёлке Солотча, в районных центрах Рязанской области, в музее К.Э. Циолковского в селе Ижевском…

Но не следует думать, что на картинах из этой серии – лишь космические пейзажи. Часто на них возникают вполне земные образы – горы, лес, морские пучины… Ведь даже в глубинах Вселенной человек обязательно будет вспоминать свою родную планету.

Одна из самых запоминающихся картин на выставке – «Во Вселенной». Трудно передать ощущение, создаваемое контрастом багряно-красных облаков космического вещества – и чистым синим сиянием сферы – звездолёта, посланца Разума…

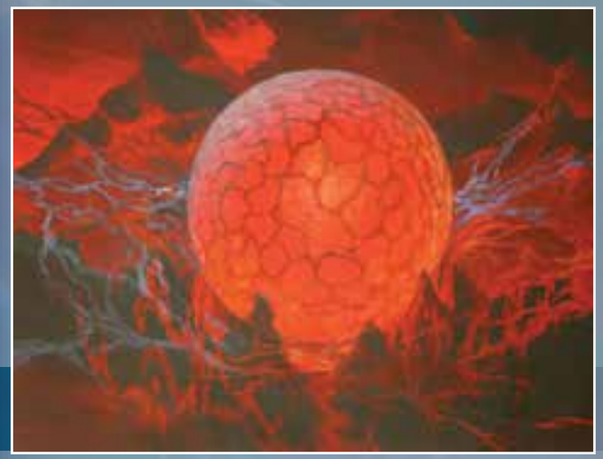
В целом же созерцание картин оставило у нас, зрителей, глубокое впечатление, заставило задуматься о связи космического и земного. Мы так редко задумываемся о чём-то, что не входит в круг наших насущных проблем, и встреча с творчеством человека, который не только оказался способен однажды открыть для себя частицу Неизведанного, но и пронести её в своем труде через всю жизнь, – была радостна и запомнилась надолго. Никто из нас не пожалел о времени, проведённом в стенах галереи.

Анатолий Степанов

Степанов Анатолий Васильевич – член Союза художников России; участник всесоюзных, республиканских, зональных, областных и персональных выставок.

Работы находятся в Рязанском художественном музее, в частных коллекциях и за рубежом.

Во Вселенной



Гибель Соляриса

Ночь на Плутоне

Одинокая

Физики

Татьяна Подгорная

ВОЛОНТЁРСТВО расширяет горизонты

Все мы родом из детства. Казалось бы, эта мысль известна всем, давно превратилась в штамп. Но, анализируя свой путь, я всё больше убеждаюсь в её точности.

Мне всегда были интересны люди, общение с ними; потребность помогать им зародилась во мне ещё в школьные годы. Наверное, во многом поэтому я заинтересовалась психологией и выбрала профессию учителя, несмотря на трудности, которые пришлось преодолевать, – прежде всего неуверенность в себе и с детства сниженный слух.

Очень благодарна тем, кто помог мне после окончания школы адаптироваться в социуме, – школьному учителю литературы и однокурснице, познакомившей меня со своими друзьями из отряда добровольных помощников реставраторов «Рождественка».

Чем же привлекли меня члены «Рождественки», очень разные, но объединённые искренним интересом к родной истории и культуре, а также друг к другу? Почему совместная деятельность с ними уже 15 лет является важной частью моей жизни и помогает мне в работе с молодыми инвалидами? Приведу небольшой отрывок из своей статьи, написанной в 2002 году, – готова и сейчас подписаться под каждым её словом.

> *«Для меня «Рождественка» – что-то вроде современного Лицейского братства: тот же дух, то же не исчезающее с годами стремление быть вместе, поддерживать друг друга и знать, что каждый из нас всегда может рассчитывать на помощь. Недаром в течение многих лет одной из наших любимых «баз» является Царское Село».*

Действительно, путь от рядового члена группы до руководителя летних выездных реставрационных отрядов, в составе которых были и взрослые, и дети, и молодые инвалиды, я прошла всего за полтора года. Начав работать с инвалидом и почувствовав его интерес к нашей деятельности, приглашала его в поездки и видела, как человек меняется буквально на глазах.

Что получает молодой инвалид, оказавшись среди доброжелательно настроенных людей, вместе занимающихся интересными общественно полезными делами (совершенно бесплатно!), путешествующих по интересным местам?

Наверное, в первую очередь – опыт общения в нормальном, «здоровом» социуме, которого у него раньше, возможно, никогда не было. Именно это оказалось важно для Николая, моего взрослого ученика с ДЦП, до шестнадцати лет жившего в интернате для умственно отсталых детей и впервые участвовавшего в поездке с нами в неполных 18 лет. Вот что он пишет в своей статье, подготовленной в 2002 году:

> *«Моя первая поездка с «Рождественкой» состоялась в июне 1999 года – в Поленово, где мы работали в парке. Там я узнал много интересного: что люди могут общаться друг с другом свободно, откровенно, как будто они родственники; первый раз услышал о художнике Поленове, мне очень понравился музей с его картинами. Мне было интересно впервые в жизни ночевать в палатке».*

Инвалиды быстро чувствуют атмосферу в группе и начинают раскрываться, проявлять свои лучшие качества, как бы сложно им ни было. Вспоминаю свой первый дальний выезд в качестве одного из руководителей реставрационного отряда. Июль 1995 года, Ленинградская область, Ладожское озеро, действующий мужской монастырь на острове Коневец. В группе примерно из 15 человек – моя двенадцатилетняя ученица из общеобразовательной школы и слабослышащий инвалид с ДЦП, тогда студент МГУ. Олег очень старался трудиться наравне со всеми, требовал, чтобы ему не делали поблажек, хотя работа у мужчин была довольно тяжёлая; с огромным желанием играл с нами в футбол. Потом зимой, во время студенческих каникул, несколько раз ездил с нами на строительство снежной крепости для праздника Масленицы, помог договориться о тёплых ночёвках для группы в ближайшем от поляны доме отдыха и своей активной работой заслужил благодарность многолетнего организатора и вдохновителя праздника Михаила Бакшевского.

Конечно, каждый, независимо от возраста, состояния здоровья и жизненного опыта, в общении с ранее незнакомыми ему людьми находит что-то своё. Хочется привести фрагмент из той же статьи Николая, в которой он вспоминает свой первый выезд – в музей-усадьбу Поленово, а также рождественцев.

«В этой поездке меня больше всего удивил Денис. Он здорово работал топором, чем-то похожим на своего хозяина, — таким же длинным.

Зимой, на строительстве снежного городка к празднику Масленицы, Денис поразил меня ещё сильнее. Он очень закалённый, трудился на строительстве крепости, поднимая тяжёлые снежные камни, а после работы был одним из самых быстрых футболистов.

Веня тоже здорово играет в футбол и в волейбол, в которых я участвовал. Меня очень удивила его палатка с отоплением, огромная, как фронтовой госпиталь. Потом я встретил его в Москве в Высоко-Петровском монастыре: Веня много сделал для его восстановления.

Среди рождественцев есть и другие люди, которые оставили у меня яркие впечатления. Это Иван, Надежда и их маленькая Лида. Ваня запомнился мне тем, что постоянно придумывает к празднику Масленицы разные развлечения: лабиринт, откуда я с трудом смог вылезти; «тарзанку», на которой не рискую прокатиться.

Меня удивили ещё три человека, неожиданно появившиеся на строительстве Масленичной крепости два года назад, – Ольга и её дети, Паша и Лена. Они сразу прозвали себя «Подкидышами», потому что на вокзале не смогли встретиться с пригласившим их знакомым, увидели нас и присоединились к нам. Приехав на строительство, быстро нашли со всеми общий язык, что у меня до сих пор не очень получается.

Спасибо «Рождественке» за то, что она помогла мне преодолевать все трудности: долго ходить, осваивать спортивные и словесные игры, приспосабливаться к непривычным условиям. Надеюсь, что это будет продолжаться всегда».

Потом Николай участвовал во многих поездках: в течение нескольких лет – на строительство снежной крепости для праздника Масленицы и на сам праздник; в двухдневных походах по Подмосковью, в которых помогал устанавливать палатку, разводил и поддерживал костёр; летом вместе с нами работал в парках Царского Села и Выборга, где в свободное время мы посещали концерты классической музыки, ходили в музеи, гуляли по Петербургу. Эти поездки помогли ему научиться находить контакт и работать вместе со здоровыми людьми, обрести уверенность в себе, окрепнуть физически.

Но даже если такие события в жизни инвалида случаются редко, всё же они дают ему очень многое: опыт общения с интересными людьми и с природой, посильную физическую нагрузку, возможность участвовать в подготовке праздника для большого количества гостей.

Вот как описывает свои впечатления от первого в жизни выезда, состоявшегося в феврале этого года, двадцатиоднолетняя Ольга.

«Однажды зимой моя хорошая знакомая рассказала мне о поездках, которые совершает каждый год за город. Она вместе с друзьями приезжает на лесную поляну, люди собираются вокруг костра, играют в футбол, а зимой строят снежную крепость для праздника Масленицы.

Меня это заинтересовало, и мы поехали.

В электричке к нам присоединились такие же участники походов из группы «Рождественка», и мы, общаясь, добрались до нужной станции.

Какой там был непередаваемо вкусный воздух! Мы минут сорок шли по дорожкам, протоптанным в снегу. Вскоре у меня стала сильно болеть нога и резко сбилось дыхание, но я терпела и продолжала идти, даже не показала виду, что мне некомфортно.

Наконец мы дошли до места, и я увидела поляну, на которой возвышалась снежная крепость размером в два этажа. Зрелище впечатляло!

Потом все стали собираться у костра и наслаждаться припасами, выложенными на общий стол. Две женщины принялись готовить супы и растапливать снег для чая, мы же с Татьяной пошли помогать строить снежную крепость. Мы вместе с дру-

гими участниками группы наваливали лопатами снег на бывшие капоты от машин, а мужчины брали их за верёвки и тащили на крепость. А там уже строители возводили стену.

Но мне это быстро надоело, и Татьяна, видя мой угасающий интерес, поспешила занять меня чем-то новым и повела на детскую площадку. Там стояли деревянная горка и качели из верёвки. Я попробовала кататься на них, но качели висели слишком низко над землёй, а на горку даже и не стала пробовать забираться – на ней были такие маленькие ступеньки.

Потом мы вместе с другими участниками строительства лепили из снега печку.

Затем моя знакомая показала мне избушку, в которой в спальных мешках ночевали строители крепости, – для этого они сами возвели её ещё осенью. Внутри было очень тепло, так как работала печка.

В походе я познакомилась с девушкой, которая тоже первый раз принимала участие в такой поездке. Нам было очень интересно друг с другом, и в конце мы обменялись телефонами.

Напоследок все стали играть в футбол. Мне было очень интересно и тоже хотелось попробовать, но мяч ко мне так и не попал.

Уже в электричке Татьяна угостила меня чаем из термоса и шоколадкой и показала словесную игру на бумаге – «Балду». Я играла в неё впервые и очень захотела попробовать потом поиграть с другими.

Мы оставили позади свежий морозный воздух, природу и приехали в Москву. Несмотря на то, что в нашем городе тоже есть парки, эту поездку я запомню надолго».

Наверное, мне в жизни очень повезло: я встретила тех, кто готов понять и принять, поддержать в трудную минуту и помог сформироваться как личности. Осознавая это, начинаешь по-другому относиться к людям – самым разным. По большому счёту, не важно, сколько человеку лет и какой диагноз ему поставили врачи: каждый одинаково нуждается в понимании, поддержке и в постоянном движении вперёд – во всех смыслах этого слова.

Джуйхицу, или дзуйхицу (с японского дословно – вслед за кистью), – жанр восточной короткой прозы, в котором автор записывает свои размышления, не задумываясь о том, насколько это «литературно».

Джуйхицу может рассказать о каком-то внезапном воспоминании, пришедшей в голову мысли, об увиденной бытовой сценке. По сути, это дневниковые записи – автор делится с читателем сокровенным.

В строчках этих коротких записок отражается глубокий смысл Бытия, проходящий сквозь будничные мелочи в каждое мгновение нашей жизни.

Алла Зенина

ДЖУЙХИЦУ

То, что вызывает первобытный восторг:

Буйство стихии.

Солнце, снег и ветер! Зрелище!

Светит солнце, валит густой, крупный снег, а ветер его закручивает в маленькие вихри, дополняя картину танцем покорных, обнажённых ветвей деревьев.

Из окна наблюдать и то дрожь пробирает. А если выйти – тем более. Сила эмоций возрастает благодаря ощущениям. Становишься участницей этого действа, чувствуешь себя озябшей, безвольной веточкой, опьянённой холодным, терпким воздухом.

Солнце, дождь и тишина!

Ослепительное солнце, невероятной глубины голубое небо, а в нём – тучка, похожая на лейку, струящую воду. И – тишина.

Ветер сам утомлён зноем. Ему лень потревожить даже листик дерева, травинку, цветок. Но листва, травы, цветы и без него трепещут. Трепещут от нежных прикосновений дождя, выражают своё удовольствие усиленным благоуханием.

Я чувствую себя жаждущим растением. Наслаждаюсь приятным ознобом от брызг и, как в детстве, пританцовываю:

«Дождик, дождик, поливай!

Будет хлеба каравай!»

Взахлёб дышу невероятной воздушной смесью, в которую свой ингредиент внесла даже пыль, сдобренная дождинками.

То, что радует зимой:

Визиты солнышка.

Особенно, если небо долго было запаковано тучами, из-за чего дни – серые, скучные. Но как только солнышку удаётся преодолеть этот кордон, наступает праздник для души.

Я подхожу к окну, протягиваю к солнышку ладошки, подставляю лицо и шепчу бессвязно слова благодарности.

Холод, оконное стекло – не преграда для нежного тепла лучей, впитываю их, словно губка.

Или представляю себя сосудом, потускневшим от унылого однообразия дней. И вдруг – ливень солнца! Золотые лучи вливаются в меня щедрой струёй. Очищаюсь и даже начинаю как бы внутренне светиться, поддержанная силой животворящей энергии.

Пушистый снегопад.

Когда температура воздуха около нуля, тепло, ветра нет, снег падает не спеша, грациозно, густыми, крупными хлопьями. Можно различать разнообразные узоры снежинок.

И не пасмурно, как обычно бывает в непогоду, а как-то светло, торжественно и празднично. Словно природа сама осознаёт прекрасную магию своего действа. И воздух очень вкусный, и снег.

Неожиданный подарок,

который ну прямо снегом на голову сваливается! Да ещё в нужный момент: одолевает хворь, настроение ниже нуля, и вообще «хвост отваливается». И тут, словно по волшебству, – бандеролька!

Под натиском положительных эмоций мои микробы-вирусы начинают дохнуть. И я благодарю Бога и друга-волшебника, так вовремя обо мне подумавших.

Когда чувствуешь себя счастливой:

После приступа боли.

Во время которого небо видится с овчинку и хочется лишь одного: уснуть и не проснуться, чтобы навсегда избавиться от этого страдания.

Но едва острота боли притупится до терпимой, накатит такое блаженство, ощутишь относительный прилив сил, и начинаешь строить «планов громадьё». С какой-то даже суетливостью хватаешься за всё, что необходимо и что хочется сделать, совершенно пренебрегая воплями разума об осторожности, о более чем скромных физических возможностях тела.

А поскольку на этом теле, как говорят, живого места уже нет, оно в абсолютной оккупации болезней, рьяно конкурирующих друг с другом, то созерцать небо с овчинку приходится с завидной, постоянной частотой. А значит, постоянно качаться на волнах блаженного облегчения и превосходства духовного над телесным. И чувствовать себя фениксом-победителем.

Парадокс. Но получается, что я, с завидным постоянством, бываю счастлива!

Во время сновидения и немножечко – после.

Вот уж загадка из загадок! К разгадке которой человек и близко не подошёл Сны! В своих сновидениях я – здорова.

Подсознание не желает признавать агрессивное вторжение болезни в мою жизнь и показывает в снах жизнь, какой должна была жить.

С детства люблю петь, танцевать. Пою и танцую по-прежнему – во сне: лёгкая, подвижная, голосистая и счастливая. Во сне осуществляются все события, все желания, дающие ощущение счастья. И после пробуждения стараюсь подольше удержать в себе эхо сна, то есть, эхо счастья.

К тому же сновидения дарят встречи с дорогими мне людьми, которые обитают в Небесном мире. Они помнят обо мне, приходят пообщаться. Разве это не благодать Божья?

Просматривая стиховой архив, обнаружила «факт снов». В результате составилась книжечка «Танец в облаках», стихи в которой объединяет тема снов.

Получая отклики на свои творения.

Убедилась: написанное в порыве эмоционального подъёма вызывает сильную душевную реакцию у читателя.

Накопились письма от разных людей, суть их одна – благодарят меня. Мне удалось выразить их мысли, чувства, да так, что читали со слезами восторга или печали. А ведь я вроде бы о своём, личном, рассказывала.

От этих писем у самой горло сжимают спазмы волнения, даже слёз, захлёстывает волна благодарности: Богу – за то, что одарил способностью к слову; читателю – за глубокое душевное восприятие, сопереживание.

Возникает невыразимое чувство подъёма. И порой на волне его из-под пера «выливается» новое стихотворение или короткая проза.

Получается вроде круговорота эмоций (или духовности?): я написала – читатель эхом отозвался; эхо ко мне вернулось душевным трепетом для новых произведений.

Если б не было такой взаимосвязи: автор – читатель – автор, то словесного искусства тоже не было б, особенно поэзии.

То, что доставляет удовольствие:

Подготовка к празднику.

Отмечаю только Новый год и день рождения. Они тождественны. Оба констатируют факт, что ещё один год-виток моей жизни растворился во времени, приблизив меня к Вечности.

С удовольствием украшаю общую комнату (гостиную), где стоит телевизор. Старый телек был с плоской «крышей».

Это удобно: ставила на него ёлочку-сувенир со свечами, которые зажигала в новогоднюю полночь, большое блюдо с икебаной, А между ними – подсвечник с декоративной свечой. И обвивала всё это мишурой. У нового телека «крыша» покатая. Однако сообразила, как его облагородить.

Раньше обязательно ставили елку метра полтора высотой. Потом вместо неё – веточки сосны в вазу, увитые мишурой, получалась симпатичная миниёлочка.

Брат себе покупает сосну, но высокую, верхушку спиливает и отдаёт мне.

Ставлю её в ведёрко с песком, на табуреточку, задрапированную белой простынкой – словно из заснеженного леса переселили маленькую гостью в дом. Смотрится очень нарядно в развешенных на ней разных безделушечках-мелочах, в мишуре. Это – призы лотереи. Мои родные довольны устроенным для них развлечением.

Гирлянды, игрушки из подручного материала мастерю заранее. Особенно хороша комната вечером: яркость, блеск создают праздничное настроение. Как-то само собой подсознательно ждёшь чуда, хотя и понимаешь, что чудес не бывает.

Хлопоты перед днём рождения совсем другие, кулинарные. Ломаю голову: что бы такого сообразить, удивить, порадовать гостей?

Школьных подруг Любу и Свету не приглашаю. Просто готовлюсь. Если Света не всегда приходит, то Люба с семьёй придут точно. Это уже давняя традиция.

Видимся редко, хотя и живём в одном посёлке. Просто у них совсем иная жизнь, чем у меня. В день рождения приходят ко мне отдохнуть, отрешиться на 2–3 часа от проблем, пообщаться, вкусно поужинать после рабочего дня. Ну а для компании приглашаю ещё кого-нибудь из давних знакомых.

Устаю, да, особенно если жара донимает, ведь меня угораздило родиться «на макушке лета», то есть в июле. И сил из-за болезни с каждым годом всё меньше. Но чувство удовлетворения, что вот ещё раз смогла порадовать друзей, что они меня помнят, нейтрализует усталость.

День лени.

Заранее его не планирую. Просто бывают ситуации, когда совершенно не хочется вставать, двигаться, думать о делах и прочее. Такое состояние, словно «хвост отваливается».

Вот тогда и решаю: сегодня будет День лени. Всласть поваляюсь в постели, почитаю, подремлю, плавая в фантастических сновидениях.

В кухне не утруждаю себя: что-нибудь на скорую руку перехвачу. В этот день занимаюсь тем, к чему душа лежит.

Порой появляется желание сделать то, от чего всё время отлынивала. Такие порывы даже удивляют. И конечно, вызывают положительные эмоции: свалила с плеч давившие проблемы.

Зато на следующий день чувствую прилив энергии. Давно пришла к выводу: такой День лени просто необходим!

Новые знакомства.

Чувствуешь себя первооткрывателем. Ведь говорят же образно, что человек – это мини-Вселенная. Он вмещает в себя галактики душевных переживаний; созвездия сформировавшихся привычек; большие и малые планеты достоинств и недостатков и ещё массу астероидов, комет – сопутствующих черт характера, возникших под влиянием окружающей среды и общества, в котором он живёт.

Начинаешь изучать эту «Вселенную», делать открытия, изумляться и огорчаться, и чувствовать себя собратом по Разуму. Удовольствие ярче, если инициатива знакомства является неожиданно, со стороны.

То, что вызывает раздражение:

Безалаберность.

То есть беспорядочность и бестолковщина. Дашь какую-нибудь свою нужную вещь человеку и – всё, с концами! Спросишь, куда дел? В ответ – пожимание плечами и бормотание: «Не знаю, не помню».

А то и вовсе возьмёт без разрешения, затеряет и ни малейшего чувства вины. Ещё и сама виноватой стану: скупердяйка, мол, из-за такой мелочи…

Не растолковать, не объяснить, что эта мелочь постоянно необходима, а приобретение новой – проблематично. И дело не в стоимости, а в том, что потерянную вещицу порой нелегко приобрести, особенно если возможность беготни по рынку и магазинчикам сильно ограничена.

Когда вещи не кладут на отведённое для них место, а бросают где попало.

Потом приходится или натыкаться на них в самых неожиданных местах, или, наоборот, тратить уйму времени на бестолковые поиски.

Необязательность.

Человек тебе что-то пообещает, к примеру, выполнить просьбу, обнадёжит и забудет. А когда, истощив своё терпение ожиданием, напомнишь ему, удивляется: «Разве такое говорил?»

Пренебрежение к чужому времени.

Человек ценит только своё время, проявляет нетерпимость, сердится, если ему приходится несколько минут подождать, хотя задерживают его не нарочно, а по уважительной причине, торопит, подгоняет другого.

Но вот на время другого человека ему наплевать. Скажет, что придёт или приедет к определённому часу. Подготовишься, но его нет. Ждёшь, а время идёт впустую, невозможно заниматься необходимым. Когда изведёшься от ожидания, пожалует, но настроение уже неисправимо испорчено. Может вообще не явиться. А на претензию – отмахнётся: «Занят был!». Мысль, что о задержке, занятости можно было бы сообщить, в голову ему не приходит.

То, что вызывает растерянность:

Хамство.

В хорошем расположении духа дружелюбно обращаешься к человеку с вопросом, просьбой, рассчитывая на понимание и помощь. Но вместо ответного доброжелательства, словно на гвоздь, напарываешься на раздражение, агрессивное неприятие.

Особенно обескураживает факт, что человек, не вникая в суть просьбы, заранее настроен «в штыки». Конечно, у него могли быть какие-то свои неприятности, плохое настроение. Но ведь обратившийся с просьбой об этом не знал! Зачем же превращать его в «козла отпущения»?

Вот и теряешься, гадаешь, почему такая реакция? Ощущение, словно тебе ради шутки подножку подставили. Не подумал «шутник», что ушиб может быть вовсе не шуточным.

Настроение испорчено. Зато обидчик часто ведёт себя так, как будто какой-то долг исполнил.

Необходимость соболезнования,

особенно – присутственного.

У подружки, с которой знакома с восьмилетнего возраста, умерла мама. Сообщили – по телефону.

О каких-либо намеченных до этого сообщения делах уже и думать невозможно. Наконец наступает вечер, едем к подруге. Что говорить, как утешить? Язык – деревенеет.

Входишь в комнату, где лежит покойная, у стен сидят несколько женщин. Разум понимает, а сердце не воспринимает: ну разве это, уже какое-то чужое, отстранённое от всего, тело в гробу и есть та, милейшая, приветливая тётя, которую знаешь с детства?

Придвигают стул, садишься. Не знаешь не только о чём говорить, но даже и думать. Ситуация усугубляется тем, что женщины всё-таки разговаривают. В очередной раз накатывает горечь, что давно и навсегда погружена в тишину беззвучия.

Минуты превращаются в резину. Сидишь истуканом: как себя вести, как закончить этот тягостный визит?

А если сообщение о смерти пришло письмом и требуется ответ – сидишь истуканом уже перед листом бумаги, ибо все слова мгновенно куда-то сгинули. Вот если бы можно было просто послать белый лист, и человек бы всё понял. Как в Индии, где белый – цвет траура.

То, что вызывает неприязнь:

Человек,

Который испытывает удовольствие, изобретая мелкие пакости, чтобы досадить, причинить боль ближнему. После этого он, видимо, чувствует себя «победителем», спит спокойно, обрекая жертву на нервный озноб и бессонницу.

То, что вызывает горечь:

Эгоизм близкого человека,

Который поступает по пословице: «В чужом глазу соринка видна, в своём – бревна не видно». Прощая себе вольные или невольные слабости, забывчивость, он ставит их в вину другому, не желая принимать к сведению причины, ставшие такой «провинностью». Да ещё часто «из мухи делает слона».

Эгоизм в любви.

Когда один забывает, что любовь – чувство деятельное. Всё внимание, помощь по отношению к себе воспринимает как должное, но сам ограничивается лишь словами.

Конечно, «доброе слово и кошке приятно», но всё-таки мы не животные, хочется и других знаков внимания. Да, в любви должно преобладать духовное над материальным, однако «дорог не подарок, дорого внимание». И это действительно так. Какой-нибудь милый пустячок, который всегда при тебе или на виду, подаренный любимым, вызывает волну нежности, когда касаешься вещицы рукой или взглядом. Спутником такого эгоизма порой бывает скупость.

Эгоизм счастья (или благополучия).

«Друзья познаются в беде» – сказано точно. Но куда точнее: «Друзья познаются в счастье». Когда у человека проблемы, ему «не везёт», плохо, нет настроения и прочее, он ищет соучастия, утешения, помощи. Активно стремится к общению с тем, кто проявил к нему внимание и понимание, не скупится на слова признательности, даже с пылкостью говорит о любви. Но вот чёрная полоса рассеялась, человек обрёл снова некоторую уверенность в себе, счастлив, доволен. С радостью сообщает, что жизнь у него снова бьёт ключом, и – «делает ручкой» тому, кто разделил с ним трудный период, помог рассеять чёрную полосу.

Поразительная метаморфоза. Еще вчера говорил о своих чувствах, совместных планах на жизнь, а сегодня спокойно заявляет, что очень занят, у него нет на тебя времени.

Хм, записала эти размышления, а память услужливо вытащила из своей кладовой строчки Марины Цветаевой:

Ещё вчера в глаза глядел,
А ныне уж косится в сторону.

Метаморфозы, если можно так сказать, флюгера.

Когда человек внезапно меняет свою точку зрения на противоположную.

К примеру, находясь далеко, сам был очень красноречив в выражении чувств, разглагольствовал об обязанностях мужчины, заявляя, что он человек чести. Но когда дошло до дела, чтоб приехал и действительно помог, – заюлил, ссылаясь на расстояние и расходы. И заверил, что если б я сама к нему приехала…

Тогда рассказала историю из своей жизни, как мой покойный муж, скупой на слова, просто всё бросил, преодолел за день более четырёх тысяч километров, чтобы быть вместе. История, видимо, произвела впечатление. Друг заверил, что при первой возможности встретимся. А после короткого периода романтичного общения вдруг заявил, что настоящее чувство должно быть молчаливым, и – замолчал, сообщив письмом, что всё решит встреча. Но состоится ли она и когда – не знает. Тут можно лишь констатировать по-французски: се ля ви…

Упущенные возможности.

Когда уже ничего не исправишь, ибо человек уже ушел Туда… Постоянное чувство вины: если б поторопилась! если б решительней… если б…

Тогда б…

Успел получить хорошую весть…

Увидел новую книжку и т.д.

И даже остался б в живых…

Да, последнее наверно б тоже было возможно, ведь Бог всегда даёт человеку выбор, а со стороны бывают лучше видны обстоятельства. Но – не хватило ума, способностей разъяснить, убедить, остановить…

Пусть говорят: «Чему быть, того не миновать», но всё равно не покидает горечь вины, какой-то своей, внутренней вины и ответственности…

Что вызывает ощущение чуда:

Творчество в целом и рождение стиха в частности.

Вроде пора привыкнуть, ведь пишу много лет, однако…

Простой пример. Получила от коллеги письмо, в нём – первый сонет задуманного нами венка. Прочла, но – дела! Не до лирики. Вечером села за стол подвести итоги дня, уставшая, с пустой головой, из которой, казалось, ни слова не вытряхнуть. Но перечитала письмо, присланный сонет и – озарение! Из ничего, ниоткуда возник образ. И появился азарт. Усталость и всё прочее моментально забыты! Первая строка ложится на бумагу, точнее, предпоследняя. Такое творение с конца у меня не редкость.

Первоначально возникший образ даёт толчок другому, другой – третьему. Говоря языком химиков – цепная реакция. И сонет рождён! Хотя тот,

первый образ так и остался неиспользованным. Он будет в заначке, авось и пригодится.

Еще пример. Сочиняем с коллегой построчный стих с помощью сотового телефона. Едва прочла присланную им строку, моментально возникла своя, даже и подумать не успела! Ну откуда она взялась?!

Не могу писать на заказ, душа противится насилию, принуждению. Если сажусь за стол просто с целью написать новый стих – фигушки! Сколько мозги ни напрягай – тщетно! И странное ощущение, будто мои мысли заперты на замок от меня самой. Хотя, конечно, что-то срифмовать можно. Но это будет халтура, лишённая присутствия души.

Стихи меня настигают внезапно, и если, поддавшись преходящему, суетному, отмахнусь, не приму вдохновение, буду наказана, оно уйдёт, унеся с собой из памяти мысль. Даже если в нескольких словах зафиксирую мысль, потом трудно бывает «сшить» из неё стих, а то и вообще не получится.

Сколько таких вот «огрызков» похоронено на клочках бумаги, всунутых в тетради! Исполни я сразу волю Озарения, облачив мысль в стих, то можно было бы объёмную книгу составить.

И всякий раз, настигнутая чудом внезапных строк, вспоминаю слова классика: «Тщетно, художник, ты мнишь, что ты своим мыслям хозяин, вечно носились они в эфире, подвластные Богу». Это утверждение подкрепляет факт совпадения мыслей, образов у разных авторов, незнакомых друг с другом.

Существование самого чуда,

которое часто скептически называют совпадением, случайностью. Но всё больше убеждаюсь: нет случайностей! Всё, что с человеком происходит, должно было так или иначе произойти.

Чёрная полоса: всё плохо! Бесконечная беготня по кабинетам чиновников, добывание справок ради другой справки; эгоизм друга, нелепый разрыв из-за пустяка; травма, словно кирпич на голову, внезапная; «помощь» врачей, ещё больше усугубивших физическое состояние. Мрак!

И вдруг в самый трудный день, когда казалось, что впереди ещё большая чернота, в неурочный час, поздно вечером – звонок! От почти незнакомого человека, который спрашивает: «Как здоровье?» Ну разве это не чудо?

Почему именно вот так, вовремя позвонил? Кто внушил ему мысль, что надо позвонить? Неужели я сама? Ведь я о нём думала, даже просила Бога, чтоб передал моё ожидание, хотя и не верила, однако… Примеров много.

Быть самой для других причиной чуда.

К примеру, Дедом Морозом для маленьких племяшек, которого они восприняли вполне естественно существующим. И мне же с восторгом рассказывали, что приходил Дед Мороз. Потом на несколько лет, до их взросления, превратиться в Карлсона, исполняющего желания, преподносящего сюрпризы.

Или ещё. Давно глянулись стихи одного поэта в самиздате, узнала адрес, но всё недосуг было написать, года 2–3 тянула. Наконец, когда, положив перед собой блокнот с адресами, строчила всем новогодние поздравления, попался и его адрес. На своё письмо получила неожиданный по смыслу ответ. Мой коллега воспринял письмо как чудо, ибо оно пришло именно 31 декабря, а у него из-за разных проблем совершенно не было настроения. Ответ писал новогодней ночью, признавшись, что я заставила его поверить: есть ещё в жизни чудеса.

А несколько человек, к которым случайно попал изданный мною коллективный сборник стихов «Симфония ночи», тоже восприняли этот факт как чудо, были рады со мной познакомиться. Возникло взаимное интересное общение.

Сама жизнь.

Разнообразие Природы и мы, человеки, живущие в этом удивительном мире. Огорчает факт, что не умеет человек относиться бережно к нашей матушке-Природе, но это отдельная тема.

Алинка принесла крохотного котёнка-сосунка. Первым словом, возникшим в моей голове при виде этого создания, было: чудо! Вот, оно, имя, Чудиком будет. Но оказалось – кошечка. Что ж, Чуда – тоже хорошо.

Мама с насмешкой восприняла предложенное имя, заявив, что отзываться на него кошка не будет. Как бы не так! Чуда сразу приняла своё имя и на мамино «Муська» не реагировала. Более того, она стала этому имени соответствовать.

Кошечка оказалась не только красавицей, но ещё и умницей, любознательной, изобретательной. Сначала я просто шагу не могла ступить, лезла под ноги, требуя к себе внимания. Но потом Чуда сообразила, что не всегда могу быть с ней, играть, и стала искать себе развлечения, осваивая пространство двора. Познакомилась с курами, стала их пугать воинственными наскоками и – дразнить Шарика! А потом и вовсе началось удивительное: когда Шарик срывался с цепи, Чуда бесстрашно на него нападала, таская за хвост и загоняя в будку – большую собаку!

Отец рыбы наловил, чистит на столе во дворе. На запах явился большой жёлтый кот. И Чуда показала ему, кто здесь хозяин! Сама вдвое меньше кота, трехмесячная ещё.

А какие забавные трюки проделывает, особенно если ею восхищаются! Без всякой дрессировки. И комиксов никаких не надо: вот оно, реальное, непредсказуемое зрелище, от которого душа в восторге.

И Шарик такие пируэты выделывает, когда его похвалишь!

Между прочим, животные очень даже понимают, что им говоришь. Жаль, что не умеют нашим языком говорить, а мы не утруждаем себя стремлением понимать их язык. Какая гордыня! Человек человека может предать, но животное – умрёт ради хозяина.

Ещё удивительный факт – животные лучше нас ориентируются в мире растений, знают, какая травка от какой хвори им поможет.

Многообразие всякой зелени! Какая в них сила жизни! На сплошном камне, в маленькой трещинке, вдруг увидишь зелёный росток! Ещё холодно, порой снег не сошёл, и на этом чёрно-белом фоне – крохотные солнышки цветов мать-и-мачехи, хрупкие капельки подснежников.

Смотришь в ночное небо: чёрная синева и миллиарды холодно-раскалённых огней, далёких, безжизненных. И в этом мраке летит наш голубой шарик Земли. Живой! Разве это не чудо?!

Осенью 2008 года ЦСА «Одухотворение» издал сборник стихов поэта из Ростова-на-Дону Владимира Калинченко «Открытий много в области души».

ОТКРЫТАЯ ДУША

Владимир – оригинальный поэт и преданный рыцарь литературы. С отрочества его тянуло к книгам; эта тяга вдохновила юношу на пропаганду творчества лучших российских поэтов, а затем закономерно привела на библиотечное отделение культпросветучилища. Несмотря на прогрессирующее заболевание, молодой библиотекарь успел четыре года проработать «в царстве книг» и обрести верных друзей среди ростовских библиотекарей. После ухода с работы, вплоть до 2001 года, Владимир Калинченко выступал с рассказами о любимых поэтах на различных площадках Ростова-на-Дону: в учебных заведениях, библиотеках, Дворце культуры, клубе инвалидов «Ромашка»… Даже когда лекционная работа оказалась невозможной, он продолжает пропагандировать русскую поэзию – его композиции о жизни и творчестве поэтов XX века (которых создано уже более 30!) активно используют сотрудники Ростовской областной библиотеки для слепых и других организаций. Этот феномен тем более удивителен, что у Владимира нет даже пишущей машинки. Все свои работы он пишет печатными буквами от руки, чтобы читателям легче было их разбирать.

И всё же прежде всего Калинченко – первоклассный поэт-новатор, смело экспериментирующий с формой и содержанием стиха. Продолжая творческие искания Вл. Маяковского и М. Цветаевой, он широко использует знаменитую «лесенку» и членение слов на слоги. Творчески осмысливая достижения обэриутов, он – особенно в своих стихах для детей – увлечённо играет со смыслом слов, порой, как ребёнок, создавая новые, весёлые и легко запоминающиеся слова. Остаётся только пожалеть, что эти стихи Владимира Калинченко пока не нашли своего издателя.

Если в стихотворениях, обращённых к маленьким читателям, поэт светел и часто весел, то во «взрослой» лирике он предстаёт совершенно иным – бесконечно одиноким, ранимым человеком. Он не боится исследовать самые мрачные тайны бытия, посвящая стихи темам болезни, смерти, утраты любимых, постепенному угасанию старости… А рядом – радостные, жизнеутверждающие строки, обращённые к возлюбленным, друзьям, любимым деятелям культуры. Но о чём бы Владимир Калинченко ни писал, одно остаётся неизменным – запредельная распахнутость души, готовность поделиться с неведомым другом-читателем сокровенными желаниями, горькими поражениями, неудержимыми фантазиями…

Издание уже вызвало живой отклик читателей, в числе которых оказались не только российские инвалиды, среди которых книга распространялась бесплатно, но и литераторы-профессионалы, группирующиеся вокруг альманаха «Московский Парнас». Предлагаем несколько стихотворений, вошедших в этот сборник.

Екатерина Зотова

Владимир Калинченко

* * *

– За что ты её любишь?
– Любят не за что, а вопреки.
Из разговора.

Написал я (все буквы большие)
Твоё имя – зачем? – ведь оно
В душу вписано…
Мог из души я
Взять слова, что сказать
не дано
в разговоре с тобой…
Молодая,
Привлекает тебя молодёжь, –
И – войдут – и, ничуть не страдая,
Вместе с ними куда-то уйдёшь.
Вот – ушла – я хотел, чтоб осталась…
Вроде ты не такая, не та,
Что нужна мне…
Люблю? –
показалось,
может быть…
Ну подумаешь – малость, –
Мне чужая ушла…
ПУСТОТА.

* * *

Лине

«Встречают по одёжке,
провожают по уму».
Русская поговорка

Встречают по одёжке? Но – встречай
Меня, – одет не модно – ну и что же?
А стол накрыт – рулет, печенье, чай,
Ты приглашаешь сесть, садишься тоже.

И вот за чаем разговор пошёл –
О разном, вечном – только не о моде:
О том, как плохо жить, как хорошо,
О жизни – бытии, и – об уходе.

Ты говоришь –
И отвечаю я:
Мы говорим –
Ты – здраво,
Я пристрастно,
Часть нашего с тобою бытия
Наш разговор – по-своему
прекрасный.

Потом читаю я стихи свои
(Внимаешь, тихо головой качая)
О сущности всего и о любви, –
И нам с тобой давно уж не до чая.

Друг друга мы стараемся понять –
Принять – твои сужденья – вдохновенье
Моё, – и – не спеши ты провожать
Меня, а постарайся удержать…
…Твой ум – и мой талант –
Вот единенье!

Доживающая

Стара. Больна. И, двигаясь с трудом,
Уже не помнит, как ещё бывает,
Давно на дочке с зятем этот дом,
в котором не живёт, а доживает
Своё;
Законы бытия строги –
Су–ро–вы, – что погасшую встревожит…
И эти
(ноги –
тяжелы)
шаги –
Последние шаги её,
быть может.

Сергей Царапкин

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОЖДЯ

Посвящается всем детям,
с которыми я работаю

1

Ева проснулась, как всегда, рано. Чуть-чуть болела голова. Голова болит почти каждое утро, и Ева к этому привыкла. Она прошла как можно тише в ванную. Включила воду. Пальцы перебирали теплую струю, как если бы это была не текучая распадающаяся на струйки и брызги жидкость, а, например, грива лошади.

Ева подставила ладонь, и тут же образовалось тёплое озерцо. Рука отяжелела, и вода прядями провисла между ладошкой и дном раковины. Корытце другой ладошки тут же подхватило пряди струй. Это был уже горный сверкающий водопад. Водопад вопреки всем законам природы мог не только падать сверху вниз, но и расти, если Ева поочерёдно надстраивала ладошки друг над другом. Снова и снова она ловила разнообразную текучесть, собирала её в корытца, чтобы уже в следующее мгновение образованные озёра, водопады или гривы фантастических коней распускать на нити, пряди, из которых она тут же сплетала прозрачные занавесы. Сплетённый занавес падал широкой и тревожной зыбкостью, будто опрокинутая вниз дорога. А дорога, в тело которой погружались пальцы, снова становилась гривой.

А то ей представлялось, что она заплетает косы или игрой пальцев рассеивает на множество нитей едва удерживаемый в ладошке тёплый клубок.

— Ева, — позвала её мама, приоткрыв дверь в ванную.

— Да, мама? — не оборачиваясь, ответила Ева.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего.
— Болит голова?
— Да, немного.
— Таблетку выпьешь?
— Не знаю.

Мать ещё секунду глядела на дочь и потом закрыла дверь. Но тут же дверь снова открылась.

— Пойдём завтракать.
— Иду, — ответила Ева.

Ева вытерла лицо и руки. Тепло воды и капли с рук слизнуло, будто оборвало какую-то ещё одну ниточку, полотенце.

Ева обернулась. На кончике закрытого крана повисла последняя капля, а из зеркала за Евой подглядывало её же лицо. Еве стало неприятно его молчаливое выражение. Оно, казалось, или в чём-то упрекало, или хотело о чём-то попросить Еву. Растянув губы в подобии улыбки, она стала разглядывать свои крупные зубы.

Потом остриженным ноготком Ева поскребла сверху вниз передний зуб.

— Ну, что ты хочешь? — Ева снова открыла кран.

Набухшая капля оборвалась, и тут же за ней потянулась тонкая, вибрирующая одинокой струной ниточка. Тихий шелест воды, как музыка, притёкшая в ванную семнадцатого этажа московской квартиры, снова начинал волновать Еву. Но что это за тревога? Ева ни понять, ни вспомнить не могла. Но ей казалось, что если вот сейчас закрыть кран, то ещё что-то непоправимое произойдёт в её жизни.

И Ева, сделав струйку воды очень тонкой, чтобы не услышала мама, вышла из ванны.

— Ты кран хорошо закрыла?

Мама в кухне заканчивала готовить завтрак.

— Да.

2

Когда-то, давно, когда с ними ещё был папа, улетел шарик. Самый обычный синий шарик. Этот шарик пятилетней Еве купил и надул папа.

Какой был смешной папа! Раздувая щеки и покраснев, как мак, что у неё на чашке, папа вдувал в шарик из себя воздух. Сначала шарик висел большой сопелькой под его носом. Но потом сопелька стала напрягаться. И вот уже это не сопля, а яблоко, дыня, арбуз! Папа дул, и шарик, переросший размер арбуза, превратился в синюю луну.

— Хватит, папа! — закричала Ева. — Пусть он будет луной!

Папа прекратил дуть и ниткой перевязал луну. А маленькая Ева тогда же подумала: «Какой же большой и сильный ее папа и сколько в нем этого воздуха, если он смог надуть целую луну!»

Потом она, папа и шарик долго гуляли, гуляли, гуляли! А потом налетел ветер и вырвал из руки шарик. Синий шарик так быстро и безвозвратно улетал, улетал, улетал, что Ева заплакала гораздо позже. А тогда там, на улице, она ещё удерживала, уже только одним взглядом, эту очень тоненькую ниточку, связывающую её с синим шариком.

Потом она заболела. Ни шарик, ни папа с мамой не были виноваты.

Шарик улетел, папа ушёл, мама продолжала работать в своей редакции, а Ева заболела. Что-то случилось со всем, что знала и помнила Ева. Память Евы стала похожа на улетевший шарик. Сначала это было немножко смешно и чуть-чуть страшно. Первыми стали уходить предметы. Точнее, вилка или любимая чашка оставались на своих местах, но кто они и как их называть — этого Ева порой вспомнить не могла. Иногда было так: мама утром наливала чай. Ева, приходя на кухню, садилась на своё место у холодильника. Она смотрела на маму, на тикающие часы, на стол и не могла понять, что от неё хотят.

— Почему ты не пьёшь чай? — спрашивала мама.
— Я хочу чай, — отвечала Ева.
— Ну, так бери чашку. Чай остывает.
— Чашку? — и Ева начинала странно водить по сторонам глазами. Ей в слове «чашка» слышались глухие и шипящие звуки, из которых не получалось ничего, кроме шелеста, похожего на шелест текучей воды. Тогда она ещё не оставляла в ванной тихую песню струй, и, наверное, поэтому здесь, на кухне, ей трудно понять, что означают эти шипящие звуки? Ева касалась пододвинутой ей чашки. Вертя её на столе, разглядывала, удивляясь, что это чашка, что она, действительно, белая и тяжёлая. В ней может свободно находиться, не протекая, горячий чай.

Или раз позвонил телефон, и попросили Раису Семёновну.

— Здесь таких нет, — ответила Ева.
— Это телефон..., — и голос в трубке назвал цифры их номера.
— Да, но здесь живу я и мама.
— Я говорю с Евой, дочерью Раисы Семёновны?
— Моя мама Раиса Семёновна? — расхохоталась в трубку тогда Ева. Что-то скользкое и щекотное завибрировало в ушах и зудящей волной прокатилось по всему телу.

Как-то Ева не узнала свою квартиру. Это длилось несколько секунд и только поэтому было забавно. Это выглядело так, будто она волшебным образом перенеслась в чужую жизнь.

Но однажды Ева забыла саму себя. Утром в ванной на неё из зеркала взглянуло чьё-то незнакомое лицо.

— Мама, мама! — выскочила с криком из ванны Ева. — Там чужая девочка! Она на меня смотрит!

Они с мамой тогда в первый раз поехали к Аркадию Соломоновичу. Аркадий Соломонович был врач. С тех пор они ездят на Сиреневую улицу. Там очень много сирени. Ева сразу полюбила эту тихую улицу. И всякий раз, когда мама накануне говорила, что завтра они поедут к Аркадию Соломоновичу, Ева спрашивала:

— А что, уже весна?

Конечно, они ездили на Сиреневую улицу в разные времена года. Но Ева всякий раз перед тем, как войти в ворота больницы, старалась немножко постоять среди кустов. И неважно, что приезжали они порой, когда под ногами была снежная каша и куст был гол. Ева всё равно чувствовала этот волшебный, кружащий голову запах.

Она знала, что если бы ей дали здесь постоять ещё немного больше, то и эта грязь, и серое небо, и колючий ветер — всё исчезло бы, как растворяется страшный сон. Ведь куст уже покрылся белой пеной

цветов! И этого она не видит лишь потому, что их ждёт Аркадий Соломонович и надо идти.

Иногда казалось, что кто-то настойчиво идёт за ней. Тут главное, как говорил Аркадий Соломонович, — надо не впадать в панику. Этому было трудно научиться. Вообще не обращать внимания Ева не могла. Внимание прилипало так цепко, что надо было остановиться и подождать, чтобы человек, её преследующий, подошёл. Если он проходил мимо, то Ева, ещё немного провожая его взглядом, тут же успокаивалась. Но если их встретившиеся взгляды устраивали между собой диалог, Ева не выдерживала. Она выхватывала мобильник и, рыдая, вызванивала маму, которая, срываясь с работы, должна была отыскивать ребёнка.

Или один раз ей в магазине, когда она стояла в очереди с коробкой кукурузных хлопьев, стал подмигивать паренёк. Ева так развеселилась от этой игры, что у кассы забыла отдать приготовленные деньги. Она всё с той же улыбкой глядела в лицо кассира и не понимала, почему та мрачно и зло глядит на неё?

— Что же в этом? — размышляла потом Ева. — Это, может, и выглядело странным, что девочка стоит в очереди и перемигивается с пучеглазым мальчиком на коробке хлопьев. — Ну и что же здесь такого? Ведь она своим поведением никому ничего плохого не делает. Так почему же все так реагируют?

Поэтому Ева перестала одна ходить по улицам.

Зато какие путешествия и разные истории происходили с ней во снах! Но вот тут и возникало это неприятное ощущение, от которого становилось по-настоящему страшно. Если бы просто забыть, просыпаясь, сон или вспомнить, чтобы снова забыть, или помнить, но только весь — от начала и до конца! Но Ева каждый раз просыпалась с чувством тревоги. С ней что-то случалось во сне. Это «что-то» не уходило вместе со сном, оно тяжёлой гирей продолжало перекатываться в голове. Сохранялись эмоции, сохранялось настроение, а вот причины пропадали.. Будто невидимый злодей ластиком стирал в голове одно, оставляя другое. И голова выглядела, как старая промокашка с чернильными пятнами и протёртыми дырочками. Все это было похоже на игру в прятки. Ева всегда только ищет и никогда ничего не находит.

Окружающий мир — включая предметы, людей, звуки, запахи и собственное тело с мозгами — всё было лишь как бы ширмочками, за которыми прятался тот, кто затеял эту дурную игру.

Люди не понимали, что, пока она не обнаружит источник волнений, она не может не заглядывать за спины встречных и не может не просить, чтобы люди открывали сумки и расстёгивали пиджаки.

Расстёгивать пиджаки, так же как и вытряхивать содержимое своих и чужих сумок, снимать трусы и бюстгальтеры, — люди могли всё это делать. Но у всех этих и у подобных поступков были иные мотивы. А у Евы были свои. Поэтому иные мотивы Евы не были понятны им. И в этом было различие, которое Аркадий Соломонович называл симптомом болезни.

3

Белая чашка Евы с маками на округлых боках стояла перед ней. Чёрный чай с островком пенки в середине испускал пар в прохладу раннего утра. Мама всегда утром раздвигает занавески, открывает балконную дверь и уже на лоджии широко распахивает фрамугу. Потом, стоя у кухонного стола, готовит бутерброды.

Ева села на своё место и пододвинула чашку. Чай был горяч. Пальцы Евы стали оглаживать чашку.

— Тебе лимон положить? — спросила мама и поставила тарелку с бутербродами перед Евой.

— Не знаю. Наверное, нет. Он такой пушистый!

— Кто?

— Чай.

— Чай? Почему он пушистый?

— Не знаю, — пожала плечами Ева. — Пушистый потому, что пушистый.

— Не понимаю. Чай горячий, или чай свежий, или чай чёрный — это понятно. Но как чай может быть пушистым?

— Тише, — попросила Ева.

Мама уже протянула руку, чтобы включить трёхпрограммник.

— Ты разве не хочешь послушать прогноз погоды?

— Хочу.

— Тогда почему ты просишь меня не включать?

Мама не случайно задавала вопросы. Она была уверена, что дочь, по словам Аркадия Соломоновича, «залипает» на своих ощущениях. Это мешает ей адекватно и целостно воспринимать действительность. Поэтому мама считала своей обязанностью стараться всеми возможными способами выдёргивать дочь из этих «залипаний». Она была уверена, что постоянное возвращение дочери в реальность будет полезным.

Всякий раз, когда мама начинала тему «объективного реализма», как она именовала свою методу, Еве хотелось, поджав ушки, свернуться в комочек и стать очень маленькой, маленькой и недосягаемой.

Сейчас у мамы было желание и повод провести утреннюю терапию.

— Тише, — ещё раз умоляюще попросила Ева. Что можно противопоставить сокрушающим ядрам объективного реализма? Что с того, что Ева научилась выслушивать маму. Мама говорит, а Еве становится кисло, как от съеденного лимона. И она чувствует, что все эти слова к ней не имеют никакого отношения. Ева, может быть, с радостью хотела бы приладить на себя предлагаемые мамой и Аркадием Соломоновичем одежды «объективного реализма». Но одежды все эти не для неё. И тут поделать нечего.

А вот страшно, по-настоящему, становилось, когда в эти одежды наряжали двойников. Их уже столько развелось! Мама Еве казалась в такие минуты не её мамой, а таким же двойником, отнявшим у неё тайну. Вот именно это было по-настоящему страшно!

4

Но сегодня другое утро. Оно так же, как и многие другие утра жизни Евы, вынырнуло, как чертик из табакерки, из снов. И началась всё та же жестокая игра в прятки. Только вот сегодня Ева остро чув-

ствует близость отнятой у неё тайны. Она слышит свою тайну. Тайна тихо и настойчиво наполняет кухню. Ева плотнее прижимает ладони к чашке.

Мама включает трёхпрограммник и слушает прогноз. Значит, у Евы есть шанс. Пока мама слушает, Ева, наклонившись близко к горячему озерцу пушистого чая, вслушивается в окутывающие её звуки.

— Что это?

Ева сначала лишь распознаёт, угадывает, но потом всё яснее и яснее начинает слышать шелест текучей воды. Звенящая струя своим шелестом заполняет все пространства кухни. Еве кажется что мама сейчас услышит, и… Ева не хочет думать, что случится потом.

Она дрожит. Ей страшно.

Я же помню… я помню… вчера был дождь. Мы всё это делали на занятиях — изображали…

Мысли Евы выбираются из пучины страха.

— Сначала капельки, — вспоминает Ева. — Мы сидели кружком, и каждый по очереди ударял в маленький барабан. Падавший на тело барабана палец извлекал капельку. «Стук, стук, стук», — шевелятся губы Евы.

Ева ещё ниже наклоняет над чашкой голову.

— Ну, конечно, Сергей Иванович так и сказал, что сначала капельки: стук, кап, стук, кап. Дождик начинается с капелек. Каждый из нас — это капелька, падающая с неба.

И мы были капельками.

Ева нежно опускала палец. Она это делала сразу после капельки Гриши. А за ней падала капелька Алёша, потом — капелька Наташа, потом Серёжа, потом Настя и снова капелька Гриша.

— Да, да. С этих капелек началась их игра! Начался их дождь. Какими же были смешными эти капельки! Гриша ударял сразу двумя пальцами, и поэтому его капелька была тяжёлой; Наташа всегда опаздывала или бросала свою каплю слишком рано. Серёжа лупил по барабану всей ладонью. Ладонь у него большая, как клешня у гигантского краба. И его удар похож на гром. А потом всё сорвалось, и посыпался горох. Еве даже захотелось зажать руками уши. Но потом капельки всё же услышали друг друга. И вот уже не горох и не камнепад, а танец дождинок. И как же захотелось, чтобы этот танец превратился в сплошной и сильный дождь! Гриша и Серёжа первыми стали сильно бить в барабаны. А ведь Сергей Иванович говорил, чтобы только пальчиками.

И вот тут сверкнула молния! Грянул гром! Стеной воды обрушился дождь!

— Молния! Гром! — гремел голос Сергея Ивановича.

И все они и сам Сергей Иванович заколотили в барабаны. Ведь именно так гремит гром, стеной льёт дождь и сверкает молния!

В грохоте обрушившегося дождя утонул голос Сергея Ивановича, и ребята превратились в этот сверкающий и гремящий ливень.

Стало жутко. Ева закрыла глаза, но руки продолжали колотить по барабану.

Но вот ливень стал стихать. Гром затих, и молния погасла. И снова вернулся танец капелек.

(Сначала он был очень частым и сбивался на гороховый шум, но потом стал всё тише и спокойнее. И вот только капельки, капельки, капельки.

Ева открыла глаза. Кап, кап, кап, кап. Вот Наташа, и Серёжа, и Гриша с Алёшей. И она, Ева, тут же. И всё затихло. Тишина зазвенела в ушах.

Они снова сидели на паласе в зале. Перед каждым стоял барабан. Все по примеру Сергея Ивановича, опустив руки, смотрели друг на друга и улыбались. Ева улыбалась тоже.

Занятие закончилось зарисовкой в альбоме сильного впечатления.

Ева нарисовала шесть фигурок, пляшущих под дождём. Потом все смеялись, узнавая себя в этих весёлых человечках. Особенно досталось Сергею Ивановичу: на него обрушивались сразу две толстые струи, две острые молнии и нависшая туча в форме сердечка.

А потом, ночью, Еве приснился дождь. Дождь был и водой, падающей с неба, и закутанным в плащ мокрым человечком, очень похожим остренькой лысиной на Аркадия Соломоновича.

5

Ева сидела перед чашкой чая и улыбалась. С поверхности чайного озерца смотрело её лицо. Ева чуть повела головой в сторону. Лицо также чуть съехало влево. Ева указательным пальцем ударила по поверхности. Озерцо вздрогнуло, и по нему побежали морщинки. Но лицо не исчезло.

— Мама, я вижу себя, — не поднимая головы, сказала Ева.

— Хватит играться. Пей чай. Остынет, — был ответ мамы.

— Тише, — почти неслышно даже самой себе шепнула Ева.

— Нет. Это шепнула я, а не ты, — погрозила она пальчиком. Отражение послушно сомкнуло губы.

— Сегодня целый день обещают осадки, — сказала мама.

— Мама, слышишь?

— Что?

Ева подняла голову и посмотрела на мать.

— Мама, ты постарела!

Мама чуть не подавилась. Мама кашляла, а Ева встала и вышла на балкон.

В проёме открытой фрамуги шумел дождь, и остро пахло весенней зеленью.

— Разве мама поверит, что этот дождь позвали вчера мы?

Ева высунула голову и зажмурила глаза. Ей стало очень хорошо и свободно. Она летела над весенней Москвой блестящей каплей! И тут же летели и Алёша, и Наташа, и Гриша, и Серёжа!

— А где же Сергей Иванович? Ага! Вот и он!

Ева открыла глаза. Сергей Иванович, важно задрав хвост, не спеша бежал по двору. Он легко перепрыгивал лужи.

— Ну и что же, что это бежит собака! — улыбалась Ева, — ведь и Сергей Иванович такой же чёрный и лохматый!

ЗРЯЧИЕ ПАЛЬЦЫ: резчик Александр Романов

Александр Романов – молодой, но уже известный резчик по дереву и живописец.

Быть художником Саша мечтал с детства. Однако в 16 лет после травмы полностью потерял зрение. Вскоре его семья переехала в подмосковный Клин. Там Александр вступил в местную организацию Всероссийского общества слепых, оттуда в 1997 году юношу направили в Волоколамский центр реабилитации и профессиональной подготовки незрячих. Главной целью тогда было освоиться в вечной темноте – научиться ориентироваться в пространстве, хозяйничать дома, читать брайлевские тексты… Впрочем, активный ученик не ограничился обязательной программой. Он пробовал играть на гитаре, лепить и даже танцевать. Работы новичка из глины свидетельствовали о незаурядных способностях, и на следующий год его пригласили на профессиональное обучение резьбе по дереву. Учиться было непросто. «Иногда за один день умудрялся порезать все пальцы на левой руке и ещё пару пальцев на правой. Всё потому, – рассказывает Александр, – что незрячим резчикам приходится держать стамеску не за ручку, а за лезвие, чтобы контролировать толщину стружки, а другой рукой нащупывать место для следующего среза». Но работа захватила. Результатом учёбы стал диплом «с отличием».

Ангел и бес

Лебеди

Талант резчика Романова рос быстро. В апреле 2000 года в Клину состоялась его первая персональная выставка. В ноябре того же года Александр завоевал первое место на региональном Фестивале народного творчества инвалидов, прошедшем в городе Сергиев Посад. А в январе 2004 года он стал одним из учредителей творческого объединения незрячих и слабовидящих художников «Арт-Гомер».

С 2004 года незрячий художник решил воплотить детскую мечту и занялся живописью, а затем стал лепить и расписывать керамические фигурки. Его работы разнообразны не только по технике исполнения, но и по тематике. Многие резные и керамические миниатюры пронизаны мягким, добрым юмором. А живописные работы, напротив, полны философских раздумий. Это видно и по названиям: «Белый круг», «Свеча», «Небесные глаза», «Смысл жизни», «Роза мира»… Александр не скрывает, что некоторые сюжеты пришли к нему во сне. Но путь от замысла к воплощению очень сложен. Пришлось даже разработать специальную технику трафаретной живописи. «На закрашенный фон я накладываю вырезанный из бумаги трафарет, – рассказывает он, – и закрашиваю прорезь масляной краской нужного цвета. Работать приходится пальцами, чтобы чувствовать края трафарета и не оставлять прорех. Потом жду несколько дней, пока высохнет краска, и всё повторяется снова». Результат этого кропотливого процесса – странные полотна, похожие на произведения «наивных» художников.

Александр – участник многих выставок. В марте 2009 года, накануне своего 30-летия, он оказался участником сразу двух вернисажей: 20 марта открылась персональная выставка художника «Я живу в своих творениях…» в Центральном музее ВОС имени Б.В. Зимина, а 25 марта – коллективная выставка в Государственном центре «Преодоление» имени Н.А. Островского.

Успехов Вам, Саша!

Екатерина Зотова

Пегас

Львиная доля

Венера

Подгорная Татьяна Андреевна родилась в 1971 году и живёт в Москве.

В 1994 году окончила факультет русского языка и литературы Московского педагогического государственного университета, 15 лет преподавала в московской «Школе самоопределения» – экспериментальной авторской школе А.Н. Тубельского.

В 2005 году получила сертификат психодраматиста – ведущего психологических групп. В рамках деятельности Центра «Одухотворение» в 2007–2008 годах вела интегрированную психодраматическую группу для молодых инвалидов и здоровых людей.

Является автором ряда статей на педагогическую тематику. Работает корректором в газетах «Классное руководство и воспитание школьников» и «Спорт в школе» Издательского дома «Первое сентября».

С 2007 года – корректор издательского отдела Центра «Одухотворение».

Увлекается литературой, психологией, музыкой, путешествиями. Является членом отряда «Рождественка» движения добровольных помощников реставраторов, была руководителем летних выездных реставрационных отрядов.

Стихи пишет с юности.

Татьяна Подгорная

* * *

Мои стихи – лечение моё
От боли, нанесённой мимоходом.
От жизни, где печали и невзгоды,
Мои стихи – спасение моё.

Мои стихи – сподвижники мои:
В любой момент всегда со мною рядом.
Друзей одарят чистым, ясным взглядом
Мои стихи – признания в любви.

Мои стихи – опора, твердь моя:
Когда мне трудно, вмиг придут на помощь
И с новой силой о себе напомнят
Мои стихи – надёжные друзья.

Мои стихи – дневник души моей.
В них – всё, что было, а порой – что будет:
События – и мысли, чувства, люди.
Мои стихи – как память ярких дней.

* * *

N. N.

Жизнь и смерть, два близнеца,
Ходят следом, ходят рядом,
Всех прохожих на дороге
Провожают вместе взглядом,
На дороге, то пустынной,
То прохладной и дождливой,
То кричащей, жаркой, пыльной –
Без начала и конца.

Два сиамских близнеца:
Взгляд весёлый, взгляд печальный –
То Судьба глядит вослед нам,
Стороны её лица.

* * *

Волоколамский колокольный звон
Зовёт на службу с монастырской башни.
О чём так долго, горько плачет он?
Быть может, провожает день вчерашний?

Или кому-то горестную весть
Протяжным огласил, печальным стоном,
Напоминая всем, что горе есть
И здесь, в миру, молитвой освящённом.

Нам не понять язык колоколов,
Ведь каждый раз поют они другое…
Наверное, превыше всяких слов –
Блаженство, ощущение покоя.

А, может, в Вечность нас зовут они,
Рождая эхо в вышине небесной,
И силы на непрожитые дни
Нам дарят на прощанье в день воскресный.

* * *

Однажды я оказалась над пропастью
Со страшным именем «глухота»...
Но не испугалась,
А стала думать о том,
Как буду жить
Там, на дне,
В мире мёртвой, немой тишины.
Я знала:
Даже если внешне
Всё останется, как было,
И я по-прежнему смогу общаться
(Хотя в действительности будет
гораздо сложнее),
Я превращусь в совершенно
другого человека,
Живущего в своём мире,
Недоступном для окружающих.

Это странное ощущение
И сейчас живёт во мне,
В тайных уголках моей души.
Тогда,
Пробалансировав над пропастью
Почти месяц,
Я удержалась,
Но это может случиться в любой момент.

Возможно, ещё и поэтому
Я так люблю жизнь,
Так ценю каждое её мгновение,
Так стремлюсь заниматься
любимым делом,
Помогать тем, кто мне дорог...

Наверное, пережив это,
Я стала ещё острее
Чувствовать чужую боль,
Внимательнее относиться к тем,
Кто живёт рядом с нами,
Но остаётся наедине со своей болью,
Со своей непохожестью на других.

А если что-то случится со мной –
Я выдержу…
Я видела столько боли,
Но это лишь придало мне силы
И стойкости духа.

* * *

П. С.
Потому что стихи
иногда порождают стихи…
Ю.Лорес

Ты мне даришь стихи. Значит, в сердце ты тоже поэт:
Что чужие – неважно, важнее – что близкие очень!
Ты, наверное, спишь… Я ж – над ними сижу среди ночи,
Снова лёгкие строчки, как бабочки, рвутся на свет…

Дальше вижу: «Любовь иногда порождает любовь»…
То – про нас? Может быть. По местам всё расставит нам лето…
Погружаюсь – в тебя, и в стихи, и в себя, и в поэта…
Глубже, глубже, ещё! – в нетерпенье пульсирует кровь.

Став – так быстро! – «рукой для руки» и «глазами для глаз»,
Понимая друг друга без слов, лишь по мыслям и взглядам,
Каждый хочет найти «половинку», идущую рядом,
Те же ценности в жизни… Похоже, есть это у нас…

Чтоб друг другу шептать пустяки, отпускается ночь
На просторы земли, на бескрайнее море мгновений…
Буря чувств, океаны тревоги, признаний, сомнений…
Только он, наш поэт, вероятно, сумеет помочь…

Круг замкнулся – ты видишь? – «стихи порождают стихи»…
Буря чувств – и полночи, чтоб им на бумагу пролиться…
Собираясь уснуть, вспоминаю любимые лица,
Отдаваясь во власть бесконечных бурлящих стихий…

* * *

Я живу, как дышу: отдаю, и теряю, и плачу,
Потому что уверена: всё это – наверняка:
Раз упустишь её – легкокрылую птицу-Удачу –
Всё хорошее кончится – пусть ненадолго – пока.

А потом встрепенёшься – и хлынет поток впечатлений,
Забурлит, захлестнёт, понесёт он в большой водопад
Мыслей, чувств – и желаний, надежд и тяжёлых сомнений.
Даже если захочешь, не сможешь вернуться назад,

В мир спокойный, живущий размеренно, медленно, точно,
Словно нет в нём кипящих, сжигающих душу страстей.
Никогда не родиться там ярким, пылающим строчкам,
Рвущим душу в секунду на тысячи мелких частей.

Так живу и дышу, и своею судьбою довольна,
Ведь она мне дала всё, о чём только можно мечтать:
Радость, счастье, друзья – рядом с острой душевною болью,
И желание жить – твёрдо верить – любить – и страдать.

* * *

Вот ещё один день
в череде многочисленных дней…
Сколько пищи уму,
наблюдений, надежд, размышлений,
Поражений, побед –
все запомнить трудней и трудней,
Расставаний и встреч,
разговоров, метаний, сомнений…

Непрерывный поток –
как узор в мозаичной трубе –
Каждый миг что-то новое,
и не успеть оглянуться…
В окружающем мире,
и в друзьях, и порою – в себе –
Как заметить всё важное,
мимо вдруг не промахнуться?

Снова ищет душа
приложения силы своей,
Словно рвётся навстречу
событиям, ярким мгновеньям…
Жить хотела бы так,
нужной быть –
до конца своих дней,
Лишь бы только хватило
энергии, веры, терпенья.

Вот ещё один день пролетел,
полный дел
и забот…
Дом отходит ко сну,
гаснут окна –
пасхальные свечи…
Телу нужен покой,
но душа моя не устаёт –
Снова льются стихи,
словно жизнь, –
и процесс бесконечен…

Людмила Андреева

КОГДА УХОДИШЬ ТЫ...

Окончание повести. Начало – ЛФ № 5, 2006.

14 марта.

В третьем часу неожиданно пришёл Володя. А я растерялась. Он принёс мне браслет для часов, такой хорошенький… Я как-то обмолвилась, что хорошо бы к моим маленьким, как кнопка, часам подобрать браслет. Он запомнил это как просьбу и купил. Будет теперь память о нём. Хотя я его и без этого никогда не забуду. Володя вовсе не такой, каким я увидела его вначале. У меня вообще, кажется, разум помутился от него. Хочется постоянно видеть его, говорить с ним, пусть о всякой ерунде, но чтобы только слышать его голос, так похожий на голос дорогого для меня человека…

А восьмого марта, вечером, я впервые увидела его без колпака – у него такие шикарные волосы, грех прятать: чёрные, волнистые, и большой рот нисколько не портит лица. Его бездонные карие глаза всегда смотрят на меня искренне и простодушно.

Еще в начале нашего знакомства, примерно месяц назад, я спросила у Володи, как зовут его девушку, на что он ответил:

– Как и тебя, Татьяной.

– Она тёмненькая?

– Не очень. Цвет волос – как у тебя… мне она очень нравится, хорошая девушка.

Вот бы увидеть её, хотя бы краешком глаза…

Мы сейчас смеялись над Шмаровой. Всё-то она знает и обо всём узнаёт первой… даже о том, что творится не только в отделении. И это действительно так. Хочешь узнать что-то – обращайся к ней. Она у нас вместо справочного бюро. Знает и то, что ей и не положено знать…

Где-то в январе вся наша палата (я была первая) стала, как говорят, жертвами шалости детей, которым нечем заняться. Ехала я куда-то, а все на меня странно смотрят и улыбаются. Меня это насторожило. Зашла в туалет (там висит большое зеркало) – вроде с одеждой все было в порядке. Еду обратно – та же история. В палате девчонки улыбаются. Ну, я и вспыхнула как спичка.

– Что вы все так на меня смотрите и улыбаетесь?!

– А ты посмотри, что у тебя висит на спинке! – смеясь, сказала Ритка.

Я пересела на кровать, развернула коляску и… увидела прицепленный листок с крупной надписью: «Не уверен – не обгоняй!». Начали тогда мной, а кончили врачами. Идет ничего не подозревающий человек, и сзади у него висит листок с надписью типа: «Ищу работу», «Сниму койко-место», «Пропала жена (или муж)» и тому подобное. А вспомнила я это потому, что Нинка сейчас пришла с такой вывеской на спине: «Плачу за вредность молоком»… Тогда вроде бы всё утихло, а теперь опять возобновили.

Шмарова же и сообщила, что это Валерка Верещагин придумывает, а ребята поменьше пишут и вешают.

– Всё-то ты знаешь!

– Ну, это же я, Шмарова!

15 марта.

Когда я с Володькой, меня так и тянет на откровение. Я не умею и не могу врать!.. Я сказала ему, что один человек сделал мне предложение и я не знаю, что мне делать (про то, что отказалась, я промолчала)… Мне хотелось увидеть его реакцию.

И он возбуждённо мне ответил:

– Так это же прекрасно, Таня. Замужество – это прекрасно!

– Нет, Володь, я не знаю. Возможно ли это… для меня это просто нереально. Да и его я мало знаю, можно ли ему доверять…

– Но, может быть, это любовь с первого взгляда, бывает же такое, Тань?..

– Но я же его не люблю, он мне совершенно не нравится, понимаешь? Да и если трезво всё обдумать – мне надо о своём собственном здоровье думать, а не о замужестве. Ведь болезнь у меня неизлечимая…

– Не знаю даже, что и возразить… а что говорят твои родители?

– Они пока не знают. Ни с кем и не посоветуешься, подруга закончила учебу в техникуме и уехала по распределению, пока не знаю адреса… а сама решать – боюсь, это очень серьёзный шаг.

– Спасибо, Таня. Ты второй человек, который мне доверяет и говорит со мной так откровенно. А ты раньше с кем-нибудь дружила?

– Нет. Мне с детства внушали (извини, конечно), что мальчишки не могут быть моими друзьями, что я – калека и надо мной могут надсмеяться не только ребята. Исходя из этого, я и не стремилась заводить разнополую дружбу. Девчонки меня за это звали монашкой, говорили, что я боюсь ребят. Я действительно боюсь ребят. Это сейчас детские взгляды меняются, и формируется обо всем свое, личное мнение.

Может, напрасно я ему сказала об этом?.. Теперь у меня из головы не выходит наш разговор. Никто же меня за язык не тянул!.. Что он может обо мне теперь подумать, господи…

16 марта.

Вчера дежурил Костя, а сегодня – Володя и, как обычно, на втором посту. Ленка Шайтанова пристала к нему, не давая спокойно нам поговорить. То одно, то другое.

– Шайтанова, ты мне надоела! – не выдержал Володька. – Вот уж действительно, «Сатана в юбке»!

– А ты в следующий раз наш пост возьми, – шутливо предложила я.

– Придётся, наверное, а то вон житья не дают…

В тихий час я вышла из палаты сполоснуть бокал и, когда шла обратно, Володя уже сидел за столом. Поздоровавшись кивком, я показала свою руку с часами и его браслетом.

Потом на его вопрос: «Нравится?» я ответила: «Очень!»

– Ну вот, теперь хоть изредка будешь обо мне вспоминать…

– Я и без этого не забыла бы тебя!..

17 марта.

Что со мной? Я сама не своя, какая-то рассеянная стала. Мне вдруг захотелось ласки и тепла, без которых я вроде бы нормально до сих пор существовала. Но, оказывается, я тоже человек… Мне очень хочется, чтоб меня пожалели… Раньше (еще совсем недавно) я считала, что жалость унижает, вызывает слабость души. Я, конечно, знаю, что в русском языке глагол «любить» первоначально означал «жалеть», но для меня это были два совершенно разных понятия, несовместимых друг с другом…

Жалеть и любить – это одно и то же, а я этого не понимала и не принимала. Думала, что сказать можно всё, безответственно относясь ко всему, но эти слова зачастую могут иметь и губительные последствия для человека. То, что мне говорил Женя, я из чувства самосохранения пропускала мимо ушей. Мне казалось, что эти слова обращены не ко мне, что такого просто не может быть со мной… Но скажи он всё это мне сейчас, я бы растаяла и поверила ему, результат был бы обратный теперешнему. Мне не об этом сейчас думать надо. Но ведь я живая, а не бесчувственная чурка. Мне восемнадцать, а я ни с кем ещё не целовалась. Так стыдно за такие мысли!.. А что, могу я быть откровенной хотя бы с собой? Я хочу быть любимой, хочу! Хочу, чтобы рядом был человек, который ради меня мог бы сделать всё, что угодно! Я любила и люблю сама, это – счастье, но мне уже мало этого, мало! Хочется не безответной любви, а взаимной, хотя говорят, что взаимная любовь очень редка. Чаще всего в семьях кто-то один позволяет себя любить. Наверное, пока живет на земле человечество, будет жить на свете и безответное чувство, приносящее радость и грусть, счастье и печаль, тоску по взаимопониманию. Вот, расфилософствовалась! А Женю, кажется, выписали. Ну и слава богу, от греха подальше. Сгоряча глупостей наделаешь, а потом сиди и расхлебывай, как хочешь, свои ошибки! В моём положении надо всегда трезво мыслить. Хватит, пора брать себя в ежовые рукавицы. Нечего расслабляться!

19 марта.

Меня скоро выпишут, Л.К. пошла, как всегда, мне навстречу.

Приходила Ольга, поговорили с ней обо всём. А ещё я не выдержала и сама позвонила Максиму. Почему? Не могу больше. Он не написал, а я, если будет продолжаться в таком же духе, сойду с ума. Максим со мной говорил так оживлённо, что у меня не осталось сомнений. Я решила начать новую жизнь, я приеду домой, и мы встретимся, обо всём поговорим. Именно так и будет, в этом я не сомневаюсь. А что будет потом – увидим. Мне Надежда сказала, что я вся лучусь счастьем… Костя сделал мне комплимент, ну а Саша, как обычно, – вредничает, застав меня в ординаторской (я как раз клала трубку), придрался ко мне, мол, кто разрешил звонить. А я отбилась словами: «Мне позвонили». Пусть злится, мне на то наплевать.

20 марта.

Собственно говоря, чему я радуюсь? И в тот раз Максим мне обещал. Значит, и в этот раз все будет так же. Всё у меня не по-людски. Как в сказке про журавля и цаплю. Есть желание говорить у него – нет у меня, и наоборот. А сердце тянется к нему, хоть здоровый – больному не пара! Не нужна я Максиму, вообще никому не нужна! Только в книгах и кино, да и на словах всё хорошо делается, напрасно и мечтать о чём-то хорошем. Всё равно этим мечтам не суждено воплотиться в жизнь. Себя только травить… На деле – это лишь красивая мишура, цена которой порой такая, что жизни не хватит расплатиться. Это для совестливых, а для бесчестных – и гроша ломаного не стоит. Жить не хочется, но об этом нельзя даже мыслен-

но… Всю жизнь мне приходится думать о других!.. А кто подумает обо мне? Мой удел – жить, скрипя зубами, пусть это и бессмысленно. Ради того, что не я первая, не я последняя, как бы висеть между небом и землёй.

Володя взял наш пост. После тихого часа, как и в прошлое его дежурство, сидела с ним у поста, мы беседовали.

Юлька вылетела из палаты вся красная, подбежала ко мне и возмущённо выдохнула из себя:

– Тань, там эти опять целуются… – я сразу поняла, что это о Надежде и ее женихе. – Чё они даже меня не стесняются, целуются да целуются!..

– А ты не сиди там, выходи…

Володя улыбнулся… Тут подошла Ирка (из 237-й), пристала к нему, и он со зла на неё (он её почему-то не переваривает) поставил ей в журнал температуру.

– Сейчас вот позову врача, и будешь лежать в постели! Когда она наконец ушла, тут же исправил.

– Я искал фотку для тебя, но не нашёл. Есть одна, любительская, но она давнишняя. Специально вот схожу, сфоткаюсь и пришлю.

На что я ответила:

– А я всегда плохо получаюсь, особенно если на документы… поэтому не люблю фотографироваться.

– Это закон подлости, – улыбнулся он. – Хорошие люди всегда почему-то неважно выходят.

После ужина мы сидели у нас в палате. Все смотрели фильм «Долгая дорога в дюнах».

– Ты чего не смотришь кино? – спросил он, заходя в палату.

– Видела. А ты?..

– Не хочется. А это – от кого? – спросил он, сев на мою кровать и взяв в руки письмо, полученное мной сегодня.

– От брата.

– У него такой почерк крупный и размашистый…

Мы сидели и беседовали. Он рассказывал мне про себя и своих родителей. А я ему рассказала про свою жизнь и своих близких… О том, как с раннего детства лежала в больницах и санаториях, о своём душевном одиночестве и страхе перед суровой жизненной действительностью… Открыто рассказывала ему о том, что никогда и никому не говорила. У меня появилась потребность высказаться, излить душу тому, кто, как мне кажется, понимает меня. Я как бы расколола ненавистную скорлупу своего ореха, приоткрыв дверь первому, кто увидел во мне человека. Во всяком случае, мне так кажется. Я надеюсь, что у нас с ним есть взаимопонимание…

– Знаешь, у меня очень часто возникает чувство усталости от своего существования. Я никогда водки не пила, но мне иной раз так хочется напиться, чтобы ничего не сознавать! Порой так тошно становится от этой серой безысходности, что, кажется, легче руки на себя наложить, чем бороться за свое безликое существование…

– Да… Тань, а я представлял тебя совсем другой…

– Какой?

– Ну, немного легкомысленной, что ли… а ты совсем другая. Совершенно другая!..

А потом мы снова говорили о любви. Он говорил, что ещё никогда не любил и не знает, какая она бывает… короче, мы мирно беседовали, но тут в палату зашла Ирка.

– Ах, вот вы где!..

Володька недовольно поморщился, и разговор у нас пошёл совсем в другую сторону. О модных вещах, джинсах, барахле…

Когда же Володька ей нахамил, она возмутилась:

– Ну, Володька, ты такой хам!.. такой хам!..

Он, подняв на меня глаза, простодушно спросил:

– Тань, я разве хам? Ну скажи, разве я хам?!

Я, улыбнувшись, ответила:

– Не знаю…

Он вначале облегченно вздохнул – не подтвердила. А потом до него дошло, что вроде и не отрицаю этого, огорченно протянул:

– Ну-у-у… – и в его взгляде я прочла: «И это говоришь ты…»

Ирка же в этот момент сказала то, чего я совсем от неё не ожидала:

– Ребята, а вы так хорошо вместе смотритесь, такая хорошая парочка, и подходите очень друг другу!..

– Брось, Ир. Не надо смеяться, – сказала я, а Володька опустил голову.

– Нет, я серьёзно. Вы так похожи, и смотритесь ничего!

Тут зашла Надежда, кино кончилось. Володька ушел, а я стала готовиться ко сну.

21 марта.

У меня сегодня душа летает, и я будто парю в невесомости. И состояние такое, что хочется всех расцеловать. Я чувствую себя счастливой… наверное, это и есть состояние счастья, когда все прекрасно и я чувствую у себя за спиной крылья!

Нинка на меня косится, а Люда Комлева (и не только она) сколько раз уж сказала, что я сегодня какая-то не такая, неузнаваемая. Будто я необыкновенно красивая, какой еще она меня никогда не видела, всё лицо – так и светится весенним счастьем! – вроде миллион выиграла.

Я отвечаю всем на такие замечания, что скоро домой! Хорошо, что есть повод, за который можно спрятать истинную причину. Но Надежда, кажется, догадалась. Подошла ко мне поговорить.

– С ним – хорошо лишь время проводить, дружить… но только не серьёзно…

– Пусть! – мне действительно на все наплевать и хочется петь во весь голос. Вообще, со мной никогда подобного еще не было. Не было!

И, может, никогда больше не будет. Так зачем же я свои скупые счастливые минуты буду омрачать чем-то? Мне сейчас хорошо – и ладно. А что будет дальше, поживём – увидим. И потом, я ведь не умею радоваться. Всё время думая, что будет потом, я омрачаю в себе светлые мгновения. Мне надо научиться жить настоящим, надо, так как живу я именно сейчас! И прочь все сомнения.

Как только Л.К. сказала, что могу писать домой, я сразу же отпра-

вила домой телеграмму: приезжайте, выписывают. А сама всё думаю о Володьке, о тех часах, проведённых вместе с ним в процедурке.

Вчера Нинка шепталась с Людой (она каждый вечер подолгу сидит в нашей палате и уже далеко за полночь уходит). Мне надоело ворочаться на постели, и я пошла просить таблетку димедрола у Володьки. Он сидел на посту, и мы пошли с ним в процедурку, где и остались. Долго сидели, разговаривали... На «огонёк» заглянула Ирка, и мы снова были втроём. Я видела, что Володька еле сдерживался и внутри весь кипел, а Ирка, видя это, не уходила и вела себя ещё более развязно. Потом вдруг попросила димедрола и, говоря, что одна таблетка на неё не действует, проглотила сразу штук шесть, пока он приходил в себя от её наглости. Следом начала клянчить спирт – налей да налей... После долгих пререканий Володька наконец капнул на дно мензурки и разбавил водой, затем брезгливо, держа её лишь двумя пальцами, дал Ирке. Она выпила и через некоторое время снова начала просить...

– Я же тебе дал. Хватит, иди спать!

– Да-ал, я и вкуса не почувствовала... Тань, дай я посижу в твоей коляске.

– А мне куда? – опешила я.

– Посидишь у Володи на коленях... Володь, ну дай ещё, а? Вот дашь и – уйду. Честное слово. Меня ведь тоже скоро выписывают, не только её, – она кивнула на меня.

Он недовольно поморщился и, снова встав со стула, капнул в мензурку уже чуть больше, чем в первый раз.

Я вдруг подумала: «А интересно, если я попрошу – он мне даст?» – и, будто прочитав мои мысли, а, вернее, прочитав всё в моих глазах (иначе я просто не могу это объяснить), он сказал:

– Не дам.

Я так пытливо и с интересом наблюдала за его манипуляциями с мензуркой, что он не выдержал и нервно выпалил:

– И-и-и не смотри ты так на меня, всё равно не дам!

Ирка с довольным видом выпила, потом на глазах опьянела, наговорила нам кучу гадостей и еле-еле ушла.

– Зачем ты её напоил, зачем?

– Она надоела мне!

– Но ведь ей всего пятнадцать лет... – и, усмехнувшись, добавила: – А мне не дал...

– Ты себя с ней не сравнивай. Она вон какая, а ты...

– Не надо... – опередила я его, чтобы он не продолжал. – Вот только почему ты думаешь, что я всегда говорю правду и не вру, как ты заявил Ирке?..

– Ну, я уверен. Я ведь тоже, как уже говорил тебе, с тобой откровенен, взаимно...

– Ты думаешь?! – мне вдруг захотелось дать понять, что он слишком уж самоуверен.

– Да, я уверен в этом. Всё это время ты просто не могла врать. Я чувствую, когда врут, а ты...

– Нет. Но очень часто мы желаемое выдаём за действительное. Прости, но я соврала тебе, когда сказала, что мне сделали предложение.

Мне хотелось увидеть твою реакцию. Ерунда это всё, посуди сам, кто на такое решится?.. – я нарочно смотрела на пол, боясь выдать себя. Но он всё равно, кажется, понял. Как ни старалась я его сбить с толку, у меня это не получилось... А вот он совсем закружил мне голову, потому что, в конце концов, мы стали целоваться. И какой уж сон после его поцелуев? Его как ветром с меня сдуло!.. Уснула только часа через два, основательно поворочавшись на кровати. Когда ложилась, старалась не шуметь, думала, что все спят, но строгий Нинкин голос вывел меня из заблуждения.

– Таня, где ты была?

– С Иркой сидели, болтали, – соврала я, надеясь, что она не заметила Володиной тени в дверях.

Эти его нежные поцелуи встревожили мое сердце... впервые меня поцеловал парень, парень, который мне нравится.

Утром я проснулась от его голоса. Он, как обычно, хамил Нинке.

Володька предложил градусник и как ни в чём не бывало смотрел на меня. В моей голове пронеслась мысль, что и со мной он теперь будет так разговаривать...

– Вчера была такая теплынь, я пришёл без шапки и в куртке... а сегодня снова снег, холод...

– Не будешь «форсить»! – Нинка была в своем репертуаре.

Потом он зашел попрощаться.

Целый день я парила в небесах и только теперь опустилась на грешную землю. Настроение быстро испортилось. Пошла звонить Володе, чтобы, как он просил, сообщить ему точную дату выписки, но его не застала. Позвонила Фатиме, поговорили с ней. Она думает, что Володя мне компостирует мозги, и она догадалась, что он мне нравится.

Рассказала, как он выбирал для меня браслет, говоря, что совсем её этим замучил. Что она этим хотела сказать, я, признаться, так и не поняла, но настроение у меня начало катастрофически быстро падать.

Я сижу и чуть не плачу! Надежда так смотрит на меня, что, кажется, прямо всю душу выворачивает.

– Таню я первую повстречала в коридоре, сразу подумалось, что будем соседями в одной палате… только, что ж ты приуныла? Днём светилась вся, а теперь и не узнать… – говорит сейчас Наталья Николаевна, которую положили днём с переломом ноги. И опять на соседнюю кровать: после Иринки Юля перелегла – из окна дуло.

Я молчу.

22 марта.

Когда разговаривала с Костей (отдавала книги и журналы, что приносил он), Саша так уничтожающе смотрел на меня, что, мне казалось, готов был убить! Ужас… и чего он так… Сказала Косте, что двадцать седьмого выписываюсь.

– А я дежурю тогда, увидимся ещё…

– Нет, Костя, возможно, я уйду ещё до обеда, а ты придёшь – после.

– Да-а… жаль.

Я его поблагодарила за всё и попросила простить меня, если что-то было не так. На что он ответил, что ему не за что меня прощать и он очень рад нашему знакомству.

– Скоро лето, будешь гулять, сидеть в саду и слушать пение птиц, мечтая о будущем…

Я ему возразила:

– Зачем о чем-то мечтать, себя только травить. Ведь всё равно эти мечты несбыточны!

– Нет, Таня, иногда и помечтать не мешает… нельзя жить лишь сегодняшним днём, есть в жизни и хорошее. За то время, что ты была здесь, ты очень изменилась, ты вообще стала совсем другая… а вспомни, какая ты была: замкнутая, печальная. А теперь у тебя чуточку изменилось настроение, и в лучшую сторону, должен заметить!

Тут Петя Азаматов (чёртов придурок – извиняюсь), проходя мимо, обронил с ехидной ухмылочкой:

– Чё-то я никак не могу понять – родня вы, или земляки, почти всегда вместе… али любовь крутите?..

Мне стало неловко перед Костей, но Костя, повернувшись к Азаматову, резко сказал:

– А хоть бы и любовь, тебе-то какое дело?! – я хотела уйти, но он удержал. – Хоть напоследок не убегай, посиди, спокойно поговорим. А на такие дурацкие выходки и слова не обращай внимания!

Говорили об учёбе, о его невесте с которой они учатся вместе, и о том, что неплохо бы в моем случае попробовать гипноз – убрать страх перед падением.

– Скорей ты, Костя, кончай учебу да меня лечи! Думаю, что ты-то уж точно поставишь меня на ноги, – попыталась я пошутить в конце.

Потом я позвонила Володьке, трубку взял он. Вот наш диалог.

– Я тебе звонил недавно, но какой-то парень сказал, что ты не хочешь подходить к телефону. Слушай, а кто сегодня дежурит?

– Костя, Саша, Нина.

– Ясно. Ну как ты там?

– Нормально. Двадцать седьмого домой.

– Это уже точно?

– Да. Я вчера телеграмму домой отправила. Володь, мне хочется напоследок увидеться с тобой.

– Я хотел придти завтра…

– Хорошо. Я буду ждать.

Вот, сама попросила встречи… и куда подевалась моя гордость? Наверняка он и так уже плохо думает обо мне… Однако качусь я вниз по наклонной… Господи, если бы Володька знал, что сделал со мной! Я поняла внезапно, что устала от своего гордого одиночества и что, к величайшему сожалению, я такая же, как и все, – не могу жить без ласки и тепла, без внимания человека, который мне дорог. Я, наверное, влюблена в него, в эту странную для меня похожесть между Володькой и тем человеком, который у меня живёт в сердце. В нем я вижу черты Максима… Наверное, поэтому мне очень дорого время, проведённое с ним, каждое слово, каждая минута. Я как бы заменила Володькой того, кто далеко, кто мне кажется голубой мечтой… Его поцелуи оказались ядовитыми. Они отравили всю мою наивную душу. Я хочу взаимной любви! Это ещё сильнее подталкивает меня к пропасти, и не дай бог конечно, но чует мое сердце, придёт день, когда я упаду в неё и разобьюсь… Пусть! Неужели же я не имею права на то, что узнаёт каждая девушка? Я обречена на вечное одиночество, и такое никогда не повторится… мне кажется, что впереди у меня только чёрная пустота.

23 марта.

Наталья Николаевна оказалась хорошей соседкой. Знает английский и немецкий языки (преподает их в институте). С ней приятно беседовать. Когда она узнала, что после школы я никуда не поступала, то настоятельно посоветовала мне продолжить учёбу, говоря, что будет очень неосмотрительно с моей стороны, если всё оставить как есть.

– Тебе надо продолжить учёбу, обязательно, иначе ты погубишь свою жизнь.

Да, я думала об этом. Но у нас это так сложно, в моем состоянии, почти что невозможно. Ведь это надо ехать в областной центр, да и родители меня отпустят ли?.. А смогу ли я жить одна, самостоятельно, да и справлюсь ли? Я так не уверена в себе…

Ну вот, я теперь места себе не нахожу. Я очень растерялась, когда пришел Володька и сел ко мне на кровать.

Нинка удивилась.

– Ты чего пришёл? У тебя же вроде не дежурство…

– А я и не к тебе, можешь не беспокоиться. Надо – вот и пришёл… – он посмотрел на меня. – Попрощаться.

Пока я приходила в себя, Володька безбожно хамил Нинке и Люде, зашедшей минут через десять после него. А Наталья Николаевна с любопытством разглядывала его. До меня доходили обрывки их разговора, я, казалось, совершенно перестала соображать (как, впрочем, и сейчас)…

Взяв ручку и листочек, я написала: «Потом выйдем?» – и незаметно дала ему. Он взял, прочёл, спокойно открыл дипломат и положил туда записку. Я посмотрела на него, он кивнул: «Да». Его руки вынули из кармашка дипломата брелок (подаренный мной на 23 февраля с шутливо сказанными словами: «Носи и не стаптывай», – на цепочке висели позолоченные лапотки) с ключами и со значением посмотрел на меня. Мне тогда показалось, что я покраснела. Лицо, уши, щёки мои горели. Пока они обсуждали Володино дежурство первого апреля и то, как будут разыгрывать друг друга, я пересела в коляску, Володя тоже встал. Я посмотрела на него и, сказав: «Я сейчас приду», – уехала. В туалете долго плескала себе на лицо холодной водой, чтобы хоть немного охладиться. Вытерев лицо носовым платочком, посмотрелась в зеркало – я себя не узнала. На полыхающем румянцем лице были глаза, в которых смешалось всё: испуг, радость и растерянность...

Володя стоял у холодильника. Я лишь чуть приоткрыла дверь, и он сразу направился к выходу.

– Пошли?.. – и мы направились на площадку.

При мне он курил впервые. За всё время (это где-то два с лишним часа) он выкурил сразу три сигареты... мне показалось, что он нервничал. Но с чего бы? – не могу понять. Мы о многом говорили (больше о пустяках), он старался курить так, чтобы дым не шёл в мою сторону... попеременно стоя или сидя на дипломате.

– Раздавишь ведь, – улыбнулась я.

– Не-ет, он крепкий. Я сам его делал.

– Сам?!

– Да. Вот смотри, это очень просто... – он снова открыл его и стал объяснять устройство дипломата.

– Ни за что бы не подумала, что он самодельный!..

Прервав возникшую паузу, он серьёзно сказал:

– Разве могу, Таня, я забыть тебя... память о тебе всегда со мной. Стану брать ключи и вспомню того, кто подарил мне брелок, а ты говоришь – забуду...

У нас снова возникла пауза.

– Володь, я заметила, что ты со мной, точнее – с другими девчонками, разговариваешь как-то по-другому, бывает, хамишь им. А со мной – иначе... Скажи, только честно, ладно? Всему виной – моя коляска, да?..

– Нет, Таня. Просто я не могу... ты не такая, как все, понимаешь? Не могу я с тобой иначе... – он посмотрел на меня, и у меня от его взгляда внутри всё сжалось.

В моей памяти крутятся отрывки нашего разговора и неловкие паузы, когда, не зная, что сказать, вяло пытались шутить. И всё-таки я не сказала ему то, что хотела...

– Какой ты милый... просто нет слов. Как кукла.

– Кукла – женского рода, а вот пупсик – подходит.

Я тогда рассмеялась, и уже серьёзно:

– Мы вот обменялись адресами, а я и не представляю даже, о чем мы будем писать друг другу?

– Найдём, что: о природе, о погоде... только ты обязательно пиши...

– Я первая не буду! Напишешь – отвечу.

– Нет. Ты уезжаешь – ты и пиши. Это такое правило: кто уезжает, всегда пишет первым. Ты – напишешь, я – отвечу, – тоном, не допускающим возражений, сказал он.

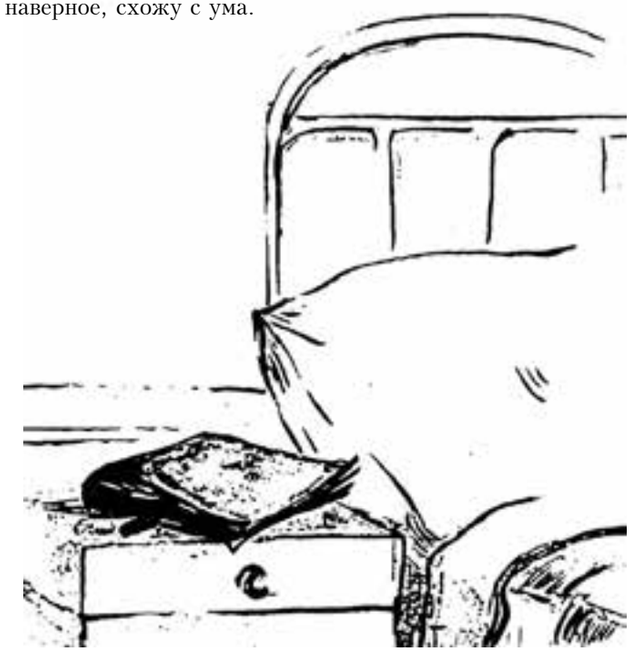
Мне так не хотелось, чтобы он уходил, но я не просила его остаться. На душе было муторно и тоскливо, хотелось плакать. Поцелуи на прощанье... у меня перед глазами всё поплыло... он стал медленно спускаться по лестнице, уходя из моей жизни навсегда... По крайней мере, я так думаю. И мне очень неуютно, одиноко, больно оттого, что он уходил вот так вот – медленно и не оборачиваясь. Всё правильно, иначе и не могло быть.

Слёз нет. Я просто не нахожу себе места. В палате все давно отужинали. Скользнув взглядом по безликим лицам, легла и уткнулась носом в подушку. Наверное, долго так пролежала без движения, ко мне подходили, что-то спрашивали, я отвечала чисто автоматически, ничего не сознавая. Потом я вроде бы вышла немного из этого состояния, ковырялась в холодной картошке, а к салату из первой зелени, сделанному и заботливо оставленному девчатами, даже и не притронулась, и всё под изучающим взглядом Натальи Николаевны.

Чтобы развеяться, вышла с Надеждой в коридор, но там то и дело натыкалась на стулья и людей, будто слепая... наконец, пошла в туалет и наревелась от души. Ладно, хоть Надежда ни о чём не спрашивает.

А Нинка ревниво спросила сейчас, где это я пропадала столько времени. Я ничего не ответила, стала писать. На душе такая пустота... со мной уже было такое однажды, когда уходил Максим, оскорблённый моим «обойдусь без твоей жалости».

Я, наверное, схожу с ума.



24 марта.

Скорей бы уж домой, что ли…

Пришла медсестра и сказала, что меня к телефону. Звонил Женя. Доложил, что придёт меня провожать на вокзал. В ответ на моё: «Зачем?» и «Не надо» – высказал мне всё, думал, наверное, убедить меня.

– Ты не хотела, чтобы я приходил к тебе, так? Но провожать я тебя приду! Поняла?! И что угодно говори, сердись – не сердись, а я всё же приду! В шесть часов я буду на вокзале обязательно!

Что я могла сказать ему? Пусть… только меня беспокоит, что я скажу своим родителям? Интересная ситуация… Кошмарная, как мне представляется. Ладно, что я раньше времени забиваю себе голову?

Мне остаётся надеяться втайне, что он передумает или, может, ему что-нибудь помешает придти.

Недавно Ирка потащила меня в коридор, знакомить с одним, из 232-й палаты, худощавым и высоким субъектом лет сорока пяти.

– Вот, познакомьтесь. Это Коля, а это Таня, – и Ирка стала беззаботно болтать.

Николай стал рассказывать анекдоты, а я отвернулась к окну и стала в него смотреть. Потом к Николаю пришли, а его место занял Игорь. Мы с ним неделю не разговариваем. Я его выгнала из палаты, когда увидела его пошленький рисунок в Юлькином альбоме для песен. Недаром говорят, что в тихом омуте черти водятся.

А теперь подошел и виноватым голосом произнёс:

—Тань, ты сердишься на меня?

– Я думала, что ты умный парень, а ты, оказывается, вон какой!.. Ты просто разочаровал меня, видеть тебя больше не хочу! Эх, ты!..

– Тань, ну прости меня, пожалуйста…

– Я-то, может, и прощу, но ты Юлькин песенник испохабил!.. Как с этим быть?.. – я развернулась и ушла.

Ирка считает, что я с ним слишком круто. А я считаю, что в таких ситуациях так и надо, чтобы на всю жизнь запоминали и в будущем неповадно было! А то раз простишь, два, а потом они начинают наглеть и уже повторяются до бесконечности.

Целый день пролежала в палате и думала, думала… После тихого часа пришла Фатима, принесла торт и всякую всячину, устроили чаепитие по случаю выписки Нинки, меня, Надежды и ещё одной девчонки-долгожительницы из соседней палаты.

Когда я провожала Фатиму, она спросила:

– Приходил?

– Да.

– Ну, хорошо. Да ты не вешай носа, будет он писать тебе, вот увидишь. Его хлебом не корми – письма любит писать…

– Я не буду.

– А что такое?

– А так. Ни к чему это.

25 марта.

Весь вечер (вчера и сегодня) слонялась без дела… настроение чемоданное. С Иркой сидела вчера у окна. Пришел Николай. Разговорились. Потом Ирка удрала, а мне пришлось поддерживать «великосветскую» беседу, так как в нашей палате проветривали. Незадолго до этого Ирка мне сообщила разные подробности про этого ученого-физика. Я тогда возмутилась, что она обращается к человеку, который гораздо старше её, на «ты» и лишь по имени.

– Ну, разве я виновата, что он так представился?

– А ты и рада! К тому же, по твоим словам, он не прочь закрутить роман…

– Ну, конечно. Он сам сказал, что «все мужчины любят целоваться, и я – не исключение…»

Уже из разговора с ним сразу становится ясно, с кем имеешь дело. Живет с матерью, с женой разошёлся давно, у него две дочки: двенадцати и шести лет.

А потом заявил:

– Я – свободен. А свобода – превыше всего!.. А ещё, кроме свободы, я люблю женщин. Причём – умных женщин. Умная женщина – это настоящий клад!

Губа у этого фрукта – не дура… Ошеломляюще было и то, что ему не сорок пять, как я предполагала, а тридцать четыре. И, похоже, у него на уме не столько физика, сколько лирика (то бишь – женщины)! Честно говоря, препротивная личность. Очки и то не спасают от его нахального взгляда, и эти две пары глаз так нагло и пошло осматривают тебя, что чувствуешь себя под этим взглядом совершенно голой.

Частенько бываю теперь в 234-й палате, у Валерки Верещагина. Он лежит по пояс загипсованный. Но, как только приходит Вова (они лежат в одной палате), я ухожу. Валерка всегда удерживает меня, но я обещаю ему заглянуть попозже. Наши палаты находятся напротив друг друга, и если двери раскрыты, то очень хорошо видно, что там делается.

Вот и сегодня занесла ему журналы, принесённые Юлькиной матерью, – почитать. И тут зашёл Вова.

– Таня, опережая вас, хочу сказать, чтоб вы не уходили. Посидите с нами, пожалуйста, а то такая тоска… или, может, я вам мешаю?..

Я улыбнулась.

– Нет, что вы, просто наоборот – я не хочу вам мешать, у вас ведь аппарат…

– Да ладно тебе, Тань. Скажи просто, что тебе скучно с нами, – оборвал меня Валерка.

Я вытащила у него изо рта сигарету, которую он хотел уже закурить.

– А вот это – вредно! – и осталась ненадолго.

Мы говорили о том, что один и тот же диагноз дает различное течение болезни, как в Валеркином и моем случае, о травме Вовы, который искренне сожалел, что не женился до травмы. Он боялся, что теперь останется один со своей инвалидностью. Я шутливо заметила, что это не проблема, в отделении очень много хорошеньких девушек. А он с грустью сказал, что теперешние девчата только и мечтают о

замужестве, лишь бы «подцепить» кого, и больше обращают внимание на внешность и состояние кошелька. Он до того договорился, что сам запутал себя, и стал петь мне дифирамбы!

Господи, как мне это надоело! В последнее время что-то слишком часто слышу в свой адрес столько лести, что хочется повеситься!

Нельзя же постоянно подслащивать пилюлю, всё время делая намеки на то, что если бы не моя коляска, то всё в моей жизни могло бы быть иначе… А то я и сама этого не знаю! Я еле сдерживалась, чтобы не оборвать открытую лесть Вовы. Меня спас Валерка (видно, что по моему лицу можно было прочитать всё, как по бумаге), резко переменив тему разговора.

– Ты уезжаешь. Все новенькие… скучно будет.

На что я ответила, что это временное явление, совсем скоро все перезнакомитесь и будет даже веселее…

Но Валерка тоскливо заметил, что это уже всё равно не то…

Не знаю почему, но мне все стараются внушить, говоря то, что я не такая как все. Но я ничем не отличаюсь от других! У меня так же бьётся сердце, есть глаза, есть чувства, есть и недостатки… я такая же, как и все. Но, по мнению других, я отличаюсь от других девчонок. Хорошо, пусть будет так! Я сижу в коляске, поэтому я для них особенная.

Только, к сожалению, это всем бросается в глаза…

26 марта.

Был общий обход, а до него мне позвонил папа. Он приехал немножко раньше, по делам, сказал, что мама приедет завтра.

Больше половины сегодня уехало. Нинка (она тут год с хвостиком лежала) выписалась. За ней пришёл брат – курсант школы милиции, он частенько навещал её. Надежду тоже на месяц отпустили домой. За Иркой приехала мать, у них поезд где-то в восемь вечера. Да и Игоря выписали, не стали почему-то оперировать. Наложили новых… настроение, как уже говорила, «чемоданное».

Вчера, когда собирала вещи, у меня из этой тетради выпала наша фотография, на ней я и Максим вместе. Мы снялись на папином юбилее, в последнюю нашу встречу… Надежда сидела рядом, но не успела схватить её. Уже с пола её подняла Наталья Николаевна.

– Это Володька? – я отрицательно покачала головой. – Хотя у него волосы чёрные, а на фото – светлые… но они так похожи!

Я промолчала. Так же молча взяла из рук Надежды фотографию.

Значит, это сходство – не моё больное воображение.

Пишу перед отбоем. Приходил папа, сказал, что завтра поедем на автобусе, днём, где-то в одиннадцать часов. Обещал потом позвонить, но до сих пор не звонил…

Саша сегодня дежурит. И в первый, и в последний день моего здешнего пребывания тут…

Зашел к нам:

– А Нинку-то выписали, что ли?.. Да-а, все новые… только ты да Шмарова остались.

Я промолчала.

После ужина уехала Ирка. Попрощались, поцеловались, всё как положено. Я тоже готова ехать. Может, и не приеду сюда больше, кто знает…

27 марта.

Сегодня домой. Сходила, взвесилась, – сорок восемь с половиной – за время пребывания тут сбросила два килограмма и не выросла ни на один сантиметр. Как была – полтора метра с хвостиком, так и осталась. Л.К. дала справку и ещё раз напомнила: что и как пить и как лечиться дома.

Пишу уже дома, вечером. Доехали нормально, как и планировал папа, на автобусе.

Провожая меня, Юлька и Ленка Шайтанова по такому случаю задали такого ревака, что, глядя на них, я тоже чуть не разревелась. Когда я вышла из палаты, дверь в 234-ю была открыта, и я помахала Валерке с Вовой рукой и пошла прощаться с остальными. А когда мы были уже на площадке, из отделения пулей вылетела Полина.

– Танечка, мы же с тобой не попрощались ещё… ну, не болей. Хорошо вам доехать. Ты уж прости, что было… В жизни всякое ведь бывает…

Мне было неловко от её поцелуев и сюсюканий.

Сейчас вот сижу и пишу, а на уме все вертится – как там, да что там?.. Что делают Валерка, Ленка, Костя… он сегодня дежурит. А Володька? Наверное, пошел в кино, или ещё где… Я, когда там собирала свои вещи, листок с его адресом порвала и выбросила. Только, вопреки всему, я его, кажется, запомнила… Ну, а Женя ждёт, небось, на вокзале. Всё же нехорошо с ним получилось. Обманула вроде бы. Но я же не виновата, что всё так сложилось. Я не знала точно, что мы поедем на автобусе (всегда ездили на поезде). Ладно, всё забудется… не будет же он меня искать по всем соседним областям!..

Что же дальше? – не знаю. Хотелось бы побольше в своей жизни хорошего, но это-то ладно, лишь бы плохого не было. А так хочется верить в то, что впереди ждёт счастье. Небольшое, маленькое, но всё же счастье. Но это будет уже не сегодня, а завтра.

Завтра…

Артем Камилов

студент МГУКИ, г. Москва

* * *

Юному другу М.С. посвящается

Ошибка вра-чей, реанимация,
Но он не подвёл, не испортил статистику,
Он знал – это нужно, он очень старался,
Лишь после узнал горькую истину.
Узнал очень скоро –
на детской площадке
Мамаша чья-то сказала громко:
– Вам что, больше негде
с таким вот играться?
А ну, уберите такого ребёнка!
Он понял, простил,
Потом снова старался
Не портить картину всеобщей благости,
На людях просто не появлялся,
Зная:
В общем, в нём мало радости.
Он учил алфавит,
Тыкал в клавиши-буквы
Носом –
Нету другой возможности
(Сведённые вечной судорогой руки).
Да разве это главные сложности?
Не дали зарплату, болеет кошка,
И в огороде украли клубнику,
И мама купила не ту одёжку,
В инете нет подходящего ника,
Сантехник – пропойца,
начальник – иуда,
Любовник сбежал, и жена изменила.
И он утешал, и жалел, и стыдился,
Что делает мало, а, может быть, мимо.
Он верил, что где-то кому-то хуже,
Помочь – видел в этом главную миссию,
Раз он изначально, когда-то в роддоме,
Решил докторам не портить статистику.
.....
Эй вы, мамаши с детской площадки
И чинуши из мягких кресел, – слышите?
Присмотритесь получше
к ТАКОМУ ребёнку:
Возможно, вы тоже ему напишете.

Игорь Коростов

г. Выборг, Ленинградская обл.

* * *

Ветхий дом, тёплый край,
Деревянные ставни.
Чудотворный свой рай
Я когда-то оставил.

В огородной паши[1]
Зеленела капуста.
А сирень у окна
Будоражила чувства.

Небо – просто шатёр –
Распылит звездопадом.
И фиалка в ночи –
Убаюкает чадом[2].

Всё. Не стукнет уже
По железу калитка.
И не встретит меня
Моя мама улыбкой.

* * *

На дворе – палящее лето.
На душе – ледяная зима.
Но печаль – тобою согрета,
Моя Выборгская сторона.

Необъятен, как синее небо,
Расписной, старинный декор.
Ты прекрасна, как дивная небыль, –
Всюду ты будоражишь мой взор.

Так и хочется окунуться
С головой в холодную воду, –
Как от долгого сна очнуться,
Обрести былую свободу.

Как прикованный раб, у берёзы
Я сижу на холодном граните.
Ветра с морем солёные слёзы,
Вы меня от беды берегите...

[1] Пашь – перепаханная, ухоженная земля.
[2] Чад – запах.

МОЗАИКА

Виктор Кунашев

г. Рязань

Ручей

Наблюдая за игрой
Солнечных лучей,
Маша села под ветлой.
Перед ней – ручей.

Блики солнца на воде
И на листьях ивы.
Блики солнца так в игре
Сказочно красивы!

Книжка ляжет на траву,
Луговой ковёр.
Лист я с дерева сорву,
Их – сплошной шатёр.

Нет ни мыслей, ни речей,
Лишь поток живой.
Маша, перед ней ручей
И сплошной покой.

Бал у королевы

Маша. Бал у королевы.
Осень и октябрь.
Здесь блистают кавалеры.
Каждый молод, храбр.

Маша – в платье в длинных складках.
Бусы. Декольте.
Льётся музыка украдкой
В зале, во дворце.

Там осенний бал прекрасный,
Пышные цветы,
Танцы, танцы ежечасно,
А кругом сады.

Громко скажет королева:
«Весь осенний бал
Посвящаю той, что слева.
Маша, ваш бокал!

Выбирай теперь желанье –
Я исполню всё.
Злато, музыка и званье –
Всё теперь твоё.

Не могу я дать лишь счастья». –
«Жаль», – таков ответ.
Даже королевской власти
На такое нет.

Ирина Мовчан

г. Москва

* * *

Свою судьбу как неизбежность
Я не могу принять,
Но лишь в мечтах своих безбрежных
Могла бы я летать.

Под небом звёздным сине-чёрным
Махнёт крылом душа,
И за рассветом удивлённым
Пойду я не спеша

В тот мир, где ярко светит солнце,
Где горя нет и слёз,
Где светится в ночи оконце
В страну любви и грёз.

* * *

Что может быть больше любви?
Что может быть дольше смерти?
В бездне ночной, зови не зови, –
Никто не услышит, поверьте.

Никто не сможет услышать
Кричащего в темноту,
А небо ночное дышит,
Я грежу им наяву.

Мир ночной безучастен
К прошедшим от жизни к смерти.
Никто ни к чему не причастен –
Вы уж мне поверьте.

* * *

Мой мир опять стал чёрно-белым,
И каждый день похож на ночь.
Изрезанное болью тело –
Нет сил, себя не превозмочь.

Душа застыла, словно лёд,
И солнце блёклое не греет.
На части сердце ветер рвёт,
Свеча на столике желтеет.

Фонарь подмигивает глазом,
Скрипят продрогшие деревья,
И в чёрных дырах метастазы,
Проросшие травой неверья.

МОЗАИКА

Николай Неганов

с. Высокораменское, Кировская обл.

* * *

Опустела деревня российская
Тополя, да погосты одни
Не играет гармонь голосистая
Не горят в старых избах огни

Только ветер над кладбищем свищет
Над деревней кружит вороньё
Солнце в травах тропиночки ищет
Пробираясь в пустое жильё

Лучик света гуляет по стенам
Отыскал вдруг в углу лик святой
По оставленным в спешке иконам
Проскользнул и омыл, как водой

Печь разрушена, выбиты окна
Дверь повисла на ржавей петле
Всё заброшено, всё запущено
Всё сварилось в адском котле

А ведь строили дом навечно
Пласт ворочали, рвали пни
Жить здесь думали долговечно
Пусто всё, куда ни взгляни

Вот и кончилась жизнь деревенская
Тополя да погосты кругом
Не играет гармонь голосистая
И никто не придёт в старый дом.

* * *

Вот костёр догорает у ног
Я сегодня до нитки промок
Побродил по окрестным лесам
Распугал всех ворон по кустам

Дождик брызнул из тучки шальной
Я хотел возвращаться домой
Но обсох у костра и опять
Буду путь свой вперед продолжать

По тропинкам лесным похожу
Чистым воздухом всласть подышу
Чтобы на год хватило его
Но не хватит, скорее всего

Только выпал денёчек один
И я в этом году господин
Сам себе я хозяин и раб
А в бетонной коробке ослаб

Но вернусь я туда полон сил:
Я у леса их попросил
Он не жадный и всё мне отдал
Чтобы в городе я не страдал

Я надолго запомню тот день
Когда трогал рукой свою тень
Когда пели мне птицы взахлёб
Капли падали прямо на лоб

Попрощаюсь сегодня с тобой
ведь стал лес мне, как друг дорогой
может, вырвусь опять через год
От шума, забот и хлопот.

ЛЕСЯНКА

Олеся Радушко

г. Кемерово

* * *

Возьми бумажный лист
и карандаш,
Фломастер, краски, кисти
И нарисуй себе любой пейзаж
Из сказок, грез, иль... жизни.
Себя, свой мир и тех,
кто рядом есть
Изобрази с любовью,
И будет жизнь такой,
как хочешь – здесь.
Прекрасной, чистой, новой.

* * *

Природа с Небом говорит,
Дождь шепчется с землёю...
Весна на улицу манит –
За соком в лес... на волю!
Сухие ветки собирать,
Разжечь костёр весенний,
Картошку печь, цветов нарвать
И слушать птичье пенье...

ТамараЧеремнова

ПОПУГАЙ КЕША

Непридуманная история

Всё, о чём я сейчас вам расскажу, произошло в квартире моего брата в один из воскресных февральских дней.

Обычно первым в этой квартире по утрам вставал Семён Семёныч. И сегодня он проснулся первым, предвкушая длинный блаженный день в долгожданном одиночестве, с хоккеем по телевизору. Он точно знал, что все сейчас уйдут, оставят его одного, не считая домашней живности: кота Гриши и попугая Кеши. И наступит благодать: сиди себе отдыхай, никто на тебя не кричит, в гости никто не завалится, ни женины подружки, ни дочкины поклонники. Ну кто из мужчин не мечтает о таком дне всю рабочую неделю?

Так вот, в то воскресное утро семейство Семён Семёныча дружно проснулось и засуетилось, спешно собираясь на выход: хозяйке с дочкой надо было ехать на ярмарку, да ещё по дороге забежать к знакомым в гости.

— Ты уж, Семёныч, побудь дома, ладно? — попросила мужа хозяйка. — Да не забудь поставить пироги в духовку и смотри, не передержи их там.

Напомнив Семён Семёнычу, чтобы тот вовремя покормил кота и попугая, и ещё раз предупредив насчет пирогов, жена с дочкой ушли. Семён Семёныч закрыл за ними дверь и даже затанцевал, предвкушая свободу на целый день. Он заглянул мимоходом на кухню, хотел было заняться пирогами, но, подумав, что пироги не уйдут, махнул рукой и направился в залу. Кот Гриша, увидев хозяина, спрыгнул с дивана, вытянул передние лапы и сладко зевнул.

— Ну что, брат Григорий, похозяйствуем, а? — спросил у кота Семён Семёныч и посмотрел на клетку, где дремал попугай Кеша.

— Спишь, гадёныш? — проговорил Семён Семёныч, хмуро глядя на Кешу.

Дело в том, что хозяин и Кеша с недавних времён стали врагами. А всё потому, что однажды Семён Семёныч, будучи под хмельком, сунул свой толстый палец Кеше в клетку. Кеша же в тот день по какой-то случайности сидел голодным и ждал, когда его накормят. Посмотрев на толстый палец хозяина — пустой палец, без еды! — возмущенный Кеша зло долбанул его клювом. Хозяин от неожиданности взвыл и так хлопнул ладонью по клетке, что Кешу после этого долго не могли привести в чувство. С тех пор едва хозяин подходил к клетке, Кеша с достоинством отворачивался.

— Вот зараза, ещё и обижается! Характер свой выказывает, — хмыкал Семён Семёныч.

— Папка, не смей обижать Кешку! — кричала на отца дочка.

— Да не трогаю я твою дохлую курицу, — ворчал Семён Семёныч и отходил от клетки.

Вот и сейчас Кеша спал или, может быть, делал вид, что спит. Семён Семёныч, потоптавшись, вернулся на кухню, соорудил себе большой четырёхэтажный бутерброд и, поделившись кусочком колбаски с котом Гришей, заспешил к телевизору. Включив его, Семён Семёныч хотел уж было завалиться в любимое кресло — по телевизору как раз шёл выпуск спортивных новостей. Но вдруг раздался звонок в дверь. Семён Семёныч так и застыл в позе конькобежца.

— Странно, кто ж это может быть? Может, мои хозяйки вернулись: как всегда, что-то забыли? — подумал Семён Семёныч и пошёл открывать.

Но площадка перед дверью была пуста.

— Видать, пацаны балуются, — подумал Семён Семёныч. — Ну, ужо поймаю, уши оторву, — пригрозил он и закрыл дверь.

Постояв ещё немного возле двери, Семён Семёныч вернулся к телевизору. Там как раз показывали счёт забитых голов вчерашнего хоккея. А сам вчерашний хоккей Семён Семёныч, как назло, проспал. Но едва он опёрся рукой на подлокотник кресла и начал плавно опускать своё полное тело, чтобы усесться с комфортом, опять раздался звонок в дверь. От неожиданности Семён Семёныч не удержал равновесия и плюхнулся на пол. Сидя на полу, он кипел злостью, а в дверь кто-то настойчиво звонил.

— Ну, если поймаю, убью! — взревел Семён Семёныч и, вскочив, ринулся к двери.

Он рванул на себя дверь и чуть не заплакал — площадка перед дверью была пуста! И даже не было слышно топота убегающих пацанов. Лестница будто вымерла: ни звука, гробовая тишина, даже входная дверь подъезда непривычно молчала.

— Может, сосед Петро приходил? – предположил Семён Семёныч.

Он позвонил в квартиру напротив. За дверью послышалась знакомая шаркающая походка соседа, и на пороге появился сам Петро:

— А, Семёныч, заходи. Твои ушли? Мои тоже, — радостно поведал сосед, приглашая Семён Семёныча войти в квартиру.

— Слушай, Петро, ты сейчас не звонил ко мне в дверь? — сконфужено спросил Семён Семёныч.

— Нет, а что случилось?

— Да в нашу дверь кто-то без конца трезвонит! Думал: пацаны. Вышел — никого не слыхать.

— Да нет, навряд ли пацаны. Сегодня все пацаны удрали на ярмарку: там какие-то дармовые представления.

— Тогда кто же?

— Не знаю, — пожал плечами сосед. — Да ты заходи.

— Да нет, спасибо, Петро, мне ещё пироги в духовку ставить, а то хозяйки мои придут, и опять крику будет, что я целый день лодыря гонял.

— Ну ты, если что, зови меня, — сказал сосед, уже не раз заступавшийся за Семён Семёныча во время его семейных баталий, и закрыл дверь.

Семён Семёныч постоял на лестнице ещё маленько, походил от одной двери к другой, прислушиваясь к необычной жутковатой тишине, потом ушёл к себе. Закрыв дверь, он отправился на кухню. Поставив противень с пирогами в духовку, Семён Семёныч решил немножко поваляться, но едва он лёг, как снова зазвонили в дверь.

— Ну уж нет, ни за что не встану, пусть хоть дверь выламывают, — подумал Семён Семёныч и затолкал голову под две подушки: так звонок звучал глухо.

Семён Семёныч уже начал дремать, как вдруг вздрогнул: это, оказывается, дверной звонок смолк. Семён Семёныч вздохнул и решил ещё немного полежать. Он перебрал в памяти всех дочкиных поклонников, но так и не смог ни на ком из них остановиться: кто из них не в курсе, что дочки нет дома, и кто такой настойчивый?

— Шут с ними, — подумал Семён Семёныч про дочкиных поклонников, тем более что звонок уже смолк.

Он решил посмотреть, как там поживают пироги в духовке. Открыв духовку, Семён Семёныч стал вытаскивать противень, и в это время звонок заголосил на всю квартиру. Семён Семёныч вздрогнул, словно его ударило электрическим током, и уронил на ногу раскалённый противень. А звонок, словно издеваясь над ним, снова смолк. Семён Семёныч быстро скинул горячую тапочку с ноги, стянул толстый шерстяной носок и осмотрел покрасневшую ногу. И подумал: без толстого носка хана была бы ноге. Сидя на стуле и разглядывая обожжённую ногу, Семён Семёныч поклялся: если сейчас ещё раз зазвонят в дверь, я просто убью того мерзавца, который меня беспокоит, кто бы это ни был. И как бы в ответ на клятву Семён Семёныча дверной звонок снова весело заголосил.

— Р-р-р-р-р!!! — рассвирепел Семён Семёныч и зверем ринулся на ни в чём не повинную дверь.

Рванув дверь, он остолбенел: площадка перед дверью была пуста. Прислушиваясь к тишине, он заглянул в лестничный пролёт — НИКОГО. Постояв ещё немного, Семён Семёныч уставился на злосчастный звонок, а тот как бы в подтверждение своего существования снова заголосил. Семён Семёныч почувствовал, как у него по спине побежали холодные мурашки, волосы встали дыбом, а брови, казалось, залезли на самый лоб. Если бы Семён Семёныч увидел встающего из гроба мертвеца, он бы, наверное, испугался меньше, чем сейчас, видя, как дверной звонок звенит, когда к нему никто не прикасается. Семён Семёныч стал медленно сползать спиной по дверному косяку, а звонок, видимо, не собирался замолкать. Этот злокозненный звонок решил свести Семён Семёныча с ума окончательно. Не доползши до точки полного падения, Семён Семёныч вскочил, словно какая-то пружина подбросила его, и помчался к соседу.

— Ты что, Семёныч, такой бледный? — спросил Петро, распахивая дверь.

Но Семён Семёныч, мыча, замахал руками перед соседом, как ветряная мельница. Стоял, мычал и махал — так, что соседу тоже стало жутко.

— Пойдём!!! — скорее выдохнул, нежели выговорил Семён Семёныч и потащил соседа к своей двери.

Теперь уже оба здоровых мужика испуганно глазели на беспрерывно голосящий звонок.

— Может, в нём что-то заело? — предположил Петро.

Он потянулся рукой к звоночной кнопке и надавил на нее. Звонок, естественно, зазвонил. Но это уже был второй звонок, в дополнение к первому. Два одинаковых по звуку звонка. Настоящая чертовщина! Семён Семёнычу показалось, что сейчас пол под ним разверзнется и он полетит в преисподнюю.

— Так это у тебя где-то там, в квартире, что-то звенит, — догадался сосед.

Семён Семёныч и сам уже сообразил, что ошалелый звонок доносится из глубины квартиры. И оба мужика стали осторожно красться на этот странный несмолкающий звонок. Дойдя до стеклянных дверей залы, Семён Семёныч остановился, пронзённый догадкой, — это же Кешкины проделки! Это Кешка, гадёныш! И он распахнул двери залы. И точно: перед журнальным столиком сидел кот Гриша с вытаращенными, как у совы, глазами и во все уши слушал Кешу, который, сидя на жёрдочке и распустив веером свой хохолок, старательно выводил трель дверного звонка.

— Вот паршивец, вот подлюка, он же надо мной полдня издевался!!! — застонал Семён Семёныч и, схватившись за голову руками, рухнул на диван.

Сотрясаясь от беззвучного хохота и держась руками за живот, медленно оседал на пол сосед Петро. А по его небритым щекам текли крупные слёзы — от смеха.

Вечером вернулись обе хозяйки и никак не могли дозвониться в свою квартиру. Тогда они, опустив на пол тяжелые сумки, открыли дверь своим ключом. Вся квартира тонула в синих сумерках, а когда они заглянули в залу, пред их очами предстала семейная идиллия: на диване крепко спал утомленный Семён Семёныч, на спинке дивана, подрагивая лапами во сне, спал кот Гриша, а рядышком с диваном стояла Кешина клетка, где дремал сам умник попугай, довольный своей воспитательной работой.

Ну что? Вы и после этого посмеете утверждать, что попка — дурак?

Наталья Юрпаш

МАЛЕНЬКИЙ ЖИРАФКА

Далеко-далеко в теплых краях жили-были папа-жираф, мама-жираф и маленький Жирафка.

Жирафка любил папу и маму и, когда надолго отлучался, возвращаясь, всегда радостно прижимался к теплому маминому животу или с удовольствием тёрся о папины сильные и крепкие ноги. Жирафка был очень озорной, весёлый и любознательный. Он любил срывать с деревьев сладкие зелёные веточки, любил разглядывать под ногами жуков, пауков и разных букашек.

Однажды Жирафка пошел погулять. От хорошего настроения он смеялся, мотал головой в разные стороны и бежал, бежал, бежал. А когда остановился, вдруг испугался: где я? Совсем один... Жирафка осмотрелся по сторонам. Вокруг никого. Ни единой живой души. Только неподалеку одиноко торчал кактус. Но кактусы не разговаривают. И у них ничего не спросишь. И потом они такие колючие. Как-то Жирафка больно укололся о кактус. Губа сильно распухла и долго болела. Мама говорила: «В следующий раз будешь осторожнее, не станешь хватать что попало». А папа сказал, что, когда Жирафка подрастет, он, как и все взрослые жирафы, обязательно научится умело обращаться с опасными вещами. Надо только немного потерпеть. Жирафка снова осмотрелся вокруг: никого.

— Значит, я заблудился, — горестно вздохнул Жирафка. Он сел и широко расставил передние ноги. — И чего это мне вздумалось так бегать? Смотреть надо, куда бежишь. Вот те-

перь сиди и думай, в какую сторону идти, где искать папу и маму. — От напряжения Жирафка зажмурил глаза и снова замотал головой. — Нет, так не пойдет! Папа говорит, что из каждой ситуации можно найти выход. Главное — не растеряться. Не растеряться… — медленно проговорил Жирафка, прислушиваясь к звучанию этого слова.

А когда голова так болтается, в ней что-то теряется. Это правда. Он решительно встал. Солнце стояло уже высоко и припекало. Жирафка поднял голову и зажмурился. «Как хорошо», — подумал он.

— Эй ты, как тебя, чего это ты тут так развоображался? — раздался откуда-то тихий скрипучий голос.

От неожиданности Жирафка вздрогнул. Вокруг по-прежнему никого не было. Он переступил всеми четырьмя ножками.

— Кто здесь? — тихо проговорил Жирафка.

— Ага, ты еще и трус, – захихикал тот же голос.

— Кто прячется, тот и трус, — гордо вскинул рожки Жирафка. — Выходи, знакомиться будем.

Он переступил передними ножками и ловко поддел камешек. Камешек отлетел в сторону кактуса и упал прямо возле него, слегка задев нижние колючки.

— Ну, ты, полегче!

— Как это? Разве кактусы разговаривают? — Жирафка подобрался поближе.

— Я умею, — ответил кактус.

— Тогда давай знакомиться, если хочешь, конечно. Меня зовут Жирафка. А тебя как зовут?

— А меня ещё пока никак не зовут. Со мной никто не разговаривает.

— Почему? — спросил Жирафка.

— Некому, — рассудительно ответил кактус.

Жирафка призадумался. В самом деле: легко ли сидеть совсем одному всё время на одном месте?

— Как же ты тут живешь? — спросил Жирафка.

— Так вот и живу, — ответил кактус.

— Знаешь что, — сказал Жирафка, — давай с тобой дружить. Я буду приходить к тебе каждый день, и мы будем болтать обо всём на свете. Я расскажу тебе все-все новости. Ты научишь меня каким-нибудь своим цветочным премудростям. Когда-нибудь они обязательно мне пригодятся. Вот только мне бы дорогу домой найти. Папа и мама уже, наверно, беспокоятся, — его большие и красивые глаза стали грустными.

— Нет ничего проще, — невозмутимо сказал кактус. — Посмотри на песок. Там ведь только твои следы. Иди по своим следам – и они приведут тебя к дому.

– Здорово! – воскликнул Жирафка. – Как же я сам-то не догадался? Спасибо, Тусик. Можно я буду тебя так называть?

– А что… – кактус сделал многозначительную паузу, – в этом что-то есть… Звучит.

– Звучит-звучит, – радостно засмеялся Жирафка, – еще как звучит. Ну, тогда я пойду. До завтра, Тусик!

– До завтра, Жирафка. Я буду тебя очень ждать, – вздохнул кактус.

* * *

Тусик остался один. И ему почему-то сделалось грустно. Он привык к своему одиночеству и никогда не задумывался об этом. А тут вся душа его возмутилась. Как же случилось, что он остался совсем один?

Обычно кактусы живут семьями, иногда целыми плантациями. Мама Тусика была высокая стройная особа. У нее было много детей. Вся семья жила очень дружно. Старшие дети, которые уже отпали от маминого тела и пристроились поблизости, жили самостоятельно. А маленькие, в том числе и Тусик, ещё питались материнским соком, самым вкусным соком на свете. По вечерам мама рассказывала детям сказки, а когда незаметно для себя засыпала, остановившись на полуслове, маленькие колюче-пушистые шарики возбужденно перешёптывались, наперебой стараясь дополнить сказку каждый своими подробностями. Иногда дело доходило до ссоры, у кого круче вышло. Устав от споров, малыши замолкали и тотчас засыпали. Утром рано-рано надо было успеть умыться капельками росы, пока те не испарились на солнце. Начинался новый день со своими заботами, радостями и огорчениями, с новыми впечатлениями. Так бы всё и шло.

Но однажды налетел сильный и страшный ветер. Там часто бывали сильные ветры. Но этот ветер был самый страшный. Он сметал всё на своем пути. И название у него было такое же страшное – смерч. Тусик до сих пор так и не понял, как всё это произошло. Тогда на какое-то время он потерял чувство реальности, а когда пришёл в себя, почувствовал, что летит. Его крутило, бросало то вниз, то вверх. Было жутко. Но в какое-то мгновенье Тусик вдруг подумал: летать – это не так уж и плохо.

Внезапно ветер стих, и Тусик со всей силы шмякнулся на землю. Замечательные упругие колючки избавили его от лишних неприятностей. Едва он успел опомниться, последний порыв ветра приподнял его и почти поставил на ноги, если можно так сказать про кактус. Корешки коснулись земли. Сколько усилий потребовалось Тусику! Вот так, с ходу, надо было непременно зацепиться, да покрепче, чтобы удержаться. И ни в коем случае не завалиться снова на бок. И это ему удалось! К счастью, влага оказалась совсем близко, и Тусик с удовольствием сделал первый глоток. А дальше дело пошло уже намного легче. Так и прижился Тусик на новом месте. Так началась его самостоятельная жизнь.

* * *

На следующий день утром рано Жирафка пришёл навестить своего нового приятеля. Тусик даже вспотел от волнения. Они говорили, говорили, говорили – и никак не могли наговориться. Слово за слово, и Тусику пришлось рассказать Жирафке свою историю. Озорные глаза Жирафки сделались серьёзными.

– Ты ле-тал? – восторженно произнес Жирафка по слогам. – Как бы я хотел быть на твоём месте!

– На моём месте! – передразнил его Тусик. – Глупая твоя голова: птица в небе парит свободно, это совсем другое. Разве ты не понимаешь? И вообще, у каждого своё место.

– Да, – задумчиво пожевал губами Жирафка. – Вот и папа говорит, что каждый должен быть на своём месте. А знаешь, кого я сегодня встретил? – спохватился Жирафка. Глаза его так и сияли радостью. – Мою подружку Жифу. Жифа на полгода моложе меня, она такая красавица! Все-все

считают её красавицей. Когда Жифа была маленькой, её чуть не съели дикие собаки. Она так старалась убежать от них, что потом никак не могла остановиться. Папа долго бежал рядом с ней, пока она не успокоилась. Говорят, она родилась в рубашке. Так ей повезло. Наши родители не-разлей-вода. Жифа хотела было увязаться за мной, но я ей не позволил. Я побоялся, что тебе это не понравится.

– Напрасно, – мягко проговорил Тусик, – маленьких нельзя оставлять одних. И потом, ты старший, надёжная опора и защита. А поговорить всегда найдётся о чём. Скучно ей не будет.

– Я никому не дам Жифу в обиду, – приосанился Жирафка. – Ладно, – с каким-то даже удовольствием сказал он, – завтра возьму её с собой. Только пусть не жеманится, а то будет тут глазки строить.

– Что ты понимаешь, – ласково буркнул Тусик.

Жирафка поднял глаза к небу.

– Ты не знаешь, завтра будет дождь?

– Дождь? – не понял Тусик. – А тебе зачем?

– Мама третий день уже дождя просит. Солнце палит нещадно. Река скоро уже совсем пересохнет.

– Да, дождя и впрямь давно не было, – сказал Тусик, – я как-то не заметил. У меня своей воды хватает.

– Как это? – спросил Жирафка.

– Видишь, какой я толстый – как бочка. И листьев у меня нет. Вместо листьев у меня колючки. Поэтому влага хорошо сохраняется. И я могу долго обходиться без воды. Когда запасы мои иссякнут, пойдёт дождь. Я снова наполню свою бочку до краёв. И будь спокоен!

– И будь спокоен! – весело засмеялся Жирафка и запрыгал на месте. – Ой, – остановился он, – мне пора.

– В самом деле пора, заболтались мы с тобой, – сказал Тусик. – Проголодался, наверно?

– Ага, – кивнул Жирафка.

– Ну что ж, беги-беги, – подбодрил его Тусик. – Пока!

Жирафка уже сделал несколько шагов в сторону. Потом остановился и оглянулся. Его загривок передёрнулся пушистой волной.

– Пока-пока, – задорно воскликнул Жирафка и игриво крутанул хвостиком. – До завтра.

* * *

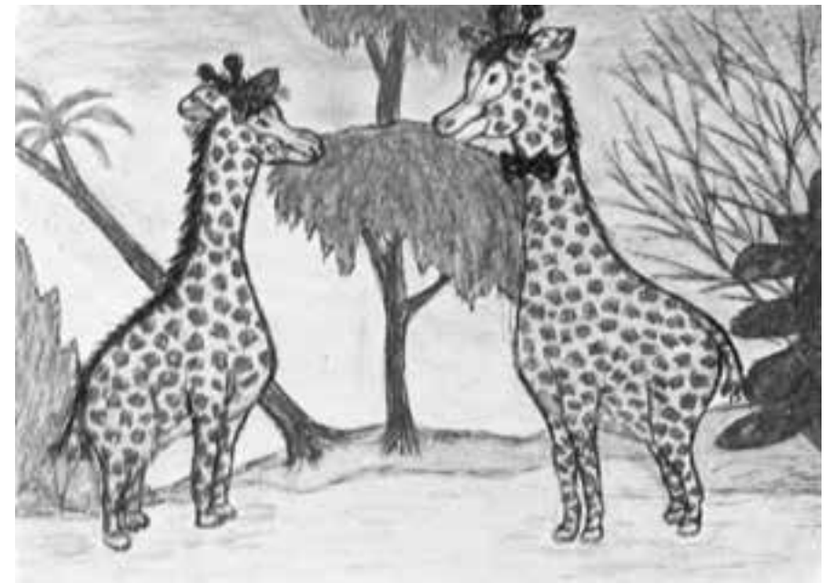
Жифа с нетерпением ждала возвращения Жирафки. Новость, которую она не успела сообщить ему утром, была сногсшибательная. Завтра папа, мама и Жифа уходят в низину. Взрослые решили, что Жирафка тоже пойдёт с ними. Низина находилась вниз по течению реки. Там река шире, а по берегам много вкусной и сочной растительности. Жифа была просто счастлива оттого, что Жирафка будет с ней.

– Вот это да! Он такой отважный. На него всегда можно положиться. И ещё... Он такой... такой красивый. Все девчонки умрут от зависти. – От удовольствия Жифа громко захихикала.

– Над кем смеёшься? – с ходу налетел на нее Жирафка.

Жифа вежливо посторонилась:

– Да над тобой. Летишь, как оголтелый. Сопишь, как носорог. Чуть с ног не сшиб.



– Ладно уж, – буркнул Жирафка. – Какие новости?

– Новость только одна. Зато какая! – Жифа выразительно потянула ноздрями, как будто учуяла запах чего-то вкусненького.

– Не тяни. Ну! – наступал на нее Жирафка.

– Завтра мы уходим в низину. И ты идёшь с нами.

– Ещё чего! – возмутился Жирафка.

– Больше ничего, – спокойно ответила Жифа. – Иди-иди, твои тебя уже заждались.

Жирафка упрямо встряхнул рожками. Родители долго уговаривали Жирафку. В конце концов, папа посмотрел на него строго и сказал:

– Не капризничай. Ты еще слишком мал. Тебе необходимо полноценное питание. Так надо, сынок. Будь мужчиной. Что скажет Жифа? Она подумает, что ты струсил.

Жирафка покорно опустил глаза.

– А что подумает Тусик? – прошептал он.

* * *

Прошло три дня. Тусик изнывал от зноя и неизвестности. Что же могло случиться? Неужели Жирафка забыл своё обещание? Нет, этого не может быть. От переживаний Тусик выпил всю свою воду. И теперь его мучила непривычная жажда. Солнце садилось. Жара начинала спадать. И Тусик с облегчением подумал: «Что-то принесёт завтрашний день?».

* * *

В низине всё складывалось как нельзя лучше. Время летело незаметно. Родители Жифы благоволили к детям, давая им полную свободу. Дядя Раф говорил:

– Когда чувствуешь себя свободным, в голову лезет гораздо меньше глупостей.

– Будьте осторожны. Помогайте друг другу, – говорила тётя Афа.

А Жифа без конца твердила:

– Далеко уходить нельзя. Мы потеряемся.

– Не потеряемся, – бормотал Жирафка.

Он постоянно думал о том, как бы ему убежать, чтобы навестить Тусика. Но как быть с Жифой? Бросить её одну ему не позволяла совесть, а взять с собой страшно. Вдруг с ней что-нибудь случится. Вечером после ужина малыши пошли прогуляться.

– Послушай, Жифа, – остановился Жирафка, – мне надо повидать друга, очень надо, понимаешь?

– Понимаю, – кротко кивнула Жифа.

– Дорогу я запомнил хорошо. Мы не потеряемся. Решайся. Ты пойдешь со мной или останешься здесь с родителями?

– Конечно, с тобой! – быстро ответила Жифа. И в знак решительности выставила вперед правую переднюю ножку.

– А не забоишься? – Жирафка заглянул ей в глаза. – Путь ведь неблизкий.

– Нет, – отрезала Жифа. – Что я – маленькая? С тобой мне не страшно. Мы пойдем прямо сейчас?

– Прямо сейчас, – отчеканил Жирафка. – Я всё продумал: идти придётся быстро. До того, как стемнеет, мы должны пройти половину пути. До рассвета можно будет отдохнуть и поспать. Утром что-нибудь перекусим и тронемся дальше.

– Тогда надо предупредить папу и маму, – рассудила Жифа.

– Что, струсила, да? – презрительно фыркнул Жирафка.

– Ничего не струсила. Просто так нечестно как-то получается.

– Что нечестно? Беспокоить родителей на ночь глядя? – И Жирафка припечатал свой вопрос копытцем.

Жифа смотрела на него во все глаза. В воздухе повисла пауза.

– Я… Я придумала: мы попросим мою подругу Ифу. Утром она скажет родителям, что мы ушли навестить …

– Тусика, – подсказал Жирафка.

– Тусика, – повторила Жифа. – Вечером будем дома. Вот и всё.

Она недолго помолчала и добавила:

– Мы же с тобой уже ночевали у Ифы.

– А если она проболтается раньше утра? – строго спросил Жирафка.

– Зачем? – не поняла Жифа.

– Ну не знаю, кто вас, девчонок, разберет.

– Ну, знаешь ли… – обиделась Жифа.

– Согласен, – примирительно прошептал Жирафка.

– Ой! Тогда я сейчас… Жди меня здесь, – Жифа вильнула хвостиком и убежала.

– Постой, ненормальная, я с тобой, – крикнул Жирафка. Ох уж мне эти девчонки, – подумал он и пустился вдогонку.

* * *

Дорогу Жирафка действительно запомнил очень хорошо. Они шли быстро, почти не разговаривая. Только зорко смотрели вперед и часто оглядывались по сторонам, чтобы быть начеку. Жифа дрожала всем тельцем от напряжения. Жирафка иногда прижимался к ней, чтобы немного успокоить её. Ему и самому было чуточку страшновато. Это была первая в его жизни самостоятельная ночная вылазка. Подумать только, что бы сказал папа! Темнело. До привала им осталось пройти совсем немножко. Там около старого поваленного дерева можно будет удобно устроиться на ночлег.

– Жифа, ты очень устала? – спросил Жирафка.

– Очень, – честно ответила Жифа.

Жирафка прижался к ней, нагнулся и губами пощекотал у неё за ушком. Он сам очень любил, когда мама так ласкала его.

– Ничего, – сказал он, – вот мы и пришли. Теперь можно отдохнуть. Прижмись к дереву поудобнее. Я буду рядом. Постарайся заснуть.

Жифа прислонила свою маленькую головку к его шее. В воздухе стояла невыносимая духота. Маленькому Жирафке очень хотелось пить. Он вспомнил, как Тусик рассказывал ему про свою воду. «Удивительно, как в природе всё продумано до мелочей, – подумал он, – ведь Тусик не может сам пойти к реке и напиться».

В это мгновенье крупная капля упала ему прямо на нос. Потом ещё одна. И ещё. Пошел сильный дождь. Жифа, моментально уснувшая от усталости, от неожиданности вздрогнула и проснулась.

– Дождь, – сказала она слабым голосом. – Какой чудесный дождь!

Из-за туч выскользнула яркая луна. Прямые нити дождя засеребрились в лунном свете. Малыши залюбовались этим необычайным явлением. Жирафка высунул язык, чтобы хоть как-то утолить жажду. Жифа толкнула его в бок.

– Посмотри, – она показала глазами на дерево.

Там в глубокой расщелине, как в большой луже, вода пузырилась огромными пузырьками. Они наклонились и стали пить. Это было очень удобно. Стоило только чуть-чуть наклониться. Сон как рукой сняло.

– Давай наперегонки, – предложила Жифа.

– Нет, – строго сказал Жирафка.

Луна спряталась, стало совсем темно.

– Тебе надо беречь силы. Утром мы снова тронемся в путь. Постарайся заснуть. Пожалуйста, – прибавил он мягко.

Утром всё так же шел дождь. Жирафка и Жифа ещё раз попили из своей чудо-лужицы и отправились в дорогу. На пути им попалось симпатичное деревце, и они вкусно перекусили.

– Жирафка, расскажи мне про Тусика, – попросила Жифа. И Жирафка рассказал ей всё с самого начала. Жифа внимательно выслушала и удивилась. – Разве колючие бывают добрыми?

– Бывают, – тряхнул головой Жирафка.

– Ему столько пришлось пережить, – задумчиво проговорила Жифа.

Она посмотрела на Жирафку так по-взрослому серьёзно, что ему стало страшно. И тут на горизонте показалась макушка Тусика. Из груди Жирафки вырвался радостный вопль. На мгновение он застыл на месте, а потом со всех ног ринулся вперед. Жифа, еще не поняв, что произошло, в недоумении бросилась за ним вдогонку.

* * *

– Тусик! Тусик! – орал во всё горло Жирафка. На радостях он так разогнался, что не сумел вовремя притормозить. И то, что вот сейчас может случиться беда, у него в голове промелькнуло в последнюю секунду. Чтобы

избежать столкновения, он отчаянно рванулся в сторону. Это как раз и послужило к самой печальной развязке. Копытцем задней ноги в толчке он со всей силы подбросил кактус вверх. Клочья мокрого песка разлетелись в разные стороны. Тусик тяжело плюхнулся на землю. Пробежав еще несколько метров, Жирафка наконец остановился. То, что он увидел, привело его в ужас. На мгновение он остолбенел.

– Тусик, Тусик, – шептал он, задыхаясь от рыданий. Ноги его ослабели. Он почувствовал, что теряет последние силы. В этот момент подоспела Жифа.

– Жирафка, что случилось? Что с тобой? Ты весь дрожишь.

– Я… Это я погубил Тусика… – пробормотал Жирафка, заливаясь слезами.

Жифа повернула голову и посмотрела в ту сторону, куда так неотрывно смотрел Жирафка. Тусик лежал на боку, распростав во все стороны длинные корни.

– Как же это? – растерянно произнесла Жифа дрожащим голосом и тоже заплакала.

– Не надо плакать, – вдруг раздался неожиданно спокойный голос Тусика. – Ничего страшного не случилось. Успокойтесь. Отдохните немного, а потом мы все вместе будем думать, что делать дальше.

– Тусик, – радостно всхлипнул Жирафка. Глаза его посветлели. Он понемногу стал приходить в себя. Долгое время все молчали.

– Что же нам теперь делать? – ещё всхлипывая, спросила Жифа.

– Надо подождать, пока пройдёт дождь, – спокойно сказал Тусик. – Чтобы вода ушла из моего гнездышка. Потом вы заправите все мои корни в эту ямку и посадите меня на место. Вдвоём, я думаю, вы справитесь очень быстро. Вот и всё.

– Так просто, – простонал Жирафка и сел, широко расставив передние ноги.

Он сидел рядом с Тусиком. Жифа медленно пошла по кругу, обходя их. Она сделала один круг, потом ещё один круг, потом еще и еще.

– Жифа, что ты делаешь? – спросил Жирафка.

– Я думаю, – ответила Жифа.

Жирафка взглядом следил за ней, но голова у него была пустая-пустая. «Ну, хоть бы одна мысль шевельнулась», – подумал он и передернул ушками.

– Раз уж всё так вышло, может быть, это и к лучшему, – заговорила Жифа. – Давай возьмем Тусика с собой в низину. Там чуть выше по течению реки на пригорке тоже растут кактусы. Я сама видела. В компании ему будет лучше, чем тут торчать одному. И мы будем рядом.

Жирафка посмотрел на Жифу широко раскрытыми глазами.

– Это ты хорошо придумала. А, Тусик, Жифа-то дело говорит.

– Мороки много, – проворчал Тусик, – не стою я того, чтобы так со мной возиться.

– Просто ты не хочешь, чтобы мы были рядом, раз отказываешься от нашей помощи, – обиделся Жирафка.

– Я такой тяжёлый, – пошел на мировую Тусик. – Можно, правда, катить меня, как бочку. Мокрый песок облепит меня со всех сторон, и я уже не буду таким колючим. Это даже удобно.

– Что ты! Что ты! – запротестовала Жифа, – у тебя голова закружится.

– Ну, ещё можно нести меня за корни. Это будет для вас тяжеловато. Придётся часто отдыхать.

– Но тебе же будет больно, – в голосе Жифы послышались слезы. – Потом корни могут оторваться.

– Если оторвутся, не беда. Новые вырастут.

– Не надо, не надо, – сказала Жифа.

– Ну, тогда остаётся один вариант, – удовлетворенно проговорил Тусик, – оставить меня на старом месте.

– Нет, я не согласна! Я не согласна! – почти кричала Жифа. Она снова стала наматывать круги. Жирафка сидел как потерянный.

– Я вспомнила! Вспомнила! – подскочила Жифа. – Жирафка, помнишь дерево, где мы завтракали? Ну, помнишь, там на дереве висел большой клетчатый платок? Я ещё тогда подумала: «Какой хороший галстук мог бы из него получиться!». Ну, помнишь, помнишь?

– Не помню, – сказал Жирафка, – что поели вкусно, помню.

– Ну, тогда сидите здесь, я сейчас сбегаю и принесу.

– Нет уж, – Жирафка решительно встал. – Пойду я. А ты останешься здесь с Тусиком. Правда, я ещё плохо соображаю, зачем тебе всё это понадобилось. Ну, раз тебе так уж нужен этот клетчатый платок… – Он повернулся и без лишних слов пустился бежать.

* * *

На дереве и в самом деле безжизненно висела какая-то тряпица. Жирафка подошел поближе. Это был большой платок в сине-красную клетку. Одним углом он был крепко-накрепко привязан к толстой ветке. Развязать тугой узел Жирафке, конечно, не удалось. Он решил отломить ветку. Для этого он осторожно просунул голову между стволом и веткой. Упершись головой в ствол дерева, он сильно-сильно напряг свою длинную шею. Раздался глухой щелчок, затем послышался треск, ветка легко поддалась и упала на землю. Жирафка нагнулся, надо было еще отломить сучок, чтобы высвободить петлю платка. И тут ему в голову пришла счастливая мысль:

– Я отнесу эту ветку Жифе, чтобы она могла хорошенько подкрепиться перед дорогой.

Он поудобнее ухватил зубами толстую неуклюжую ветку и тронулся в обратный путь. Мокрый платок хлестал его по груди. Завидев Жифу, Жирафка заблаговременно сбавил ход. Жифа сидела возле Тусика. Они разговаривали. Жирафка спокойно подошёл и положил ветку к ногам Жифы. Она подняла голову и посмотрела на него своими прекрасными глазами.

– Жирафка, как ты быстро обернулся. Мы и не заметили, как пролетело время. Да, это тот самый платок, про который я говорила. А зачем ты притащил сюда эту ветку?

– Это тебе, – сказал Жирафка. – Ты должна хорошенько подкрепиться перед дорогой.

– Ага, я ужасно проголодалась. Спасибо тебе большое. – И Жифа нетерпеливо отщипнула от ветки зелёненький отросток. Тусик даже крякнул от удовольствия.

– Скажи, Жифа, ведь правда приятно, когда рядом с тобой настоящий мужчина? – ввернул он.

– Угу, – кивнула она, с аппетитом уплетая молодые побеги.

Жирафка нагнулся. Он отломил сучок, высвободил петлю платка и, оттащив платок в сторону, расстелил его на песке.

– Ну и конструкция! – вырвалось у него. Зайдя со стороны петли, он попытался вставить в петлю копытце. Это получилось так ловко, что лучшего и желать нельзя было. Резко вытащив ногу из петли, Жирафка подскочил к Жифе и лизнул её прямо в ухо.

– Жифа, ты умница. Ты просто не представляешь, какая ты умница, – выпалил он. Жифа ещё жевала.

– Ах, как вкусно! – приговаривала она. – А ты почему не ешь?

– Ещё успею, – буркнул Жирафка и снова подошел к платку. Тусик молчал, наблюдая, что будет дальше. Жирафка долго стоял над платком, ещё что-то соображая. Наконец он нетерпеливо спросил:

– Жифа, ты поела?

– Да, – подошла она.

– Тогда смотри: я возьму платок за этот угол. Ты возьмешь за этот. Мы подтащим платок вплотную к Тусику. Затем осторожно перекатим его на платок макушкой вот сюда, к петле. Хорошенько завернём, чтобы он не скатывался. Я вставлю в петлю заднюю ногу, а ты, Жифа, постарайся подтянуть петлю повыше, чтобы она плотнее закрепилась на ноге. Так мы и пойдём. Я буду осторожно подтягивать ногу, а ты пойдёшь сзади и будешь следить, чтобы платок не развернулся.

Жифа сильно потянула ноздрями. Набрав полную грудь воздуха, она произнесла на одном дыхании:

– До такого я бы никогда не додумалась, это точно!

– Тусик, а ты что думаешь? – спросила Жифа. – Ты готов?

– Я согласен, – кротко ответил Тусик.

И они сделали всё так, как говорил Жирафка.

– Только отдыхайте почаще, – взмолился Тусик, когда всё было готово.

– Хорошо-хорошо, – хором ответили малыши. Они переглянулись.

– Пошли, – сказал Жирафка.

– Пошли, – подхватила Жифа.

* * *

По-прежнему шёл дождь. Они шли медленно. Тусик развлекал малышей маминими сказками. Жирафка уже несколько раз менял ногу. Жифа забежала вперед.

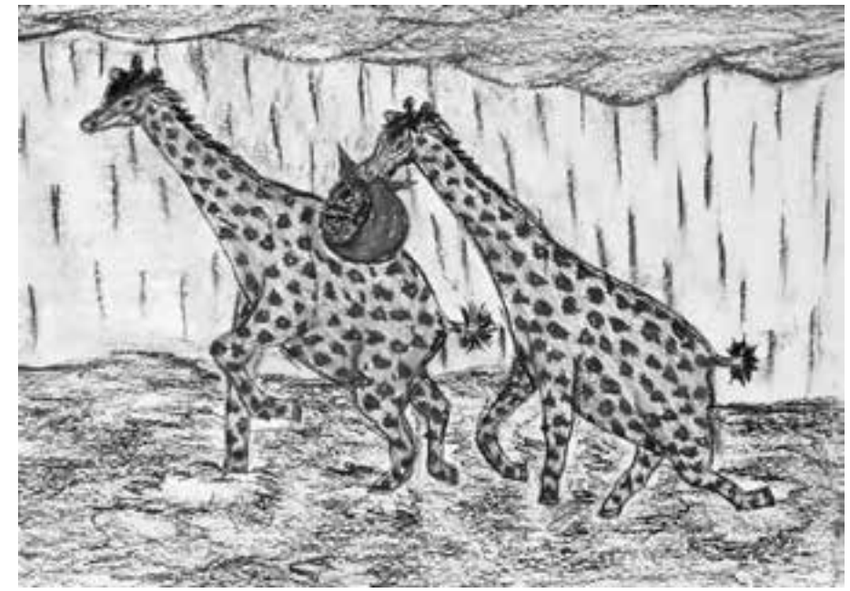
– Жирафка, отдохни немножко. Давай я. Ну, дай я похромаю.

– Не приставай, – ворчливо ответил Жирафка, – солнца сегодня нет, мы даже не знаем, который час. Нам надо торопиться, чтобы до заката быть на месте.

Жифа призадумалась и отошла в сторону. Тусик молчал. Он только что закончил очередную сказку и собирался с мыслями, чтобы начать новую.

– Постой, постой, Жирафка, остановись, – сказала Жифа, – платок развернулся, надо поправить. – Она нагнулась, делая вид, что хлопочет над Тусиком, и скомандовала Жирафке: – Вытащи ногу, походи немножко. Или сядь. Расслабься.

Краем глаза Жифа следила за Жирафкой. Она развернула платок, расправила все складочки, поправила корни Тусика, подвернула их поудобнее и завернула нижний край платка. Жирафка вытащил ногу, отошел в сторону и сел, широко расставив передние ноги. Жифа нарочно тянула время. Она так хитро завернула правый край платка, что когда она наложила сверху левый край, углы платка совпали. Ловко подцепив оба уголка язычком, она поудобнее захватила зубами платок. Приподняв Тусика, Жифа выпрямилась, вызывающе посмотрела на Жирафку, повернулась и пошла. Жирафка оторопело смотрел ей вслед. Несколько минут он не мог сдвинуться с места. Потом, резко поднявшись, побежал догонять. Догнав Жифу, Жирафка долгое время молча шел рядом с ней.



– Ну, ты даёшь! – наконец выдохнул он. Тусик благоразумно молчал. Ещё некоторое время они шли молча. Потом, осторожно подбирая слова, Жирафка проговорил:

– Жифа, остановись, пожалуйста. Наклонись так, чтобы Тусик коснулся земли, но платок не выпускай, я осторожно перехвачу его.

Так, сменяя друг друга, шаг за шагом они добрались до поваленного дерева. Дождь лил как из ведра, никто не обращал на него никакого внимания. От тел малышей, разгорячённых от возбуждения и непривычных усилий, валил пар. Знакомая им чудо-лужица приветливо бурлила пузырьками. Малыши с наслаждением утолили жажду.

– Как хорошо, – сказала Жифа. – Интересно, что сейчас делают папа и мама?

– Конечно, беспокоятся, – сказал Жирафка.

– Тогда что мы тут прохлаждаемся?

– Нет. Давай отдохнём ещё немного, а то что я скажу твоим родителям в своё оправдание? Посмотри – на тебе кожа болтается.

– Сам такой, – сказала Жифа, – ты бы лучше подумал, каково Тусику.

– Ну, обо мне не беспокойтесь, – откликнулся Тусик, – всё равно, чтобы посадить меня, придется ждать, когда кончится дождь, а он, я вижу, разошелся не на шутку.

Пока они шли, дождь всё-таки приутих, а потом и вовсе перестал. Небо просветлело. Воздух наполнился тем особым ароматом, который бывает только после дождя. Дышать стало намного легче. Тусика несла Жифа. Жирафка шёл рядом. Он зорко смотрел вперёд и часто оглядывался по сторонам. Идти оставалось уже недалеко. Впереди змейкой блеснула река.

– Смотри – река! – взволнованно произнес Жирафка.

Сначала Жифа подумала, что ей померещилось. Она присмотрелась повнимательнее. На берегу отчётливо вырисовывались знакомые силуэты.

– Наши! – радостно прошептал Жирафка.

Каким лёгким теперь показался Жифе Тусик! Ноги шли сами собой. На душе стало легко и спокойно.

– Давай я, – сказал Жирафка.

Жифа остановилась, они поменялись ролями и прибавили хода.

На берегу их ждали Ифа с родителями Жифы и родителями Жирафки. Завидев малышей, все разом тронулись с места.

– Ма-ма! – не выдержала Жифа и побежала.

* * *

Жирафка не смел поднять глаза. Тусик лежал у его ног. Рядом стояли Ифа и Жифа. Мамы плакали. Папы молчали.

– Я один во всём виноват, – сказал Жирафка. – У нас беда случилась…

– До заката нам надо успеть добраться до пригорка и посадить Тусика, – встряла Жифа.

– Ну-ка, давайте, как это у вас делается? Жифа, помоги мне, – сказал дядя Раф, её папа. Он наклонился, подхватил Тусика и пошёл впереди всех. Некоторое время все шли молча. Жирафка наконец поднял глаза и посмотрел на отца.

– Папа, я обещал, понимаешь?

– Понимаю, – как-то совсем не строго сказал папа. Он ускорил шаг и громко проговорил:

– Раф, Раф, подожди, теперь моя очередь.

* * *

На пригорке взрослые выбрали самое хорошее место и быстро, ловко и аккуратно посадили Тусика в землю. После всех приключений вид у него был не очень-то презентабельный, но голос звучал бодро.

– Спасибо вам, друзья мои, – сказал Тусик. – Мне очень нравится здесь, на новом месте.

– Это всё Жифа, – пробормотал Жирафка. – Если бы не она, мы бы так ещё и хромали, – виновато добавил он.

– Жирафка, что ты такое говоришь… – начала было Жифа. Но мама Жирафки наклонилась к детям и ласково сказала:

– Всё хорошо, что хорошо кончается. Пойдемте лучше к реке. Вам надо умыться и хорошенько выспаться. Завтра вас ждут новые приключения.

Луч Фомальгаута
ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ
№ 8 2009

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Ирина Позднякова
Слово редактора ... 1

МИР УВЛЕЧЕНИЙ
Ирина Позднякова
Астрономия для друзей ... 3

ЛЮДИ И СУДЬБЫ
Екатерина Зотова
Подвиг Детской Вешалки ... 7

МИГ ПОЭЗИИ
Александр Тиунов ... 14
Татьяна Подгорная ... 62

КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ... ... 16

МОЙ ПУТЬ
Саша Ильин
Виражи судьбы ... 18

ПРОЗА
Валерий Белоножко
Маргинал ... 24
Алла Зенина
Джуйхицу ... 41
Сергей Царапкин
История одного дождя ... 53
Людмила Андреева
Когда уходишь ты *(окончание повести)* ... 66

ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ
Ирина Позднякова
Космос Анатолия Степанова ... 32

НАШ ВЕРНИСАЖ
Анатолий Степанов ... 34
Екатерина Зотова
Зрячие пальцы: резчик Александр Романов ... 60

УРОКИ ЖИЗНИ
Татьяна Подгорная
Волонтёрство расширяет горизонты ... 36

НАША БИБЛИОТЕКА
Екатерина Зотова
Открытая душа ... 50

МОЗАИКА ... 82

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ
Тамара Черемнова
Попугай Кеша ... 85

ДЕТЯМ
Наталья Юрпаш
Маленький Жирафка ... 89

Отпечатано в ООО «Эль-Квест» (Москва)
Тираж 700 экз.

Зрячие пальцы Александра Романова

с. 60–61

Фомальгаут – звезда в созвездии Южной Рыбы. В наших широтах она видна низко над горизонтом и кажется тусклым мерцающим огоньком. А ведь на самом деле это одна из двадцати ярчайших звёзд неба! Увидеть её во всём блеске нам мешают чисто внешние причины: пыль и копоть вблизи горизонта. Но если мы пойдём на юг, навстречу этой звезде, она поднимется вверх, и в южных широтах ничто не скроет от нас её истинного блеска.

Для того, чтобы изменить мнение об инвалидах, да и просто – о любом человеке, не нужно совершать далёкого путешествия вдоль земного меридиана. Мы сами готовы пойти навстречу – и делаем это. «Луч Фомальгаута» призван осветить нам дорогу.